

ИТОГИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии.
2012. – Т. 21, № 2. – С. 5-174.

УДК 504

РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2012 Н.М. Матвеев

Самарский государственный университет

Поступила 31 мая 2011г.

Публикуются воспоминания автора о его работе на биологическом факультете Куйбышевского-Самарского государственного университета (1972-2009 гг.), о становлении и развитии кафедры экологии, ботаники и охраны природы.

Ключевые слова: экология, ботаника, охрана природы Самарская область.

Matveev N.M. DEVELOPMENT OF AN ECOLOGICAL SCIENCE IN THE SAMARA REGION – Memoirs of the author on its work at biological faculty of the Kuibyshev-Samara state university (1972-2009), about formation and development of chair of ecology, botany and wildlife management are published.

Key words: ecology, botany, wildlife management the Samara region.

1. ПРЕЛЮДИЯ

Данную часть воспоминаний я начал писать в начале 2006 года. Работа продолжалась до начала 2010 года. Поэтому в тексте имеют место «смещения событий» за названный период времени, что следует учитывать. Итак!

21 декабря 2005 года мы отпраздновали 30-летие официального существования в Самарском (Куйбышевском) университете кафедры экологии, ботаники и охраны природы (до 1990 года – кафедры ботаники). Предварительно мною был написан текст с исчерпывающей информацией об истории и современном состоянии кафедры, который был просмотрен и слегка подправлен Л.М. Кавеленовой, Н.В. Прохоровой, С.А. Сачковым. Каждый сотрудник (Т.И. Плаксина, О.А. Мозговая, Т.А. Овчинникова, Л.М. Кавеленова, Н.В. Прохорова, С.А. Сачков, Н.В. Авдеева-Власова, О.А. Легоньких-Кузовенко, В.Г. Терентьев, И.Н. Гореславец) откорректировал текст о себе. Вместе с полными списками научных и учебно-методических публикаций всех сотрудников (по состоянию на

Матвеев Николай Михайлович, доктор биологических наук, профессора, заведующий кафедрой экологии, ботаники и охраны природы Самарского государственного университета

конец 2004 года) сей текст был превращен в брошюру, которую изготовил на ксероксе В.Г. Терентьев. Аспирант А.Н. Козлов и студент 5 курса (по совместительству – наш лаборант) Е.С. Корчиков с помощью компьютера и цветного принтера сделали вкладыши с 8 цветными фотографиями. В жесткой желтого цвета блестящей обложке получилась вполне приличная книжечка в 75 страниц.

Плохо то, что коллеги мои сильно «тормозили» работу: очень долго «резинили» представление списков своих публикаций, неоперативно, с ошибками, с многочисленными переделками набирался текст брошюры на компьютере (О.В. Бадонова), медленно изготавливались вкладыши с фотографиями (А.Н. Козлов).

8 декабря Н.В. Прохорова защитила докторскую диссертацию, а в последующие дни оформляла соответствующие документы. Л.М. Кавеленова составляла и печатала 3 научных отчета. Но именно они самым добросовестным образом решили все вопросы в столовой университета по организации фуршета. Л.М. Кавеленова изготовила макет брошюры. Студент (лаборант) Е.С. Корчиков смонтировал два великолепных фотостенда о деятельности кафедры.

Торжественное собрание было назначено на 21 декабря на 16 час. 30 мин. в ауд. 309, а фуршет – на 18 часов. Очень короткий срок собрания не позволял длинных речей. Первоначально предполагалось, кроме моего доклада о становлении и развитии кафедры, представить также доклады Т.И. Плаксиной – о развитии флористических исследований, Л.М. Кавеленовой – о фитоиндикационном направлении в экологии, Н.В. Прохоровой – об использовании геоинформационных систем в экологических исследованиях. Но времени для этого реально не было.

Поэтому все шло иначе. В президиум по моему предложению избрали: декана Г.Л. Рытова (председатель), проректора по научной работе Ю.Н. Горелова и министра природных ресурсов и охраны окружающей среды Самарской области В.К. Емельянова. Наше желание устроить праздник для преподавателей всего биологического факультета, увы, не сбылось. Брошюры о кафедре и пригласительные билеты были мною вручены всем заведующим кафедрами (Ю.П. Фролов, Д.П. Мозговой, Н.А. Меркулова, А.Н. Инюшкин), декану (Г.Л. Рытов), ректору (Г.П. Яровой), проректорам (П.С. Кабытов, В.П. Гарькин, Ю.Н. Горелов, В.И. Шикалов), министру природных ресурсов (В.К. Емельянов), зам. главы Кинельского района (Ю.М. Шинкевич), директору Кинельского лесхоза (А.А. Суворин), президенту Самарского клуба экологов, директору экологического фонда (Ю.С. Астахов), директору «Волгорыбводхоз» (В.А. Павловский), директору Жигулевского заповедника (Ю.П. Краснобаев), директору Института экологии Волжского бассейна РАН (Г.С. Розенберг) и его заместителю (С.В. Саксонов) и всем преподавателям кафедр биологического факультета (30 человек).

Кроме сотрудников нашей кафедры (отсутствовала О.А. Мозговая по болезни) из приглашенных на торжественном собрании присутствовали: министр В.К. Емельянов, проректора Ю.Н. Горелов и В.П. Гарькин, декан Г.Л. Рытов, зав. каф. физиологии человека и животных А.Н. Инюшкин и проф. Н.А. Меркулова. Пришли зав. каф. ботаники пединститута (университета) А.А. Устинова, проф. Г.С. Каленов (пед. институт), проф. В.К. Медведев (экономический университет), д.б.н. В.В. Сюков (НИИСХ, г. Безенчук), проректор университета Наяновой В.А. Хенкин и декан этого же университета А.В. Сеницкий. Ректор (Г.П. Яровой)

был занят на заседании совета ректоров, первый проректор (П.С. Кабытов) ездил в Сызрань. Из преподавателей каф. биохимии не было никого, каф. физиологии человека и животных – никого, каф. зоологии – один (Антон Васин), на фуршете – еще двое (Е.С. Селезнева и Ю.Л. Герасимов).

Я не думаю, что это – по злому умыслу. Увы, нет радости в нашей нынешней жизни. Многие работают сразу в нескольких местах. Без подработки трудно прожить на одну зарплату, особенно ассистентам и лаборантам.

Поэтому мы благодарны всем, кто нас понял и поддержал. Спасибо ректору Г.П. Яровому, проректорам Ю.Н. Горелову и В.П. Гарькину, министру В.К. Емельянову, профессорам Н.А. Меркуловой, А.Н. Инюшкину, В.К. Медведеву, Г.С. Каленкову, В.В. Сюкову, А.А. Устиновой, нашему доброму и безотказному декану Г.Л. Рытову!

Нам прислали свои приветствия и поздравления: доктор геолого-минералогических наук Н.А. Росляков (г. Новосибирск, НИИГМ СО РАН), проф. В.А. Агафонов (г. Воронеж, ВГУ, зав. каф. биологии и экологии растений), д.б.н., проф. И.И. Рахимов (г. Казань, КГПУ, зав. каф. биоэкологи), д.б.н., заслуженный деятель науки РФ, проф. В.В. Туганаев (г. Ижевск, УдГУ, зав. каф. общей экологии), д.б.н., проф. Г.К. Андросов (г. Брянск, БГСХА, зав. каф. экологии), д.с/х.н., проф., ректор С.Л. Жданов и зав. каф. ботаники, физиологии растений и микробиологии, заслуженный деятель науки РФ, д.б.н., проф. Е.М. Панкратова (г. Киров, ВГСХА), зав. каф. ботаники Брянского госуниверситета, д.б.н., проф. А.Л. Булохов (г. Брянск), проректор по учебной работе, зав. каф. ботаники Томского госуниверситета, д.б.н., проф. А.С. Ревушкин (г. Томск), зав. каф. ботаники Оренбургского госпедуниверситета, д.б.н., проф. З.Н. Рябинина (г. Оренбург), зав. каф. ботаники, физиологии и биохимии растений Пензенского госпедуниверситета, заслуженный деятель науки РФ, д.б.н., проф. В.Н. Хрянин (г. Пенза), зав. каф. ботаники Башкирского госуниверситета, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, д.б.н., проф. Р.Г. Минибаев и д.б.н., проф. Ф.Б. Шкундина (г. Уфа), декан факультета экологии Балашовского филиала Саратовского госуниверситета, к.б.н., доц. А.И. Золотухин (г. Балашов), зав. каф. экологии Марийского госуниверситета, к.б.н., доц. О.Л. Воскресенская и заслуженный деятель науки РФ, д.б.н., проф. Л.А. Жукова (г. Йошкар-Ола), профессор каф. физической географии Российского государственного университета, вице-президент Петровской академии наук и искусств, д.б.н., проф. Н.В. Ловелиус (г. Санкт-Петербург), декан биологического факультета, зав. каф. экологии, д.б.н., проф. Г.Г. Соколова, зав. каф. ботаники, д.б.н., проф. Т.А. Терехина, директор ботанического сада, д.б.н., проф. А.И. Шмаков (г. Барнаул, Алтайский госуниверситет), директор НИИ экологии, зав. каф. общей биологии и экологии Кубанского госагроуниверситета, д.б.н., проф. И.С. Белюченко (г. Краснодар), зав. каф. ботаники Уральского госпедуниверситета, д.б.н., проф. А.П. Дьяченко (г. Екатеринбург), директор Института экологии растений и животных УрО РАН, зав. каф. экологии Уральского госуниверситета, академик РАН, д.б.н., проф. В.Н. Большаков (г. Екатеринбург), зав. каф. ботаники и зоологии Ростовского госпедуниверситета, д.б.н., проф. В.П. Белик (г. Ростов-на-Дону), зав. каф. ботаники и экологической биотехнологии Татарского государственного гуманитарного университета, д.б.н., проф. Н.В. Морозов (г. Казань), зав. каф. геоботаники, почвоведения и экологии, д.б.н., проф. Л.П. Мыщик и зав. каф.

физиологии растений и экологии, д.б.н., проф. Ю.В. Лихолат (Украина, г. Днепропетровск, Днепропетровский национальный университет), зав. каф. биологии растений Марийского госуниверситета, д.б.н., проф. Н.В. Абрамов, а также – д.б.н., проф. Н.В. Глотов, д.б.н., проф. Н.П. Савиных, д.б.н., проф. Э.В. Шестакова (г. Йошкар-Ола), зав. каф. ботаники и экологии Саратовского госуниверситета, д.б.н., проф. В.А. Болдырев (г. Саратов), зав. каф. ботаники Липецкого госпедуниверситета, к.б.н., доц. Е.Н. Жидкова (г. Липецк), зав. каф. ботаники и физиологии растений Петрозаводского госуниверситета, д.б.н., проф. Е.Ф. Марковская (г. Петрозаводск), зав. каф. ботаники Мордовского госуниверситета, д.б.н., проф. Т.С. Силаева (г. Саранск), директор Жигулевского заповедника, к.б.н. Ю.П. Краснобаев (п. Бахилова Поляна), директор Института экологии Волжского бассейна РАН, член-корр. РАН, заслуженный деятель науки РФ, д.б.н., проф. Г.С. Розенберг (г. Тольятти). И это свидетельствовало: наша кафедра широко известна и авторитетна!

На торжественном собрании после моего краткого доклада о становлении и работе кафедры с приветствиями выступили: министр В.К. Емельянов, проректор Ю.Н. Горелов, проректор В.П. Гарькин, первый проректор Самарского муниципального университета Наяновой В.А. Хенкин, зав. каф. ботаники Самарского госпедуниверситета А.А. Устинова, зав. лаборатории Самарского НИИ сельского хозяйства В.В. Сюков.

Время «поджимало» к 18 часам, то есть к началу фуршета.

Фуршет прошел хорошо. Были речи, приветствия, шутки. Но много из приготовленного осталось на столах и потеряны гроші, которые, увы, могли бы пригодиться для чего-то другого. Отсюда делаю вывод: отныне все события отмечаем кафедрой, без расчета на факультет. У нас есть друзья, студенты, выпускники.

Ну, а теперь припомним, как все было, как мы начинали и к чему пришли.

2. КРУИЗЫ ПОНЕВОЛЕ

Случилось так, что проработав 10 лет в Днепропетровском университете на кафедре геоботаники и высших растений (лекционный ассистент → ассистент → старший преподаватель → доцент), я, благодаря интригам «злоумного Яго», оказался осенью 1972 года не у дел, уволился «по собственному желанию» и в поисках работы получил приглашение прибыть для переговоров в Куйбышевский государственный университет КуГУ).

Первая моя попытка приехать в Куйбышев оказалась неудачной, так как на самолет, следующий по маршруту Симферополь – Днепропетровск – Куйбышев, предварительно билет взять было невозможно, а в аэропорту Днепропетровска, когда самолет приземлился из Симферополя, свободных мест до Куйбышева не оказалось.

Второй раз, прибыв в аэропорт, я неожиданно познакомился с двумя попутчиками (один – из Днепропетровска, другой – из Кривого Рога), и дело пошло веселей. Днепропетровец хорошо знал путь, ибо бывал в Куйбышеве неоднократно. Но прямым рейсом мы не улетели, так как мест не было и, просидев ночь, под утро вылетели в Москву. Там пришлось проканителиться в «Быково» целый день и лишь поздно вечером мы прибыли в аэропорт «Курумоч» г. Куйбышева. Это случилось 21 ноября 1972 года.

Благодаря нашему опытному попутчику, мы автобусом благополучно доехали до универмага «Самара», а оттуда троллейбусом №11 до гостиницы «Волга». Следуя в троллейбусе через центр города (привокзальная площадь, ул. Л. Толстого, ул. Куйбышева), я увидел, что по сравнению с Днепропетровском Куйбышев невзрачен и очень плохо освещен.

В гостинице «Волга» свободных мест не было, у стойки администратора толпился народ. Наш бывалый попутчик сказал, что уходить нельзя, надо ждать. И действительно, около 12 ночи дежурная предложила нам раскладушки в коридоре «по сходной цене». Слава Богу! В коридоре на втором или третьем этаже, у входа в женский туалет так сладко спалось на раскладушке! Мир не без добрых людей!

Утром, когда рассвело, я вышел из гостиницы на Волжский проспект и спросил у прохожего, где находится университет и далеко ли это. Он показал направление в сторону завода «КИНАП», назвал улицу Осипенко, и я двинулся вперед. Набережная и бульвар на ней производили приятное впечатление, потом пошли деревянные одноэтажные домики – «Шанхай». Найдя улицу Осипенко, я узнал от прохожих, что университет теперь находится не здесь и к нему надо ехать трамваем. Поднимаясь по улице Осипенко к улице Ново-Садовой, по которой тогда ходили трамваи, я даже и предположить не мог, что буду жить именно на этой улице.

Следуя трамваем до ул. Потапова, я видел вокруг только частные деревянные домики. Они же окружали и здание школьного типа, в котором располагался университет. И по сравнению с Днепропетровском все это казалось и несолидным, и ненастоящим.

В здании университета, на втором этаже, в конце коридора располагался вестибюль. Из него одна дверь, о чем гласила табличка, вела в кабинет проректора по капитальному строительству, а вторая – в приемную ректора. В приемной секретарь сообщила, что ректор уезжает в Волгоград и принять меня не сможет. Тут из кабинета вышел и сам ректор в верхней одежде, и я, извинившись, сказал ему, что приехал по вызову из Днепропетровска. Он ответил, что спешит на поезд, но все мои вопросы решит проректор В.М. Головин.

Оказавшись в кабинете проректора по учебной и научной работе, дверь в который находилась здесь же, напротив кабинета ректора, я увидел плотного, невысокого, живого в движениях и речи человека. Это был Владимир Максимович Головин. Он изучил все мои документы, расспросил детально обо всем и внимательно выслушал. Удивился, что в моей трудовой книжке записано так много благодарностей и поощрений. Спросил, почему я уволился из Днепропетровского университета и заключил: «За одного битого двух небитых дают!» Он предложил мне приступить к работе с января 1973 года, то есть с начала второго семестра, чтобы не ломать уже определенную учебную нагрузку. Это было и логично, и правильно! Энергичный, веселый, остроумный, благожелательный человек! Во время нашей беседы в кабинет заходили молодой, высокий, сухощавый и очень подвижный молодой мужчина, на лице которого как бы застыла улыбка (это был Вячеслав Николаевич Алимпиев, тогда – начальник научно-исследовательского сектора) и Николай Иванович Коняев – очень приветливый и внимательный человек (увы, он рано ушел в мир иной).

Договорившись с В.М. Головиным, что я приеду в конце декабря, предварительно позвонив ему, чтобы уладить вопрос с жильем, я, отобедав в

студенческой столовой на первом этаже, отправился на железнодорожный вокзал. Но сначала, расспросив людей, я добрался до касс аэрофлота, которые находились недалеко от универмага «Самара». Билетов на Днепропетровск не было.

В кассовом зале железнодорожного вокзала, который располагался в большом одноэтажном здании, я встал в очередь к одному из окон и, когда наступил мой черед, попросил дать билет на ближайший поезд до Днепропетровска, а если такого нет, то до Запорожья, Харькова или Киева. И вот я в вагоне поезда, идущего в Киев.

Поскольку у меня были пришедшие по почте приглашения из Нежина, Черновиц и Новочеркасска, возникла мысль побывать и там. Разведать. Присмотреться. Выбрать. Если честно, то г. Куйбышев мне очень не понравился. Города, в которых я до этого успел побывать (Москва, Ленинград, Киев, Запорожье, Харьков, Челябинск, Киров), выглядели солиднее.

В Киев поезд прибыл утром (через 2 ночи), и я решил посетить ЦК компартии Украины. Принявший меня чиновник отдела науки и высших учебных заведений (Виталий Иванович Кононенко) сообщил, что сведениями о вакансиях в ВУЗах они не располагают и надо обращаться к ректорам.

Из Киева я поездом поехал в Черновцы. Университет располагался в очень красивых старинных зданиях в дворцово-парковом ансамбле бывшей резиденции Буковинского митрополита. Встреча с заведующим кафедрой ботаники (проф. Трофим Ильич Стрельченко) и ректором была успешной, но принять на работу они меня могли только с сентября 1973 года. А как жить до этого? Побывал я впоследствии также в Новочеркасске, Умани, в Ростове-на-Дону.

Самой примечательной в ту пору для меня была встреча и знакомство с Георгием Матвеевичем Зозулиным, который заведовал кафедрой ботаники в Ростовском университете. По-видимому, я ему понравился, потому что, поговорив со мной, он повел меня к ректору, проф. Юрию Андреевичу Жданову (брат знаменитого соратника И.В. Сталина). Мне предложили должность директора ботанического сада, для чего на машине свозили и показали ботсад. Но я побоялся, что не справлюсь и, подумав, отказался. К тому же и ректора смутил «строгач» в моих партделах. А с Георгием Матвеевичем Зозулиным мы переписывались и поддерживали творческие контакты до конца дней его. Прекрасной души был Человек!

3. ПИКИРОВКА

Второй раз отправляясь в Куйбышев, я предварительно позвонил В.М. Головину по телефону и, договорившись с ним, взял билет на поезд через Москву. Поезд прибыл в Куйбышев к вечеру. Было уже темно, когда от железнодорожного вокзала автобусом №1 я добрался до университета на ул. Потапова. Но ректорат еще работал, и В.М. Головин был на месте.

Он достал бланк, на котором было напечатано: «Проректор по учебной и научной работе», и от руки написал на нем коменданту Алевтине Васильевне (фамилию не помню) просьбу разместить меня на ночлег в общежитии, пояснив, что мне надо проехать трамваем до ул. Осипенко, разыскать дом №2, а в нем квартиру 45.

Это, как оказалось, была 3-комнатная квартира, в которой проживали преподаватели. Две смежные комнаты занимали женщины, а одну, изолированную,

– мужчины. Никакой Алевтины Васильевны здесь не было (как оказалось, это была комендант корпуса университета). К женщинам, естественно, меня не звали, а мужчина в изолированной маленькой комнате наотрез отказывал мне в гостеприимстве. При этом, узнав, что я приехал работать в университет, он безапелляционно заявил, что меня не возьмут, ибо «ректор не любит евреев». По-видимому, моя днепропетровская расторопность в сочетании с вежливостью и настойчивостью смущала и возвеличивала меня в его глазах до уровня аж «богоизбранного».

Убедившись, что я не уйду, он сказал, что в одной из комнат проживает только одна женщина, но там есть свободные койки. Пришлось «идти на абордаж». Женщина (это была химичка Светлана Георгиевна Сушкова) приняла меня «в штыки», но я предложил ей считать, что мы с ней всего лишь случайные попутчики, оказавшиеся вдвоем в одном купе поезда, а утром я сойду на своей станции, и дальше она поедет уже без меня. Видя, что я настроен решительно и бескомпромиссно, женщина, ворча, уступила. Я же устроился на одной из коек и уснул. О, великая школа – Днепропетровск! Сила твоя – в одесской изворотливости, в ростовской предприимчивости, в ленинградской обходительности! Ведь известно: что ни город – то и норы!

Несколько позднее я услышал в Самаре такую историю. Как-то в пивном баре на Дерибасовской сошлись за стойкой три «джентльмена удачи»: одессит, ростовчанин и самарец. Пивко потягивают, кефалькой поплевают. Подвыпили, разговорами загутарили. «Одесса – это да, – начал одессит, – у нас есть знаменитые на весь свет Потемкинская лестница, Дерибасовская, самое синее в мире Черное море мое и, вообще, Одесса – мама!» «Да, ладно! – отвечает ему ростовчанин, – а у нас, в Ростове, есть «тихий Дон», тачанка-ростовчанка, Азовское море и, вообще, Ростов – папа!» Самарец же молча, потягивает пиво и плюется кефалью. «Ну, а ты, Керя, чего молчишь?» – пытаются кореша. «Раскудахтались! – отвечает самарец, – лестница, тачанка, моря! Да проть нашей Волги ваши моря – лужи! И вообще: наш Куйбышев – дедушка, а Самара – бабушка! Поняли?»

Утром, заслышав, что моя «спутница по купе» проснулась и явно намеревается уходить, я поднялся, оперативно собрался, поблагодарил «за гостеприимство» и, попрощавшись, сказал, что «схожу на своей станции». Приехав уже знакомым маршрутом на трамвае в корпус университета, узнал, что ректор занят на каком-то совещании, его нет и надо ждать. Скоро в вестибюль, где я ожидал прибытия ректора, пришел еще один соискатель работы в Куйбышевском университете. Стало веселее. Познакомились. Это был воспитанник Ленинградского университета, филолог, окончивший аспирантуру тоже в Ленинграде. Родом из г. Мончегорска, Мурманской области. Звали его Владимир Васильевич Перхин. Мы быстро нашли общий язык.

Появившийся ректор сказал, что принять нас сейчас не может, так как крайне занят, и нам надо подождать. Было 27 декабря 1972 года. В университете в этот день готовилось торжественное собрание, посвященное 50-летию образования СССР (Союза Советских Социалистических Республик). Мы с В.В. Перхиным посидели на этом собрании (нас пригласил ректор), пообедали в студенческой столовой, изучили этажи корпуса, но в основном стояли у окна в вестибюле. Несколько раз к нам подходила моя ночная «соседка по купе», интересовалась, как движутся наши дела, была любезна и доброжелательна. Ничто так не сближает

людей, как совместная поездка в поезде да еще в одном купе, где больше никого из пассажиров нет!

Принял меня ректор, когда на улице стало темно. Сначала послали меня к заведующему кафедрой физиологии человека и животных, где числились ботаники. Профессор Юрий Николаевич Иванов сидел в «закапелке», отгороженном шкафами, за столом с настольной лампой. Он велел мне сесть на стул напротив него, поднял колпак лампы и, как описанный в литературе НКВДэшный следователь, направил яркий свет на меня.

Спросив, кто я и откуда, он изучил мои документы и предложил занять место ассистента. Я ответил, что у меня уже есть аттестат доцента. Он поморщился, но смолчал. Рассматривая меня, как следователь при допросе безусловно виновного в преступлении подследственного, он «шерстил» мои документы. Не найдя, по-видимому, никакого «криминала», он поднялся, и мы вдвоем пошли в кабинет ректора. В.В. Перхина уже не было.

Ректор Алексей Иванович Медведев, проректор Владимир Максимович Головин, мой «следователь»-зав, проф. Юрий Николаевич Иванов и начальник отдела кадров Михаил Тимофеевич Тихонов совещались. Потом ректор, расспросив меня о работе в Днепропетровском университете, о семье, сказал, что меня принимают на должность доцента, но квартиру дадут только в течение года, а пока я могу жить в общежитии. Оговорюсь, что проф. Ю.Н. Иванов все-таки предложил: «Давайте возьмем его ассистентом!» На это ректор четко ответил: «Зачем? Он же доцент по званию да еще и из Днепропетровского университета, который подчинен союзному министерству! Нет, берем на должность доцента!» Я согласился и попросил разрешения съездить в Днепропетровск, чтобы привезти нужные мне книги и вещи. Мне дали на это 3 недели.

Начальник отдела кадров Михаил Тимофеевич Тихонов велел мне явиться завтра для оформления документов. Я попрощался и вышел. В «купе» с нелюбезными «новыми сожителями» возвращаться не хотелось и, расспросив «коллег» в коридоре, я отправился к трамваю и поехал в центр города. Там, на ул. Куйбышева, по подсказке прохожих я оказался в гостинице «Жигули». Свободное место нашлось да еще и в номере с телефоном. Заказал переговоры. Скоро меня соединили с общежитием Днепропетровского университета, где в помещении из двух комнат ждала меня моя милая супруга Раиса Григорьевна и малые дочь Оксана и сын Миша. Сообщил Рае, что устроился работать и скоро приеду.

Утро выдалось морозным. Давно я не испытывал мороза моего северного детства. Доехал трамваем до улицы Потапова и стал подниматься по ней к корпусу университета. По обе стороны стояли одноэтажные деревянные домики в толстых белых сугробах, а из труб прямо в небо «столбами» вздымался дым. Две женщины в белых халатах поверх зимней одежды тащили за веревку санки с двумя большими флягами. Одна из них трубила в железнодорожный рожок и обе дружно выкрикивали: «Молоко! Молоко!» И это было так здорово, так по-русски! Деревянные домики со столбами дыма в небо, белоснежные сугробы, мороз, перехватывающий дыхание, и эти розовощекие, в пушистых платках женщины, и молоко во флягах на санках и, наконец, такой милый с детства трубный звук родного железнодорожного рожка! Совсем как в Свече! Будто далекая северная родина приветствовала своего «блудного сына», и все это было так символично!

Начальник отдела кадров был на месте. Я написал заявление, заполнил анкеты, отдал свои документы. Это заняло несколько минут. Прием меня на работу в должности «доцента кафедры ботаники» оформлялся приказом с 27 декабря 1972 года.

Вернувшись поездом через Москву в Днепропетровск, я упаковал и отправил багажом в Куйбышев книги и одежду и снова поездом через Москву прибыл 23 января к новому месту работы. Поселили меня в уже знакомой квартире-общежитии №45 в доме №2 по ул. Осипенко, но ситуация к этому времени изменилась. Все бывшие жильцы переехали в квартиры построенного университетом 16-этажного дома. А в квартире-общежитии появились вновь принятые на работу преподаватели после окончания университетов. В «купе» жило трое хлопцев, из которых особо выделялся выпускник Московского университета Миша. Это был невысокий, очень живой, энергичный парень, знаток бесконечного числа анекдотов, азартный картежник и изощренный матерщинник.

Изолированная комната, где когда-то меня возвысили аж до «богоизбранного», была зарезервирована для женщин, а пока что в ней проживала одной ногой здесь, а другой – в новой квартире Диана Михайловна Пирогова, как оказалось, – моя «ближайшая» новая коллега из «ботаников». А вот в самой большой, проходной комнате поселился мой старый знакомый, «родич по белым ночам Севера» - Владимир Васильевич Перхин. Скоро к нам присоединился еще один сожитель, очень «важный в своем достоинстве» выпускник Горьковского университета, старший научный сотрудник какого-то жуть «серьезного» НИИ в Горьком, кандидат биологических наук Владимир Павлович Гаврилов, которого мой «строгий следователь-зав» Ю.Н. Иванов принял-таки на свою кафедру на должность ассистента. По-видимому, чтобы «знал наших» и «не рыпался». А Володя, между прочим, привез из Горького в Куйбышевский университет хороший хоздоговор на весьма приличную сумму. И хотя на химико-биологическом факультете в ту пору ничего подобного не было, парня в статусе доцента (старший научный сотрудник) определили в ассистенты, чем он (по праву!) был сильно обижен.

Моя «коллега по ботанике» окончила Воронежский университет и там же аспирантуру по физиологии растений, защитила кандидатскую диссертацию по микроэлементной подкормке плодовых растений. В Куйбышевском университете вела курс физиологии растений и занятия по биологии на подготовительном отделении. Общительная, «без комплексов», разбитная и веселая, она переселялась в полученную новую квартиру, и мы с ее приятелем помогали ей переносить кое-какие вещи.

Воспитанник культурнейшего в СССР города Ленинграда В.В. Перхин был приятным соседом, очень деликатным и вежливым. Тонкость его сверхинтеллигентной натуры проявлялась во всем. В комнате нашей, кроме нас, проживали тараканы. И если я просто давил их рукой, то ленинградец нежно улавливал тараканчика кусочком бумажки, осторожноенько нес его в туалет, бросал в унитаз и смывал водой. Да, питерцы – это Вам не москвичи!

«Высокомерие» горьковского Владимира сменилось «мужественной лояльностью», когда он узнал, что я тоже кандидат наук, 10 лет «вздмался» от ассистента до доцента, и у меня уже есть аттестат доцента, который не позволил

нашему с ним «следователю-шефу» «опустить» меня, как и его, в ассистенты, хотя это ему явно хотелось.

Жизнь в «ночлежке», как называл наше жилье матерщинник Миша, раскачиваясь из стороны в сторону, шла своим чередом. Диана навсегда переселилась в свою квартиру, Володя Перхин смывал таракашек в унитаз и жарил на завтрак и ужин неизменную колбаску. Володя Гаврилов жаловался на судьбу, но мужественно терпел свое «ассистентское положение». Хлопцы из «купе» резались в карты, заполняя кухню плотным туманом табачного дыма, пошлыми, сальными анекдотами и шестиэтажным матом воспитанника МГУ. Анекдотчик Миша, собираясь в университет, говорил, что идет «в высшую школу» (здание университета имело вид обычной в Куйбышеве школы).

Будучи воспитанником Днепропетровского студенческого общежития, я поначалу приглашал за стол на кухне своих сожителей «на жареную картошку», «на украинское сало», «на цейлонский чай», но, заметив, что они, с удовольствием идя на мой «призыв», эгоцентрично «поджаривают» только для себя, перешел на следованием «местным обычаям». Завтрак и ужин готовил себе самостоятельно, обедал в университетской столовой, а по выходным в столовых политехнического института, которые находились поблизости от нашего жилья. Продовольственные магазины Куйбышева, по сравнению с Днепропетровском, снабжались плохо. Мясо в них не продавалось (только – на базаре), был маргарин, крупы, рыбные консервы, сахар, хлеб, вареная колбаса. Маслом нас обеспечивал профком: по 200-400 г в месяц. Картофель, капуста, морковь в овощных магазинах были. Завел сковородку, кастрюлю и «хозяйнував» вполне успешно. Это обеспечивало хорошую экономию средств, так как основную часть зарплаты я пересылал почтовыми переводами супруге в Днепропетровск.

Но вот в пустующую комнату нашей «ночлежки» вселилась Женщина! У нее была знаменитая на всю Украину фамилия, но к украинскому языку она относилась насмешливо-брезгливо, а в Куйбышевском университете намеревалась преподавать один из славных древних языков. Наши мальчуганы притихли. Но ненадолго. Дама стала играть с ними в карты, со смехом принимать «соленые» анекдоты и скоро на кухне компания с ее участием снова азартно «резалась в карты», курила и изощрялась в матерщине. Мужланский «фольклор» победил «древнюю культуру Рима» нашей дамы, а ее компаньоны стали величать ее «Лахудрой». В глаза! И это было уже не смешно, а грустно!

Следующая грация прибыла из Саратова, после окончания Университета. Я не помню ее специальности, так как она никак не принимала меня во внимание. Зато она окружила заботой «мальчуганов из купе»: регулярно готовила и потчевала их вкусной пищей и, по-видимому, была внимательна, но «без излишеств» к ним. И это давало положительный результат. Московский Миша – «закоперщик» кухонных посиделок перестал изощряться в «фольклоре», сыпал веселыми, но не «пересоленными» анекдотами. «Корешки» его тоже «пошли другим путем».

Чтобы не возвращаться к этой теме, отмечу, что судьбы моих сожителей разошлись в разные стороны. Володя Гаврилов не выдержал «ассистентской нагрузки», уволился и возвратился в Горький, Володя Перхин получил квартиру и долго (до 2000 года), «изнурительно работал», грустно жалуясь при встречах на свою горькую судьбу («Ну что ж, Владимир Васильевич, ничего хорошего я Вам сказать не могу», – частенько изрекал ему «Зяблик»). Сейчас В.В. Перхин живет

где-то на Севере. Миша – анекдотчик и матерщинник женился на саратовской чародейке кухонного изящества, получил квартиру, остепенился, стал солидным и известным не только в Самаре доктором наук и профессором. Ну, а я получил в августе 1973 года квартиру, перевез в нее свою красавицу, саму-доброту супругу, детей и постепенно перерождился из днепропетровца в самарца, но из этого мало что вышло. Увы, воспитывать человека надо в возрасте до 3 лет, как утверждают специалисты, а не на пороге седины!

4. СПАСЕНИЕ УТОПАЮЩИХ – ДЕЛО РУК САМИХ УТОПАЮЩИХ

А теперь – о деле! Приехав в Куйбышев, я, как это было заведено в Днепропетровском университете, стал ежедневно ходить на работу. Но все двери на факультете были закрыты. Шла экзаменационная сессия. Но всё же я «уловил» своего «шефа». На вопрос, какие занятия я должен проводить, Ю.Н. Иванов порекомендовал спросить у «ботаника» его кафедры старшего преподавателя Т.И. Плаксиной. Однако иметь ее было не просто. Пришлось ждать дня, когда она придет на экзамен. И вот удача! Но Т.И. Плаксина встретила меня очень нелюбезно и лишь после моей упорной и длительной «паузы» высокомерно отрезала, что я могу брать «ботанику на 1 курсе». И тут же ушла, даже не попрощавшись, зло надув губы и высоко задрав гордую голову с опрятной прической в форме высокой, роскошной шляпки. По сравнению с корректным, интеллигентным поведением моих бывших днепропетровских коллег это не просто удивляло, а – шокировало.

Пришлось обратиться к декану, так как зав. кафедрой, проф. Ю.Н. Иванов не знал ни объема учебных часов и ничего иного о «ботанике на 1 курсе». Деканом оказался молодой, улыбчивый, но горделиво-важный мужчина. Это был Джон Поликарпович Мозговой – воспитанник Саратовского университета, защитивший совсем недавно кандидатскую диссертацию о белке (*Мозговой Д.П. Эколого-морфологическая характеристика и изменение численности белка на Южном Урале: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Саратов, 1970. – 21 с.*) по материалам, собранным в Башкирском заповеднике, где он успел поработать перед аспирантурой у проф. Н.И. Лариной. Он извлек учебный план, сообщил часы лекций, лабораторных занятий, учебной практики и т.д. Сказал также, что в январе не надо приходить в университет ежедневно, а только на мероприятия кафедры или факультета. Оказалось, что живет он в том же доме, что и я, но в квартире №13. Д.П. Мозговой предупредил, что скоро состоится совет факультета.

В эти же дни Ю.Н. Иванов показал по моей просьбе помещение, где проходили занятия по ботанике. Это была ауд. 217, рядом с помещением кафедры Ю.Н. Иванова (комн. 218). В ней были 3 окна, столы и стулья на 50 человек, классная доска на стене, а в дальнем углу стояла деревянная стойка, на которой висели учебные таблицы по ботанике. Я тронул стойку рукой, и она вдруг упала. Пришлось попросить молоток, гвозди и скрепить ее, чтобы стояла и не падала. На вопрос, а где же микроскопы, препараты и прочее, Ю.Н. Иванов сообщил, что все это находится на кафедре зоологии, так как «ботаники» «числились» там и, совсем недавно «приписаны» ему.

Стало ясно, что «ботаники» в Куйбышевском университете никем и никак не управляемы, по сути они никому не нужны. Их просто «для счета» «переписывают» от одного «Зава» к другому, чтобы «прикрыть» фактическое отсутствие у того или иного «руководителя» его собственной (на деле, а не на

бумаге) кафедры. В ту пору кафедра открывалась при наличии на ней доктора наук и пяти (вместе с заведующим) преподавателей. У проф. Ю.Н. Иванова других физиологов, кроме него, не было. Сейчас же ему «приписали» троих ботаников (я, Т.И. Плаксина, Д.М. Пирогова) и еще «ассистента» В.П. Гаврилова. Вот Вам и кафедра! На бумаге – есть, а в жизни – нет.

Во времена эти на вокзалах больших городов (Москва, Ленинград, Киев, Симферополь и др.) можно было наблюдать такую картину. Кассовый зал переполнен людьми (билеты на поезда по своей стоимости были доступны любому советскому гражданину). Духота. Толчея. Плач детей. Крики и ругань у касс. У кассовых окон не очереди, а толпы людей. Отсутствует элементарный порядок.

Но вот появляется человек в «интеллигентной униформе»: в шляпе, в очках, в опрятном одеянии... Он решительно направляется к кассе. Очень вежливо, но бескомпромиссно устанавливает порядок и толпу превращает в очередь. Сам занимает место у кассового окна и четко командует: «Не толпиться, без очереди не лезть. Очередной, готовьте билеты и деньги! Не забывайте сдачу». Всякая попытка особо прытких взять билет без очереди пресекается. Все разом сообразившая очередь дружно поддерживает своего внезапного «руководителя». Все дальнейшее совершается и четко, и быстро.

Наконец подходит очередь самого «керівника» и он говорит кассиру: «А мне – до Днепра!» И кассир тоже заказывает в микрофон диспетчеру место пассажиру: «До Днепра». Так по всей стране великой кассиры называли Днепропетровск. И именно днепропетровцы, сочетая в своей натуре одновременно одесситов, ростовчан и ленинградцев, умело «керували», и не только на вокзалах.

Мне стало ясно, что «дело ботаников» в Куйбышевском университете «смахивает» на толпу у касс на московских вокзалах. В мой первый приезд в Куйбышев они «числились» на кафедре «зоологии», а теперь же их «причислили» к кафедре «физиологии человека и животных». В следующий раз их могли «приписать» еще под кого-нибудь с необходимой для проформы докторской степенью.

Вот я и решил возложить на себя «роль регулирующего очередь» на «ботаническом вокзале». Опыт организатора у меня был и неплохой. В Днепропетровске я успешно руководил большой факультетской профсоюзной организацией (625 студентов и более 100 преподавателей и сотрудников), организовывал труд и быт студентов на биостанции (около 350-370 человек), в колхозах на сельхозработах и т.д.

Пошел я к декану и внес предложение об организации в составе кафедры физиологии человека и животных «подразделения ботаники». Он согласился, и я подготовил текст соответствующего приказа. Но в ректорате сказали, что приказом создать подразделение нельзя, так как это не вписывается в официальную структуру ВУЗа. Однако, никто не возражает, если я на общественных началах буду руководить работой ботаников. Документально же это можно оформить распоряжением декана. Так и сделали. Декан подписал подготовленное мною распоряжение. В соответствии с ним в составе кафедры физиологии человека и животных создавалось «подразделение ботаники», в которое включены: доц. Н.М. Матвеев (зав. подразделением на общественных началах), старшие преподаватели Д.М. Пирогова и Т.И. Плаксина и ст. лаборант Н.А. Шебаршина.

Любопытно, что Ю.Н. Иванов против создания «подразделения ботаники» на «его кафедре» возражать не стал. А я же, вывесив «распоряжение декана» на факультетской доске объявлений, начал активно действовать. Надо было «ковать железо, пока горячо». В первую очередь, следовало «организовать» для «подразделения ботаники» помещение, собрать в нем оборудование для занятий со студентами, объединить преподавателей на общее дело. И пошел я на кафедру зоологии.

Знакомство с кафедрой зоологии заслуживает особого внимания. Дело в том, что данная кафедра возникла на химико-биологическом факультете из биологических кафедр самой первой и объединяла первоначально всех биологов, «от лириков до химиков». Заведующей этой кафедры была Людмила Федоровна Мавринская – доктор биологических наук, профессор (не знаю, по какой кафедре: это, как известно, ВАК указывает в аттестате). Родилась она в с. Усть-Цильма под Архангельском (и, следовательно, была моей землячкой). После окончания школы поступила на отделение зоотехники Куйбышевского сельскохозяйственного института. Четыре года работала зоотехником в с. Рождествено. Окончила с отличием факультет естествознания Куйбышевского пединститута и была направлена в аспирантуру при институте генетики АН СССР. Помешала Великая Отечественная война, во время которой Людмила Федоровна 4 года работала врачом-бактериологом, а затем – ассистентом кафедры гистологии Куйбышевского мединститута. Защитила кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию по гистологии (эти сведения взяты из газеты «Университетская жизнь» за 12 мая 1982 года).

Моя первая встреча с Л.Ф. Мавринской произошла так. Открыв дверь на кафедру зоологии, я увидел большую аудиторию со столами и стульями для студентов, в обоих концах которой были отгорожены шкафами «закапелки». Налево в «закапелке» располагались сотрудники, направо – зав. кафедрой. Заходя в завкафовский закапелок, я стал невольным свидетелем следующей сцены. У стола, на стуле, в расстегнутом белом халате сидела очень важная, уже немолодая приземистая женщина, а рядом с ней, униженно согнувшись, стоял молодой, но в бороде мужчина, показывая что-то на странице раскрытой книги. Женщина, прочтя указуемый текст и передав книжку бородачу, резко и нетерпящим возражения голосом изрекла: «Какая глупость!» Как оказалось, это была оценка учебнику «Генетика», изданному в центральном московском издательстве и написанному московским генетиком. Честно признаюсь, что я испытал шок. Корректные в выражениях, известные всей стране крупные днепропетровские ученые-профессора А.Л. Бельгард, Л.В. Рейнгард, П.Е. Мощный были буквально «ничто» по сравнению с этой куйбышевской профессоршей, которая, будучи доктором «биологических наук», считала себя вправе судить вообще обо всем по всем «биологическим наукам».

В продолжении всей этой интермедии меня просто не замечали, хотя я стоял перед глазами. Мое звонкое «здравствуйте» повисло в воздухе. Наконец «гениальнейшие из генетиков» (Людмила Федоровна и ее ассистент, выпускник Куйбышевского мединститута Добрынин, как стало мне известно позже) прекратили разносить « в пух и прах» учебник московского генетика, и профессорша снизошла к моей особе.

Я представился и получил приглашение сесть. Расспрашивая меня, Л.Ф. Мавринская буквально впивалась в меня глазами и слушала очень внимательно. Я спросил, может ли она отдать те шкафы, препараты и прочее, что используется в учебном процессе «ботаниками». Она согласилась, вызвала лаборанта и велела ему показать, что есть «ботаническое» у нее на кафедре.

Подчеркну, что в последующем Людмила Федоровна Мавринская «без скрипа» отдала «ботанические» шкафы, гербарные сетки, копалки, таблицы, микропрепараты, муляжи и т.п. «Застряли» мы на микроскопах. Их профессорша отдавать наотрез отказалась. Пришлось «организовать» «инвентаризацию с документацией» и прочие «днепропетровские штучки», в результате чего грозная воспитанница местных «сельхоза», «педа» и «меда» «вынуждена была» отдать нам все «школьные микроскопы» и два – «кровных». Мне даже показалось, что мое «вежливое нахальство» не только не рассердило Людмилу Федоровну, но и понравилось ей. Неисповедимы пути Господни!

Увы, но и упомянутый выше «скрип» произошел во многом потому, что «член» нашего «подразделения», ассистент Т.И. Плаксина заявила проф. Л.Ф. Мавринской, что ботаникам микроскопы не нужны, а поскольку она лично имеет отношение к добыванию сих микроскопов, то и дарит их кафедре зоологии.

В оснащении «подразделения ботаники» важную роль сыграла Н.А. Шебаршина. О Надежде Алексеевне надо рассказать особо. Она окончила сельскохозяйственный техникум в Пензе. Агроном. Проводила в университете лабораторные занятия по растениеводству. Она сама установила связь со мной и была готова помогать во всем. Так и было. Спасибо ей большое!

Именно Н.А. Шебаршина, хорошо зная город, подсказала установить контакт с институтом «Росгипрозем». Я поехал туда на разведку. В Днепропетровском университете кафедра, на которой я специализировался как студент, а затем работал 10 лет преподавателем, готовила специалистов по геоботанике. И поэтому я решил узнать, не нужны ли такие специалисты институту «Росгипрозем», который осуществлял почвенно-геоботанические разработки в Куйбышевской и ряде сопредельных областей. Мне очень повезло. Начальником отдела почвенно-геоботанических изысканий был украинец, кандидат сельскохозяйственных наук Бутенко Владимир Александрович, который, слышав мое обращение к нему на украинском языке, обрадовался и принял меня как родного. Он вызвал геоботаника. Им оказалась воспитанница кафедры геоботаники Ленинградского университета Инна Александровна Зорова. Заслышав, что я хорошо знаком с проф. И.С. Блюменталем и доц. А.А. Часовенной, она тоже стала «родной». Мы беседовали как старые, верные друзья. Затем втроем пошли к директору Лобову Гаврилу Григорьевичу и, спустя несколько минут, я уже держал в руках официальную заявку института на подготовку в Куйбышевском университете специалистов-геоботаников на 10 лет вперед, по 10-15 человек в год. Вскоре декан сообщил о заседании совета химико-биологического факультета, на котором должен решаться вопрос о распределении студентов-биологов по специализациям. И я стал готовиться к нему.

Что же представлял собой в январе 1973 года химико-биологический факультет Куйбышевского университета? Студенты на этом факультете обучались по двум специальностям: «Биология» и «Химия». Набор биологов – 50 человек на

курсе (только дневное отделение), набор химиков – по 50 человек на курсе (дневное отделение) и еще по 25 человек на курсе (вечернее отделение).

Специальность биология была представлена тремя кафедрами: каф. зоологии (комн. 224, зав. проф. Л.Ф. Мавринская), каф. физиологии человека и животных (комн. 218, зав. проф. Ю.Н. Иванов) с нашим «подразделением ботаники» и каф. биологической и органической химии (комн. 226, зав. проф. М.М. Серых). Все эти кафедры были сборными, так как состояли не из специалистов по профилю кафедры, а из биологов разных направлений. Так, на каф. зоологии был в ту пору только один зоолог (Д.П. Мозговой), на каф. физиологии человека и животных физиологом был только «Зав» (Ю.Н. Иванов), а каф. биологической и органической химии вообще была и биологической (заведующий проф. М.М. Серых), и химической (П.П. Пурыгин, Г.Ф. Названова и др.) одновременно. Только единственная химическая кафедра – общей и неорганической химии (зав. доц. В.А. Терентьев) состояла из химиков, но тоже – разных направлений. Всего на химико-биологическом факультете работало 26 преподавателей, в том числе – 14 кандидатов и 3 доктора наук. Студенты-биологи были представлены 1-3 курсами. Специализация их еще не началась.

Что мы имели к этому моменту? Я перетащил с кафедры зоологии 2 шкафа и отгородил ими небольшой закапелок в ауд. 217, где находилась «знаменитая» стойка с таблицами. В этом мне физически помог декан Д.П. Мозговой, который увидел во мне, по-видимому, перспективного себе помощника.

Заметив это «шкафотаскание» проректор по административно-хозяйственной работе (Дмитрий Сергеевич Синегубов) раскричался, но, видя мою вежливую настойчивость и выслушав аргументы, успокоился и заявил: «Я ничего не видел, я ничего не знаю!» Он боялся ректора. Я не думаю, что ректор ничего не узнал. Но, видя перегородку из шкафов с матерчатой занавеской вместо двери, четыре стола и стулья в возникшем «закапелке» при сохранении 50 посадочных мест для студентов в «оккупированной» мной аудитории, этот мудрый человек вряд ли рассердился. Скорее всего, он подумал примерно так: «Голь на выдумку хитра». Во всяком случае, нас никто не тревожил, и мы работали спокойно в нашей «лаборатории» с «кабинетом преподавателей» в «закапелке».

Состав нашего «подразделения ботаники» тоже был достаточно разношерстен. Как уже отмечалось, Д.М. Пирогова специализировалась по физиологии растений. Это, конечно же, не ботаника. Но общий курс физиологии растений у нас в учебном процессе был. Т.И. Плаксина окончила биолого-химический факультет Куйбышевского пединститута, неплохо знала виды местной флоры. Но, пройдя аспирантуру при Московском пединституте, она выполнила на базе какого-то НИИ в Баку диссертацию по биохимии полиплоидных форм шелковицы, успешно защитив ее по специальности «Биохимия». Я имел ученую степень кандидата биологических наук по специальности «Ботаника» и аттестат доцента по кафедре «Геоботаника». Наконец, у нас был агроном – Надежда Алексеевна Шебаршина.

На первом заседании «подразделения» я предложил:

- 1) организовать специализацию студентов по «геоботанике»;
- 2) утвердить тему научно-исследовательской работы «подразделения»: «Физиолого-биохимические и экологические основы устойчивости растений в степной зоне Среднего Поволжья». «Подразделение» единогласно поддержало эти

предложения. Т.И. Плаксина на данном заседании, проигнорировав приглашение, отсутствовала.

И вот наступил день заседания совета химико-биологического факультета, которое вел декан Д.П. Мозговой. Выступила проф. Л.Ф. Мавринская, предложившая всех 50 студентов разделить на 2 специализации («Зоология» и «Гистология») и обе осуществлять на возглавляемой ею кафедре зоологии. Потом попросил слова я, вывесил на доске 3 изготовленных мною таблицы и изложил по сути перспективный план развития кафедр и специализаций по специальности «Биология». Это было неожиданным для всех, но слушали меня внимательно и с интересом. Я начал «руководить очередью» к «кассе». В конце выступления я огласил документы по специализации «Геоботаника» и передал их декану. Проф. Л.Ф. Мавринская попыталась оспорить мое предложение о специализации «Геоботаника», заявив, что сначала надо выяснить потребности области в таких специалистах. Но когда я, вынув из папки, прочел письмо института «Росгипрозем», возражения исчезли. Как оказалось, такого рода заявок ни у кого, в том числе и у Л.Ф. Мавринской, не имелось. Тут поднялся проф. М.М. Серых и заявил, что он предлагает еще одну специализацию «Биохимия» по своей кафедре. Милон Матвеевич Серых окончил Оренбургский сельскохозяйственный институт, зоотехник, работал ветеринаром в Казахстане, преподавателем в Куйбышевском сельскохозяйственном институте, был в докторантуре при Московской сельскохозяйственной академии им. К.А. Тимирязева, но доктор биологических наук.

«Мой Зав» Ю.Н. Иванов ничего не предлагал. Его, похоже, устраивало «заведование» без специализации. А понимал ли сей воспитанник местного «меда», что без соответствующей специализации кафедра физиологии человека и животных никогда на деле не возникнет (нет учебных часов – не будет и штата преподавателей), вопрос не ко мне! Нам же он не мешал и на том «спасибо»!

Совет решил начать специализацию студентов по геоботанике, зоологии, биохимии. Чуть позже Совет университета утвердил это решение, название нашей специализации по предложению проф. Алексея Даниловича Ершова (физик, член Головного совета при Минвузе РСФСР) было подкорректировано – «Ботаника».

Что давала нам специализация? Она обеспечивала возрастающий объем учебных часов и, следовательно, – работу для новых преподавателей. Появились спецдисциплины, большой спецпрактикум, практики по специализации на 3 и 4 курсах, курсовые на 3 и 4, дипломные работы на 5 курсе. Сложность заключалась в том, что мои «ботанические» коллеги перегружать себя, живя сегодняшним, а не завтрашним днем, категорически не желали. Д.М. Пирогова соглашалась руководить курсовыми и дипломными работами, но отказывалась от спецкурсов, мотивируя это тем, что имеющейся у нее нагрузки («Физиология растений» на 3 курсе и «Биология» – на подготовительном отделении) уже достаточно, а Т.И. Плаксина, будучи воспитанницей местного пединститута, понятия не имела о какой-то там специализации, держалась крайне вызывающе, считая себя необыкновенно значимым и непревзойденным специалистом и в ботанике вообще, да еще и в биохимии растений – тоже. Увы, мудрецы утверждают: «Человек – это дробь, в числителе которой он сам, а в знаменателе – то, что он о себе думает». А ведь та же ботаника включает в себя: анатомию, цитологию, эмбриологию, морфологию, систематику растений, альгологию, микологию, лишенологию,

бриологию, палинологию и другие разделы, по которым специализированы исследователи. Это также фитоценология, экология растений и, конечно же, и флорология или флористика, единственно в которой и разбиралась более или менее наша Тамара Ивановна Плаксина.

Пришлось все взваливать на себя. Я читал лекции, проводил лабораторные занятия по ботанике со студентами 1 курса. Еще мне поручили чтение лекций по растениеводству, а лабораторные занятия вела Н.А. Шебаршина. Она многим помогала: доставала раздаточный материал, таблицы, микропрепараты в пединституте, сельхозинституте и везла в нашу «лабораторию». С трудом, но удалось добиться, чтобы у нас появилось свое «материально ответственное лицо». Без этого «все наше» было «не наше». Эту функцию взяла на себя безотказная Надежда Алексеевна. Но денег нам не выделяли, мотивируя это тем, что мы – «не кафедра». И это мешало. Сильно! В ту пору университет имел приличное госбюджетное финансирование, и многие кафедры получали хорошее комплектное оборудование. У нас ничего этого не было...

Как уже отмечалось, проф. Ю.Н. Иванов мне не мешал, в дела наши не вмешивался, заседаний «кафедры» не проводил, часто отсутствовал на работе, появлялся только на свои лекции, читал их и уходил из университета. Был он, в общем-то, беззлобный: невысокий, щупленький, с бледным худощавым лицом, с очками в тонкой, «деликатной» оправе на носу. Вспоминается и такой случай. Как-то во время моих лабораторных занятий зашла ко мне лаборантка Тамара Васильевна Поветкина и сказала, что меня зовет Зав. Зайдя в завовский закапелок, я увидел у Юрия Николаевича сидящего на стуле замызганного дядьку, кои «роятся» у пивных ларьков. Профессор спросил, есть ли у меня деньги и не могу ли я одолжить ему «до получки». Я вынул из кармана что у меня было и протянул деньги Заву. «Спасибо», – сказал Юрий Николаевич и передал денежки «пивному дяде». Вообще Юрий Николаевич Иванов не оставил в моей памяти никаких ярких воспоминаний. Рядом же с нашей учебной лабораторией располагалась кафедра истории КПСС (комн. 216). Вот ее заведующий – доктор исторических наук, профессор Василий Георгиевич Толкачев запомнился мне очень хорошо. Он всегда приветливо здоровался при встрече, протягивал и пожимал руку, дружелюбно расспрашивал о жизни, о делах. Чудесный, большой души человек был Василий Георгиевич! Жаль, очень жаль, что этот замечательный, еще совсем не старый человек слишком рано ушел из жизни!

23 февраля в университете отмечали День Советской Армии и Военно-Морского Флота. Необычным для меня было то, что в столовой накрыли столы с закусками и спиртными напитками. Участвовали в застолье и ректор Алексей Иванович Медведев, и проректора Владимир Максимович Головин, Евгений Иванович Дробышев, Дмитрий Сергеевич Синегубов, деканы, заведующие кафедрами, преподаватели. Все разместились в помещении столовой на первом этаже корпуса на ул. Потапова. Коллектив сей в начале 1973 года был еще совсем небольшой, все знали друг друга. Обстановка, на удивление, была совершенно непринужденной. Свободно излагаемые мысли и даже песни. Один из преподавателей, Евгений Александрович Мельников, оказывается, был «сыном полка» во время Великой Отечественной войны. Он привел на празднование своего боевого командира. Ректор шутил и пел песни вместе со всеми. По сравнению со строгими порядками и «крикливой субординацией» в Днепропетровском

университете все это воспринималось так необычно, радовало простотой и бесхитростностью...

Это «празднование» сблизило меня с Джоном Поликарповичем Мозговым, который оказался большим охотником до песен. Я же их знал великое множество, а мой сильный вокальный голос сразу же занял доминирующее положение «в хоре» и все, включая ректора, одобрительно «следовали за мной». Домой мы шли «спевшейся компанией»: я, В.П. Гаврилов и Д.П. Мозговой с «дамой» (с кафедры физвоспитания) под ручку. Сначала «довели до дому» нас с В.П. Гавриловым, а затем Д.П. Мозговой повлек, нежно обняв, свою «мадемуазель» zu Hause und zu Bett (дома его ждала дочка, жена обучалась в аспирантуре при МГУ).

С тех пор я стал заходить по выходным в квартиру к Джону Поликарповичу (друзья мои остались в Днепропетровске, а натура искала друга). Мы разговаривали, не отказываясь от «румочки чая», и пели песни. Его дочка Элина быстро потянулась ко мне (все дети всегда легко сближаются со мной), залазила на колени, и мы вели бесконечные беседы на интересные всем детям темы. Как-то однажды я застал и приехавшую из Москвы жену Джона Поликарповича – Ольгу Афанасьевну. Она должна была скоро стать нашим «ботаником».

Приближалась весна. Потеплело. В начале марта растаял снег, а по Волге поплыли льдины. Это напоминало Днепропетровск, где к 8 марта уже начинали торговать пролисками из леса. 1 мая 1973 года я впервые участвовал в куйбышевской праздничной демонстрации. В отличие от того, к чему я привык в Днепропетровске, тексты транспарантов строго соответствовали «Призывам ЦК КПСС» (их в ту пору публиковали во всех газетах). Транспарант состоял из прямоугольной деревянной рамки, обтянутой красной материей с написанным на ней текстом «призыва», и двух деревянных же ручек (круглых шестов) по краям. Нести его было и тяжело, и неудобно, особенно при ветре. В Днепропетровске транспарант состоял из двух дюралюминиевых трубок и матерчатого сворачивающегося полотнища с универсальным, «долгоиграющим» текстом: «Хай живе КПРС!», «Хай живе 1 травня!» и т.п. Зато здесь, в Куйбышеве, колонна строилась не около университета, а поближе к центральной площади, на ул. Осипенко у Октябрьского райисполкома, куда транспаранты были доставлены в кузове грузовика. По пути следования колонн: Ново-Садовая → Садовая → ул. Красноармейская → площадь Куйбышева шли быстро, а, миновав трибуны с областным и городским начальством, за первым же перекрестком нас ждал грузовик, в который мы сложили наши транспаранты и разошлись по домам. Вот и весь Первомай!

В День победы, 9 мая, мы с В.П. Гавриловым и В.В. Перхиным решили посетить какое-нибудь кафе или ресторан. Под вечер мы сначала зашли в кафе «Звездное», которое располагалось на первом этаже 9-этажного жилого дома, где был и магазин «Универсам». Открыв дверь, мы увидели занятые посетителями столы, оркестр и толстую певицу, которая, выдрыгивая голыми бедрами, громко завывала: «Улица, улица, улица родная, Мясоедовская улица моя!» Попытка попасть в ресторан, который, как нам подсказали, находился в «Доме сельского хозяйства», тоже оказалась неудачной: свободных мест не было. Наконец, дойдя по совету прохожих до дома быта «Горизонт», мы заняли столик в кафе на самом верхнем шестнадцатом этаже. На улице стемнело. Из кафе был выход на балкон, с которого открывалась панорама волжской набережной и всей центральной части

города. Куйбышев погрузился в плотную ночную мглу. Никакой иллюминации! Только редкие, тусклые фонари на улице Молодогвардейской. По сравнению с Днепропетровском это было и непривычно, и непонятно. Ведь совсем рядом находилась крупнейшая на Волге Куйбышевская гидроэлектростанция имени В.И. Ленина.

Мы стояли на балконе с высокой (до горла) защитной стенкой (по-видимому, чтобы выпивший лишнего не выпал) потрясенные. Я представлял, как сияют сейчас утопающие в море огней праздничные Днепропетровск и Запорожье, В.В. Перхин видел царственный в водопаде сверкающей иллюминации Ленинград, а В.П. Гаврилов – Горький. Куйбышев же был тяжело придавлен угрюмой, непроницаемой тьмой. И лишь где-то в районе площади Куйбышева светилось миниатюрное «пятно» цветной электрической иллюминации. Но восторга это не вызывало...

Шло время быстро. Надо было готовиться к летним практикам. Т.И. Плаксина планировала взять студентов в Жигулевский заповедник, а я, по совету М.М. Серых, отправился в пос. Усть-Кинельский, где располагался Куйбышевский сельскохозяйственный институт с пойменными и байрачными лесами в окрестностях. В ректорате сельхозинститута к нашим просьбам отнеслись с пониманием и радушно согласились принять наших студентов, предоставив им общежитие и помещения для занятий. Так что после окончания весенней экзаменационной сессии мы (я и Лидия Петровна Молодова – появившийся на каф. зоологии почвенный энтомолог) на заказанных мною в автопредприятии города автобусах вывезли студентов 1 курса на практику. Позднее к нам присоединился Д.П. Мозговой.

Студентов разместили в общежитии, нас – тоже. Лидия Петровна и Джон Поликарпович поселились в комнатах. Меня определили в комнату, где проживал сельхозинститутский преподаватель, когда не мог поздно возвращаться домой, в Куйбышев. В корпусе зооветеринарного факультета нам выделили по классной комнате для занятий студентов. На территории учебного городка были 2 столовые, дворец культуры, магазин, почта. Хозяин комнаты (Салих Шакирович Аюпов), куда меня поселили, оказался чудесным человеком. Появившись как-то, он радушно предложил смело использовать его посуду (кастрюли, сковороды, чайник и пр.) и электроплитку и даже научил меня заваривать чай по-татарски (он был татарин). Комната имела самостоятельный выход на улицу. В коридорчике располагались кухня и туалет.

Л.П. Молодова оказалась очень энергичной и предприимчивой. Она договорилась с институтскими преподавателями, и они, выпросив автобус в ректорате, провезли нас по окрестностям, показав байрак «Каменный овраг», «Бузаевский лес» и др. Я был приятно удивлен и обрадован тем, что тут обитают те же виды растений, что и на Днепропетровщине. Все оказалось знакомым. А я опасался, что столкнусь с множеством чего-то мне неизвестного.

Студенты работали очень хорошо. Если в Днепропетровском университете надо было не только давать поручение, но и терпеливо контролировать его выполнение, то здесь простое пожелание, высказанное вслух, выполнялось так быстро, что даже не верилось в реальность происходящего. Мы обследовали красочные степные поляны, крутые, поросшие лесом крутосклоны Каменного оврага, пойменные луга, болотца, дубравы, собирали гербарий, в лаборатории

определяли растения, писали этикетки, монтировали морфологические витринки, готовили материал для занятий в зимнее время. Разбив студентов по парам, я озадачил их исследовательской работой с написанием научного отчета. Все шло успешно. Среди студентов, проходивших учебную практику, я особо запомнил Ирину Антонову, Жанну Сапегину, Ольгу Макуруину, Людмилу Лукашову, Ольгу Лыкову, Сергея Кропотова, Марию Чехову, Валерия Сюкова. Практика в группе 512 продолжалась с 19 июня по 9 июля, а в группе 511 – с 10 июля по 28 июля 1973 года

Внезапно нас посетил проректор В.М. Головин. Он поговорил со студентами, посмотрел, что мы делаем, оценил наши красивые морфологические витринки, полистал научные отчеты студентов, поулыбался, пошутил и отбыл в Куйбышев. Как жаль, что этот удивительно хороший человек мало пожил! Из университета он вскоре вернулся в свой «КуАИ» (авиационный институт), а сейчас (2005 год) его уже нет в живых.

В моей памяти об этой первой для меня в КуГУ практике остались самые теплые воспоминания. В столовую я не ходил, а готовил себе еду сам. На базарчике, который устраивался по выходным, покупал молодой картофель, огурцы и помидоры, в магазине – хлеб, сахар, жиры. В дендропарке (создан во время Отечественной войны проф. Новиковым из Минска) собирал плоды рябин, яблонь и варил компот. Иногда устраивали вечеринки с Д.П. Мозговым. Беседовали, ходили вместе купаться на реку Большой Кинель. Однажды с Д.П. Мозговым и Л.П. Молодовой после дождливых дней сходили в Бузаевский лес и набрали грибов. Нажарили их, вернувшись домой, и поели. В эту же пору совет университета, как сообщили мне, избрал меня по конкурсу на должность «доцента кафедры ботаники». Кроме меня в этом конкурсе участвовал кандидат сельскохозяйственных наук В.Г. Терентьев.

После окончания практики, возвратившись в Куйбышев, я участвовал в приеме вступительных экзаменов у абитуриентов. Определили меня в пару с Л.Ф. Мавринской. Первый вопрос, который она поставила: «Кто из нас будет старшим?» Я немедленно подтвердил ее старшинство. Оно проявлялось достаточно экстравагантно. Вот садится напротив нас отвечать на вопросы экзаменационного билета абитуриентка. Она волнуется, и у нее вздрагивают руки. Впиваясь в девушку взглядом удава, Людмила Федоровна грозно спрашивает: «А что это у Вас руки дрожат? Вы что ничего не знаете?» У несчастной дрожь охватывает не только руки. Взглянув на грозную профессоршу, она вообще утрачивает дар речи. Все! Эта абитуриентка не будет учиться в нашем университете. А вот к столу экзаменаторов подходит уверенная в себе девушка в роскошной ажурно-кружевной белоснежной кофточке. «Ах, какая кофточка!» – счастливо восклицает Людмила Федоровна. «Ваша фамилия Компанец? Какая чудесная фамилия!» Отличная оценка этой абитуриентке обеспечена. В таком ключе идет экзамен до конца. Моя роль сводится только к тому, что «симпатии» Людмилы Федоровны я задаю какой-нибудь особо трудный для ответа вопрос, а «антипатии» – легкий. Но, как ни странно, Людмила Федоровна против такого «лукавства» с моей стороны не возражает.

После окончания этих экзаменов, в августе, меня неожиданно вызывают в ректорат, вручают командировочное удостоверение и объявляют, что необходимо отбыть в университетский студенческий стройотряд на Сухую Самарку. Надлежит

немедленно ехать на улицу Куйбышева в горком комсомола, где объяснят ситуацию. В горкоме комсомола меня уже поджидают еще двое «командировочных» – секретарь комитета комсомола КуГУ Косолапов и лаборант кафедры истории КПСС Андрей (фамилию я не помню). Нам объясняют, что наших стройотрядовцев терроризирует местная шпана, угрожает обрезками и ножами, требует «откупа» (водки). Так я оказываюсь «демобилизированным» на борьбу с «кулачем». Ничего подобного я раньше не знал, объездив множество городов и сел Днепропетровской и Запорожской областей. Эта дикость то ли там никогда не бывала, то ли давно канула в лету.

Нашу троицу сажают в автобус и везут на место, в палаточный городок стройотряда. Сопровождает нас секретарь горкома комсомола. Студенты, девушки и юноши, встречают нас настороженно, но, узнав, что мы остаемся с ними, веселят и зовут к столу. Нам выделяют большую палатку и с тремя койками. Комсомольский горкомовец обещает заехать в милицию и уезжает. То ли наш приезд «напугал» шпану, то ли милиция навела «шорох» среди шпаны, а только никто в наш палаточный лагерь со злыми намерениями не приходил. Через неделю из университета передали, что мы можем вернуться «к мирной жизни». И мы вернулись.

До 1 сентября еще было много времени, и я «организовался» съездить к семье. Когда я прибыл в Днепропетровск, то на вахте общежития, где жила моя семья, мне сказали, будто бы был телефонный звонок, которым сообщали, что мне выделена квартира. Верить или не верить? Проработал я в Куйбышевском университете только 7 месяцев – и квартира, а в Днепропетровском 10 лет – и фига в кармане! Боже, как странно устроена жизнь!

Надо оговориться, что после устройства на работу в Куйбышевский университет я был прописан в упомянутой «квартире-общежитии», о чем свидетельствовал штамп в паспорте. Поскольку ректор А.И. Медведев предупредил, что квартиру мне обязательно дадут, но ходить к нему по этому вопросу не надо, я попытался «снять жилье», чтобы перевезти к себе семью. На мои объявления в городской газете шли предложения, и я даже получил ключ от хозяев квартиры на ул. Дзержинской, куда перевез купленную раскладушку, но с переездом «тянул». Вскоре хозяева пустой квартиры заявили мне, что «передумали». И я забрал от них свою раскладушку. Все, что ни случается, случается к лучшему!

Теперь же, находясь в Днепропетровске, я общался со своей семьей. Мы поехали в село к бабушке Оле. Но к началу сентября надо было возвращаться в Куйбышев. Комендантша общежития Днепропетровского университета Надежда Назаровна, узнав о моем отъезде, заявила, чтобы я забирал с собой и семью. Я успокоил ее, что скоро заберу, так как получил квартиру. Ей об этом, наверное, давно сказали вахтеры, знавшие о «звонке» из Куйбышева. Поэтому она «шуметь» не стала.

Вернувшись в университет, я зашел к начальнику отдела кадров М.Т. Тихонову, и он подтвердил, что мне действительно выделена квартира. Проректор по строительству Дробышев Евгений Иванович, к которому я обратился, спросил, кого записать в ордер кроме меня. Я назвал своих детей, супругу и мою мать. Вскоре мне вручили ордер на 3-комнатную квартиру, где мы сейчас и живем. Ее освобождала семья нашего заведующего кафедрой общей и

неорганической химии, доцента Валерия Алексеевича Терентьева, который как «докторант» переезжал в новую 4-комнатную квартиру. Он, не торопясь, «освобождал» помещения. Оказавшись страшным скупердяем, с необъяснимой жадностью срывал «с корнями» люстры, электрические патроны и розетки, замки и прочее. За оставляемую оббитой дерматином входную дверь требовал деньги. По закону он обязан был сделать в освобождаемой квартире ремонт, но юлил, грубил, изворачивался! Пришлось мне проявить и терпение, и настойчивость, но многого с этого «поэта Ветра» (он подвизался как поэт) я выдавить так и не смог! Причем, я допустил и глупость, написав по его просьбе заявление о том, что не возражаю против отключения в квартире телефона, который якобы был выделен «поэту» союзом писателей. Впоследствии много лет мы не могли установить в квартире телефон (до 1993 г.), а «поэту» в новом доме и без моего заявления телефон поставили бы сразу. Жадность сего «деятеля» была поистине постыдной. Был случай, когда он на документе по выделению премии расписался и 1) как завкафедрой, и 2) как научный руководитель темы, и 3) как председатель профбюро. Над этим смеялись многие, но с него все «стекало» как «с гуся вода». Увы, но доктором наук Валерий Алексеевич так и не стал (диссертационный совет проголосовал против), свои «монографии» и «стихи поэта Ветра» он, требуя деньги, «дарил с автографом» студентам и коллегам. Заболел, утратил работоспособность и стал инвалидом. В 2008 году В.А. Терентьев умер – университет этого практически не заметил. Жаль человека!

В полученной квартире надо было делать серьезный ремонт: в стенах между комнатами были щели шириной с руку, с потолков свисали клочья сорванных проводов, стены в толстом слое грязи... Проф. М.М. Серых посоветовал обратиться в городскую службу ремонта. Пришла женщина-инженер, все обмерила и обсчитала. За 2 недели гарантировала закончить весь ремонт. Я внес в кассу требуемую сумму денег. Пришли мастера, муж и жена, и начали работу. Они размывали побелку со стен, с потолков, белили, красили окна и двери. Женщина предупредила, чтобы я ни под каким предлогом не давал ее мужу денег. Но мне надо было купить где-то половой краски, а ее в магазинах не было. И когда «мастер» предложил мне купить ведро нужной краски, я не устоял и дал ему денег. И все! «Мастер» запил так, что просто исчез. Правда, краску он принес. Жена же его днем работала где-то, а вечером приходила ко мне. Но дело застопорилось. Прошло две недели, три, четыре, а ремонт все шел и шел! Боже! И какое облегчение я испытал, когда ремонт в квартире криво-косо, но закончился в конце октября. Я купил в мебельном магазине диван-кровать, стол, тахту, книжный шкаф и стал готовиться к поездке за семьей.

Разумеется, с 1 сентября я ежедневно вел очень много занятий со студентами. Ведь кроме общего курса ботаники надо было проводить занятия по спецдисциплинам на 3 и 4 курсах по специализации «Ботаника», организовывать курсовые работы студентов. И все это – мне одному. Мои коллеги Д.М. Пирогова и Т.И. Плаксина, как уже отмечалось, помогать мне отказывались. В одно из воскресений я организовал поездку студентов 4 курса в байрак «Каменный овраг», где по моему заданию был собран материал для курсовых работ: по приросту деревьев, по опадению, по подстилке, по семенной продуктивности, по аллелопатическому режиму и т.п. Все это было, разумеется, «скромно», но для первого раза – простительно. Для студентов 3 курса я придумал темы курсовых

работ по аллелопатии на основе лабораторных экспериментов. В помещении «подразделения ботаники» я расширил «закапелок», отодвинув шкафы подальше от стены, еще на одно окно, оставив в «учебной зоне» для студентов 16 мест (на подгруппу): «вежливо, но нахально!» На стенах мы со студентами вывесили красиво выполненные гербарные витринки: аккуратно подшитые высушенные виды растений под прозрачной рентгеновской пленкой. «Лаборатория» приобрела, бесспорно, «ботанический облик». Не обошлось и без смутьянов. Старший преподаватель Т.И. Плаксина пошла «в люди», заявляя, что наши растения определены с ошибками, и тысячелистник вовсе не обыкновенный, а благородный! Чего она этим хотела достичь?

В «закапелке» же я поставил купленный термостат «ТПС-3», весы, сушильный шкаф и столы для экспериментальной работы студентов. «Хочешь жить – умей вертеться!» Надежда Алексеевна помогла закупить чашки Петри и фильтровальную бумагу. Студенты интенсивно собирали листовой опад и семена трав: щирцы, мышея, желтушника и др.

На выходные по случаю годовщины Октября я собирался ехать в Днепропетровск за семьей. Декан не возражал, в ректорате – тоже, но неожиданно резко «заерепенился» секретарь университетского партбюро проф. А.Д. Ершов: «Как это так? А демонстрация?» Пришлось долго его уговаривать. Но все-таки отпустили. Чтобы обернуться поскорее, купил билет на самолет. Но аэропорт Курумоч был в плотном тумане, и рейс на Днепропетровск всё отменяли и отменяли. Просидел день, ночь и только к вечеру второго дня днепропетровцы вместе с запорожцами, «взяв штурмом» диспетчеров и начальство аэропорта, добились вылета самолета, согласившись, что посадка будет одна: или в Запорожье, или в Днепропетровске. Летим. Гул мотора. Снижаемся. Заходит стюардесса и объявляет: «Наш самолет прибывает в аэропорт города Днепропетровска!» Ура! Автобус мчит в город: Запорожские ворота, Запорожское шоссе, проспект Гагарина, остановка «Транспортный институт»! Дома!

Оформляем выписку из Днепропетровска, Рая увольняется с работы. Пакуем вещи. Иду на вокзал и заказываю контейнер. Покупаю билеты на поезд. Контейнер прибывает на грузовике в назначенный день. Загружаем его вещами. Нам помогают друзья – Жора Крисанов и Толик Алхимов. Все! Прощаемся с соседями, друзьями, с комендантшей. Прощай, Днепропетровск! Поезд «Днепропетровск – Москва», поезд «Москва – Куйбышев». Прибываем на место днем. Слава Богу! На трамвае – до улицы Осипенко. Идем с вещами к нашему! дому: я, Рая, бабушка Оля, Оксана и Миша. На встречу попадается Сушкова Светлана Георгиевна – моя знаменитая «спутница по купе». Здоровается и критически оглядывает мое семейство. И вот мы в нашей новой квартире. Дети с удивлением оббегают комнаты, кухню, ванную, туалет. Неужели все это – наше? О, судьба! Неисповедимы пути Господни!

Что же касается моей «невольной спутницы по купе», то мне вспоминается такой случай. Как-то поздно вечером, после какого-то университетского собрания мы (я, М.М. Серых, Л.Ф. Мавринская, Д.П. Мозговой и С.Г. Сушкова), возвращаясь домой, стояли на трамвайной остановке «Улица Потапова». Была зима. Светлана Георгиевна сообщила, что в воскресенье собирается на поляну Фрунзе кататься на лыжах. Услышав сие, Людмила Федоровна изрекла: «Мужик тебе хороший нужен, а не лыжи! Джон! Куда ты смотришь? Страждущая мужского

пениса женщина изматывает себя лыжными кроссами, а ты мух ртом ловишь!» Если честно, то такая грубая откровенность просто потрясла меня! Нет, это был уже не Днепропетровск! Там таких «соленостей» «днем с огнем» не сыскать... Джон Поликарпович заявлением профессорши ничуть не смутился: Людмила Федоровна знала, кому говорить и что говорить!

Осенью 1973 года я получил теплое приветственное письмо из Киева от А.М. Гродзинского, который, в частности, писал: «Рад, что Ваша полоса невезения завершилась, и Вы снова обрели условия для творчества и плодотворной работы. Да, к тому же, и квартирные условия резко улучшились. Так что все прекрасно! Как старший Ваш коллега позволю только заметить, что вот эти «полосы невезения» надо правильно воспринимать и извлекать из них свои уроки. Во-первых, без них жизнь была бы приторной. Во-вторых, они закаляют настоящих людей и губят псевдолюдей (естественный отбор) и т.д. Одним словом, желаю Вам всяческих успехов!»

К 7 ноября я получил множество поздравительных открыток с теплыми, дружескими приветствиями и пожеланиями, в том числе, – от проф. М.А. Голубца, проф. А.Л. Бельгарда, проф. Г.М. Зозулина, проф. М.В. Маркова, проф. Б.П. Токина, проф. В.К. Мякушко, проф. А.Л. Липы, проф. И.Н. Рахтеенко, проф. М.В. Колесниченко и др.

Моя жизненная колесница явно утвердилась на верной колее!

5. НА КРУТОМ ПОДЪЕМЕ

В первом семестре 1973-1974 учебного года я, кроме многочисленных учебных занятий со студентами, активно руководил всеми курсовыми работами по специализации «Ботаника» на 3 и 4 курсах. Чувствовал я себя уверенно, знаний, приобретенных в днепропетровской университетской биогеоценологической школе профессора А.Л. Бельгарда, хватало с лихвой. Был я молод, энергичен, неутомим. Каждый день «копошился» со студентами в нашем «научном закапелке», и это давало хорошие результаты. Студенты тоже очень старались. Расскажу об одной примечательной истории.

Специализировалась у нас на 4 курсе Галя Аверьянова – молчаливая, скрытная как Штирлиц девушка. Все давно разобрали предложенные мною темы курсовых работ, а Галя все тянула и тянула. Я спросил ее, чем же она хотела бы заняться. Она ответила: «Аллелопатией». А на улице уже выпал снег. Я стал говорить ей, что теперь поздно что-либо собирать для работы. «А что надо собрать?» – спросила Галя. «Ну, хотя бы листовой опад, например, дуба и клена остролистного», – ответил я. И каково же было мое изумление, когда через несколько дней эта небольшая, хрупкая девушка принесла в нашу «лабораторию» один рюкзак с опадом дуба, а другой – с опадом клена! Как и где она их взяла? Вот какие энтузиасты были среди наших студентов!

Увы, но скоро у нас не стало Надежды Алексеевны Шебаршиной: она уволилась и уехала в Пензу. Вместо нее появились две молодые лаборантки: воспитанница Воронежского университета Татьяна Солодских и выпускница Мордовского университета Лидия Французова. Татьяна стала нашим «материально ответственным лицом». С этой ролью она справлялась хорошо, обладая несомненной активной коммуникабельностью.

К сожалению, в университете сменился и ректор. Как выяснилось, областное руководство стало оказывать на Алексея Ивановича Медведева «неодолимое давление», требуя перепрофилирования ВУЗа в направлении технической физики за счет сокращения и ликвидации гуманитарных и большинства естественнонаучных направлений. Чем это было вызвано: дремучей глупостью «керівників», нуждой кадров для оборонной промышленности, ревностью, завистью и коварством ректоров других институтов (сейчас они все вписали в свое наименование слово «университет», искренне веря, что таким способом и «мышь» превращается в «слона»)? Наш Алексей Иванович решил долго не воевать и уволился с должности ректора, оставшись доцентом.

Алексей Иванович Медведев родился 11 марта 1917 года в с. Радужное Сызранского уезда в крестьянской семье. С 12 лет жил без отца, в 13 лет начал работать в колхозе, в 16 лет – механизатор-тракторист. В 1936-1937 гг. учился в школе механизаторов, затем работал инструктором-преподавателем в школе комбайнеров в Ставрополе-на-Волге (ныне – Тольятти). На фронтах Великой Отечественной войны А.И. Медведев – капитан, политработник. Награжден Орденом Красного Знамени, Знаком Почета, 6 медалями. Ранен, ампутирована рука. Демобилизован по инвалидности. В 1944 году – начальник отдела кадров на Куйбышевском нефтеперегонном заводе, в 1945 году – учеба в высшей партийной школе, а в последующем – работа в партийном аппарате (Кишинев, Алма-Ата), учеба в академии общественных наук, защита диссертации (кандидат исторических наук), в 1963-1968 гг. – ректор Кишиневского государственного университета. С 12 июля 1968 по 1 ноября 1973 года был ректором Куйбышевского госуниверситета, автор более 100 научных публикаций, подготовил 8 кандидатов исторических наук (по материалам проф. Л.В. Храмова // Самарский университет: газета, 12.12.2008).

Еще будучи ректором Кишиневского университета в столице цветущей советской Молдавии – крупном академическом центре СССР, А.И. Медведев хорошо усвоил суть классического университета как уникального высшего учебного заведения, в котором студент обучается и воспитывается на основе постоянного и непрерывного научного творчества совместно со своим преподавателем – ученым. Поэтому, став ректором-организатором Куйбышевского университета, он отказался создавать его на базе пединститута или какого-то иного ВУЗа (из мыши и слон остается мышью), а за 6 месяцев выстроил учебный корпус, в котором в 1969 году появились первые студенты. Понимал Алексей Иванович и то, что университет могут создать только те преподаватели и заведующие кафедрами, которые имеют базовое университетское образование и уже поработали в классическом университете. Поэтому он приглашал на работу университетских профессоров и доцентов (из Саратова, Воронежа, Казани и др.), а также отличников-студентов Московского, Ленинградского, Саратовского университетов после окончания целевой аспирантуры. Именно это способствовало быстрому становлению нашего университета. Во всех тех случаях, когда ректору приходилось по нужде довольствоваться воспитанниками местных профильных институтов, возникали «непреодолимые язвы» «мышевидного мышления и деятельности». Уход с поста ректора А.И. Медведева обернулся для университета годами неурядиц. Вместо него в кабинете ректора появился молодой доктор и профессор Станислав Иванович Мешков из Московского энергетического института...

1973-1974 учебный год сопровождался для меня неожиданными событиями. Милон Матвеевич Серых привлек декана Джона Поликарповича Мозгового к регулярному посещению плавательного бассейна на набережной Волги. Вопреки ожидаемому улучшению здоровья Д.П. Мозговой внезапно оказался на больничной койке с каким-то очень серьезным заболеванием головного мозга, и врачи вынесли однозначный вердикт: «Всякая ответственная, тем более деканская деятельность – противопоказана!» Болел Д.П. Мозговой долго: сначала лежал в больнице, затем – дома. Жена его, Ольга Афанасьевна, находилась в Москве, в аспирантуре в МГУ. Дочка Эллина, учившаяся в школе, стала жить у нас. Когда Джона Поликарповича выписали из больницы с рекомендацией постельного режима, к нему на дом стали ходить лаборантки с кафедры, чтобы приготовить пищу болящему и др. Встал вопрос, кому быть деканом?

Меня вызвал ректор Станислав Иванович Мешков. У него уже находился проректор В.М. Головин. Они и предложили мне стать деканом химико-биологического факультета. Я попытался отказаться, но из этого ничего не выходило. Мне рекомендовали подумать и выдвинуть свои разумные условия. Тогда я пошел к кандидату химических наук Виктору Николаевичу СЕРЕЖКИНУ (химик) и кандидату педагогических наук Людмиле Яковлевне ОСИПОВОЙ (биолог) и, рассказав о ситуации, попросил о помощи. Они, подумав, согласились. Приказом меня назначили исполняющим обязанности декана (сроком с 5 февраля до 11 октября 1974 года), а заместителями – В.Н. СЕРЕЖКИНА (по учебной работе) и Л.Я. ОСИПОВУ (по воспитательной работе). И мы начали дружно и целенаправленно действовать. В высшей степени организованный и умный Виктор Николаевич, детально изучив учебный план, разработал четкие направления по срокам выполнения учебной работы по специальностям «Биология» и «Химия». Он навел в учебном процессе идеальный порядок. Людмила Яковлевна оказалась талантливейшим педагогом, тонко чувствующим индивидуальные особенности студентов. Никогда еще у меня не было таких замечательных помощников. Трудность была только в том, что выполнение моих поручений кафедрами «резинилось» беспредельно.

Короткое время спустя, меня вызвал проректор В.М. Головин и велел тщательнейшим образом проверить выполнение учебной работы проф. Ю.Н. Ивановым и обо всех выявленных нарушениях доложить ему в письменной форме. Дело в том, что «мой Зав» часто не являлся в университет. Доносили какие-то люди, что он бросил жену, часто и много пьет, развратничает. Когда я стал проверять журналы учета учебных занятий, то обнаружил в них много пробелов. Были не зафиксированы лекции и лабораторные занятия. Тогда я направился к проф. Ю.Н. Иванову в его «закапелок» (он оказался на месте) и сообщил, что поскольку мне поручено выявить невыполнение им учебной нагрузки, то я прошу его внимательно просмотреть свои записи в журналах. Журналы я ему оставил, а когда он мне их вернул, то я увидел, что он ликвидировал все пробелы. Сей «мédовец» оказался дюже сообразительным. А я же написал начальству обстоятельную (водянистую) докладную (с таблицами) о том, что никаких нарушений учебной работы проф. Ю.Н. Ивановым документально не выявлено.

Однако взялись за «моего завкафа» крепко. Теперь уже секретарь партбюро университета требовал написать на него плохую характеристику и вручил мне текст-проект. Я направился к нашему факультетскому парторгу проф. М.М. Серых.

Сей мудрый, добрый, порядочный человек смягчил и обточил формулировки характеристики, выбросив все крайности, на которые нас «толкали», и мы с ним ее подписали. Завершилось все тем, что Ю.Н. Иванов из университета уволился, а на меня приказом возложили еще и обязанности заведующего кафедрой физиологии человека и животных.

Но и это было не все. Из университета ушел В.П. Гаврилов и уехал назад в Горький. А так как у него продолжался заключенный им на Куйбышевский госуниверситет хоздоговор, то он вместе с начальником научно-исследовательского сектора В.Н. Алимпиевым уговорил меня числиться научным руководителем темы, клятвенно заверив, что отчет перед заказчиком берет на себя. Так я сразу стал и деканом, и заведующим кафедрой, и научным руководителем темы! Что это было: награда или наказание? Тогда я об этом не думал. Но сейчас, оглядываясь в прошлое, не могу отделаться от мысли, что многое в моей судьбе сложилось бы не так, не будь данных событий. Хорошо зная сейчас Д.П. Мозгового, думаю, что, оставаясь деканом, он по возможности любым способом тормозил бы мою независимую деятельность. Если бы Ю.Н. Иванов продолжал «числиться» (а он именно числился, а не работал) заведующим кафедрой, он никогда бы «не выпустил нас из своих объятий», и кафедра ботаники как самостоятельная структурная единица не состоялась бы очень и очень долго. Ведь сей «мéдовец» абсолютно ничего не делал, чтобы укрепить свое «заведующее положение» преподавателями-физиологами...

Учебные занятия со студентами шли своим чередом. Теперь вопрос о курсовых работах уже остро не стоял, так как студенты собрали достаточно большой фактический материал. Все спецдисциплины «тянул» я, Д.М. Пирогова согласилась руководить лишь несколькими курсовыми работами, Т.И. Плаксина нас игнорировала. И в прошлом учебном году, и в этом она стремилась в любую возникающую «паузу» (сессия, студенческие каникулы и пр.) уехать в Баку, где ее якобы ждала непреложная научная работа. Ради этого она готова была все учебные занятия и другие дела «пустить коту под хвост». И все это с непостижимой амбицией!

Поскольку в университете приветствовалось приглашение для чтения лекций крупных ученых, я добился в ректорате приезда к нам из Москвы Василия Петровича Иванова. Он работал в институте физиологии растений АН СССР и недавно защитил докторскую диссертацию по аллелопатии. В.П. Иванов приглашение принял и приехал в марте 1974 года к нам в университет, где прочел для студентов нашей специализации «Ботаника» интересный курс лекций по материалам своей докторской диссертации. Жил он в нашей семье. Мы выделили ему отдельную комнату, а Рая потчевала его наваристым украинским борщом. Мы гуляли с ним по набережной Волги, беседовали. Пробыл он у нас дней десять.

Возвратившись в Москву, Василий Петрович написал письмо нашему ректору, в котором, в частности, предлагал оказать мне содействие в написании докторской диссертации с учетом уже имеющегося у меня большого задела: к тому времени я имел (после защиты кандидатской диссертации) 29 научных публикаций и как активный участник шести Всесоюзных симпозиумов по аллелопатии и проблеме фитонцидов был хорошо известен специалистам. В.П. Иванов писал о «стенде докторантов», который в форме комплекса фотопортретов висел в вестибюле нашего университета, и рекомендовал внести в него и мою особу.

Оговорюсь, что с нашего факультета в данном «иконостасе» (выражение проф. П.С. Кабытова) красовались Д.П. Мозговой и В.А. Терентьев. Так прозвучал для меня «первый звоночек» о докторской диссертации. Тогда, признаюсь, я еще об этом не думал: глупые мы, русские, люди! Все скромничаем, все боремся за правду, справедливость и честность! Все-то нам надо сделать добротнo, на совесть! Это в особенности свойственно русским северянам, где сама суровая природа жестоко наказывает ловкачей и мошенников.

Сейчас, когда я пишу это, мне уже хорошо известны некоторые «доктора наук», которых «сляпали» на моих глазах, хотя по уровню своих умений они и в «кандидаты» не годятся. И все это при смертельно-равнодушном попустительстве «русиянских олухов»! Сами себе на шею садим глупых, но беспредельно наглых бесов! Сколько судеб человеческих может перекалечить такой «доктор»! Не успеем оглянуться, а он уже – Зав, директор, заслуженный деятель, академик! Всех умных, честных, талантливых – к ногтю, а подленьких подхалимчиков – под бок. Несчастливая Русь!

Самым простым, доступным, добрым и отзывчивым из всех моих коллег на факультете был в ту пору заведующий кафедрой биологической и органической химии, доктор биологических наук, профессор Серых Милон Матвеевич. Вот и он стал «звонить колокольчиком» мне о докторской диссертации. Рассказал, что он, работая в Куйбышевском сельхозинституте, избежал нежелательного назначения, перейдя в докторантуру при Московской сельскохозяйственной академии имени К.А. Тимирязева (ТСХА), а после защиты докторской диссертации перешел на работу в наш университет. Весело повествовал он и о том, что, придя к проф. Л.Ф. Мавринской (она была тогда заведующей единственной на факультете кафедры) и, узнав о наличии уже Дианы (Пироговой) и Джона (Мозгового), сказал: «У Вас есть и Диана, и Джон, возьмите к себе еще и Милона!» «А где его взять?» – полюбопытствовала Людмила Федоровна. «А это я», – ответил он и протянул паспорт. «И правда Милон», – рассмеялась «мать факультета», заглянув в документ.

Пока что я числился исполняющим обязанности декана, но в конце года меня планировали и в ректорате, и в партбюро университета избрать на эту должность по конкурсу на 5 лет. Отказы мои отменяли. И тогда по совету проф. М.М. Серых, знавшего, что надо иметь для перехода в докторантуру (на должность старшего научного сотрудника), я начал готовить необходимые документы. Сформулировав тему, я напечатал на пишущей машинке несколько экземпляров развернутого, аннотированного плана (содержания) диссертации и разослал их в начале августа 1974 г. вместе с официальным письмом-запросом ректора С.И. Мешкова специалистам-аллелопатчикам (проф. А.М. Гродзинскому, проф. М.А. Голубцу, проф. М.В. Колесниченко, проф. В.П. Иванову) с просьбой высказать свои замечания и, в случае согласия, прислать отдельно оформленное (с подписью и печатью) заключение о заделе диссертации и готовности к ее завершению. Понимая, что наше «подразделение ботаники» несолидно смотрится, я обратился к А.М. Гродзинскому с просьбой о прикреплении в качестве соискателя к возглавляемому им Центральному республиканскому ботаническому саду АН УССР, к лаборатории аллелопатии.

Поддержку я получил ото всех. Показал заключения докторов наук проф. М.М. Серых (я знал, что сей общительный человек быстро, широко и убедительно

распространит эту информацию), сходил к проректору В.М. Головину и к ректору С.И. Мешкову, ознакомил и их с рекомендациями крупных специалистов о переводе меня в докторанты, а поскольку докторов наук в нашем университете не хватало, то мои аргументы все восприняли как убедительные.

Во втором семестре 1973-1974 учебного года у нас появился новый ассистент – Валентин Григорьевич Терентьев. Он окончил Куйбышевский инженерно-мелиоративный институт (сейчас это Самарская сельскохозяйственная академия) по специальности «Лесоводство и агролесомелиорация». Изучал насаждения из березы повислой в Генковских лесополосах под руководством доц. Германа Павловича Шестоперова. Кандидат сельскохозяйственных наук. Работал в институте «Росгипрозем» почвоведом, на железной дороге (создавал защитные лесополосы), на Поволжской агролесомелиоративной опытной станции. Он взял на себя ряд спецкурсов, курсовых и дипломных работ студентов.

Появился на факультете и новый профессор. Это была Нина Андреевна Меркулова – доктор медицинских наук, воспитанница научной школы акад. Сергиевского из Куйбышевского медицинского института. Она перешла к нам на работу из Куйбышевского пединститута. Вот она-то и взяла от меня на себя нелегкую ношу деканства. 11 октября 1974 года у нас появился не временный, как я, а настоящий, постоянный декан, избранный советом факультета, – проф. Нина Андреевна Меркулова. Слава Богу! Нина Андреевна отличалась предельной строгостью, корректностью, вдумчивостью, критическим, гибким мышлением, быстрой адаптацией к университетской системе. Поэтому она без проволочек приступила к организации специализации студентов по физиологии человека и животных. Это, во-первых, ставило «на собственные ноги» кафедру физиологии человека и животных, а, во-вторых, «освобождало из плена» ботаников и давало нам шанс на независимое существование.

16 октября 1974 года я написал ректору проф. С.И. Мешкову заявление с просьбой освободить меня от исполнения обязанностей заведующего кафедрой физиологии, а к концу декабря завершилось и мое «научное руководство» хоздоговорной научно-исследовательской работой В.П. Гаврилова.

И свершилось как в истории про мужика и мудреца. Пошел мужик к мудрецу и пожаловался, что в хате у него очень тесно, так как семья большая. Мудрец и спрашивает: «А нет ли у тебя козла?» «Есть», – отвечает мужик. «А ты попробуй и козла в хате содержать, тогда увидишь, что будет!» Забрал мужик в хату и козла. Жить стало совсем невмоготу. Пошел он к мудрецу снова жаловаться. Мудрец и говорит: «А ты козла-то в сарай переведи!» Прошло время. Встречает мудрец мужика и спрашивает: «Ну, как без козла?» «Спасибо, – говорит мужик, – так хорошо, так хорошо стало, что лучше и не бывает!» Вот и мне тоже стало так хорошо, так хорошо!

6. КРАСНОСАМАРСКИЙ ЛЕС

Мне же надо было думать о хорошей и настоящей полевой базе для производственной практики студентов. Хотелось не расплыться, а, как в Днепропетровском университете, собрать всех студентов и их научных руководителей-преподавателей в одном месте. По своему опыту я уже знал, что именно так достигается максимально эффективный результат. Следовало, прежде всего, познакомиться с природным районированием Куйбышевской области. В

Куйбышеве находилась очень солидная областная библиотека, куда поступали все издания с территории СССР. Вот и превратился я в трудолюбивого завсегда читальных залов этой библиотеки. Месяца через 2-3 я уже изучил всю «краеведческую литературу», составив картотеку рефератов в несколько сотен источников.

Открытые мною сведения радовали: Куйбышевская область включала все подзоны степной зоны: от Лесостепи на севере до полынно-типчаково-ковыльных степей на юге. Южная граница Лесостепи проходила по нижнему течению реки Самары, по рекам Большой и Малый Кинель. Сию границу пришлось устанавливать лично мне на основе анализа множества противоречивых источников. Теперь оставалось найти лесной массив в подзоне разнотравно-типчаково-ковыльных степей обыкновенного чернозема, чтобы он был аналогичен тому, где я проводил свои исследования на Днепропетровщине. Помог счастливый случай.

Как-то раз заехал я на кафедру ботаники в Куйбышевский педагогический институт, к профессору Виктору Евгеньевичу Тимофееву. В кабинете заведующего кафедрой находился еще один, незнакомый мне мужчина, который оказался главным лесничим Куйбышевского областного управления лесного хозяйства, заслуженным лесоводом РСФСР Яковом Яковлевичем Лобановым. Мы познакомились. Я рассказал моим собеседникам о своей озабоченности и попросил их как людей, хорошо знающих Куйбышевскую область, посоветовать, где можно было бы нам основать полевой стационар. Но он непременно должен быть в зоне настоящих степей.

Яков Яковлевич, подумав, назвал урочище «Жареный бугор» в Красноярском районе и Красносамарское лесничество в Кинельском районе. Мы договорились с Яковом Яковлевичем о сотрудничестве, и он выразил удовлетворение, узнав, что я планирую долговременные исследования в степных лесах. С начала второго семестра у нас к тому же в «подразделении» появился, как уже было отмечено, еще один «лесовик» – Валентин Григорьевич Терентьев. Валентин Григорьевич оказался очень трудолюбивым, безотказным и в высшей степени порядочным человеком. Мне сразу стало и легче, и выгоднее...

Семья моя освоилась в новой квартире. После изобильного Днепропетровска мы помаленьку привыкали к скудным куйбышевским магазинам, но, слава Богу, не голодали. Рая устроилась на работу в вечернюю школу №41 учителем русского языка и литературы. Помог случай и ее приветливая днепропетровская коммуникабельность. Рая пришла в райОНО и, ожидая приема Зава, «придержала» следующего прямо в дверь мужчину. Он, уловив родной ему украинский акцент моей красавицы, задержался, поговорил с ней и, дав свой телефон, пригласил зайти к завучу вечерней школы №41, где есть небольшая учебная нагрузка для учителя русского языка. Когда Рая пришла в эту школу, то оказалось, что не только завуч (Степан Саввич Лысый), но и директор (Петр Артемьевич Шевченко) – украинцы. Так Рая стала работающей, с нагрузкой 4 часа в неделю, но «лиха беда – начало», а школа находилась прямо во дворе нашего дома. И это – большая удача!

В Днепропетровске снега зимой практически не было, а, здесь, в Куйбышеве, был и снег, и морозы. Волга, находившаяся совсем близко от нашего дома, покрывалась толстым льдом и белым-белым снегом, по которому в выходные дни тысячи горожан на лыжах и пешком отправлялись на другой берег, в лес. Мы тоже

купили лыжи, и все вместе (я, Рая, Оксана и Миша) перебирались по Волге на Самарскую Луку, захватив в рюкзаке бутерброды и термос с горячим чаем. В начале марта к нам в гости приехал Жора Крисанов. Был он недолго, но за Волгу на лыжах мы с ним сходить сумели.

Наступила весна, растаял снег. Еще было прохладно, когда однажды нам позвонил Я.Я. Лобанов и предложил вместе с ним на его служебной машине поехать в Красносамарское лесничество. И вот мы с Валентином Григорьевичем Терентьевым и Яковом Яковлевичем Лобановым прибываем в лесной массив, который станет нам родным на все последующие десятилетия. В квартале 80 Яков Яковлевич подвез нас к бывшему дому лесника (есть стены, пол, потолок, крыша, рамы в окнах, двери), который можно было приспособить для жилья в летнюю пору. Рядом – дом егеря охотхозяйства завода «Прогресс», в нем живет постоянно егерь и ночуют приезжающие на выходные охотники. Имеется колодец. Что еще надо!? Все необходимое есть. И главное – этот лес располагается без сомнения в степной зоне. Яков Яковлевич знакомит нас с лесничим Владимиром Александровичем Борисовым. Договариваемся о сотрудничестве. Спасибо, незабвенный Яков Яковлевич! Никогда Вас не забуду!

Теперь берусь за документальное оформление, стремясь в maximumе соблюсти принципы организации комплексной экспедиции Днепропетровского университета. Иду к главному бухгалтеру Марии Александровне Каргиной. Прошу совета и содействия. Она сначала ничего конкретного не говорит. Но я ей заявляю: «Дорогая Мария Александровна, Вы же в бухгалтерском деле – профессор, а я – дурачок! Помогите, научите меня!» И она сдается, достает небольшую брошюрку и, протягивая ее мне, говорит: «Здесь положение о научных экспедициях, приготовьте приказ ректора и решайте вопрос с ним». Я изучаю документ и составляю проект приказа о создании комплексной биогеоэкологической экспедиции Куйбышевского университета, включая в ее состав себя в качестве начальника, Д.П. Мозгового – зам. начальника, В.Г. Терентьева, Л.П. Молодову – старшего научного сотрудника, Ю.К. Рощевского, Л.М. Французову и Т.Г. Солодских – младших научных сотрудников. Показываю текст Д.П. Мозговому. Он начинает что-то «смущаться». Предлагает включить в экспедицию проф. Л.Ф. Мавринскую и проф. М.М. Серых как начальника и зам. начальника, заявляя, что иначе приказ не подпишет ректор. Я категорически возражаю и говорю, что экспедиция эта – моя идея и мое дело, и выполнять его я буду только сам, без всяких ненужных мне «шефов». Джон Поликарпович вроде бы сдается, но я чувствую, что его что-то явно не устраивает. По-видимому, ему очень не нравится моя независимость и в этом он похож на моего «Зава» Ю.Н. Иванова. Я же, устремляя «напор и натиск», иду к ректору проф. С.И. Мешкову и, изложив суть дела, подаю ему проект приказа. Станислав Иванович, прочтя проект приказа, говорит, что он готов его подписать, но советует перепечатать его на бланке и согласовать с проректором В.М. Головиным.

Беру в канцелярии бланк приказа, оперативно перепечатаваю на машинке текст и вхожу в кабинет к Владимиру Максимовичу Головину. Излагаю суть, подаю приказ. В это время открывается дверь и в кабинете появляется мужчина, который представляется: «Председатель президиума Куйбышевского областного совета Всероссийского общества охраны природы Абрамов Матвей Ильич». В.М. Головин, успевший прочесть подготовленный мною приказ, вместо ответа на

вопрос М.И. Абрамова о природоохранной деятельности университета протягивает, подписав его, ему. М.И. Абрамов читает текст приказа и одобрительно заявляет: «Очень нужное для нас дело!» Я вежливо вставляю: «Матвей Ильич! Позвольте надеяться на вашу поддержку и содействие?» В.М. Головин представляет меня: «Доцент Матвеев Николай Михайлович». М.И. Абрамов пожимает мне руку и говорит: «Всегда готовы содействовать Вам, но при условии, что и Вы будете активно сотрудничать с обществом охраны природы». Оговорясь, что я действительно скоро стал постоянным членом научно-технического совета областной организации Всероссийского общества охраны природы и близко сошелся с Матвеем Ильичом Абрамовым. А приказ о создании комплексной биогеоценотической экспедиции Куйбышевского университета (КБЭКУ) по изучению лесных сообществ степного Поволжья был подписан ректором С.М. Мешковым 24 мая 1974 года за №29.

Подчеркну, что это была очень большая удача, так как созданная мною экспедиция просуществовала до 1991 года, и такого рода приказ ректоры подписывали ежегодно «без сучка и задоринки». Суть же этой «удачи» заключалась в том, что экспедиция финансировалась за счет госбюджета, иначе говоря, – мы гарантированно получали по 1,5-3,2 рубля за 1 сутки (в зависимости от «должности» в КБЭКУ). Это – своеобразные командировочные.

Мы оперативно стали собираться к выезду в лес. Татьяна Солодских сумела выпросить на кафедре физвоспитания несколько больших польских палаток, ватные спальные мешки и раскладушки. Со всех студентов и преподавателей собрали деньги на еду, купили топор, пилу, ведра, кастрюли, сковороды, крупы, макаронные изделия, жиры, сахар, картофель, лук и др. Заказали в университете автобус (ГАЗ), погрузились и отправились в путь. И было нас – всего ничего: я, В.Г. Терентьев, Т.Г. Солодских, Л.М. Французова и студенты-дипломники Саша Асеев, Галя Колесник и Галя Аверьянова. В квартал 80 мы прибыли во второй половине дня, заехав в контору лесничества, где попросили лесничего В.А. Борисова привезти нам хотя бы немного кирпичей, чтобы сложить печку. В высоких зарослях травы на поляне установили две большие польские палатки для проживания, а в третью сложили разорванные спальники, палатки, продукты и все остальное. Валентин Григорьевич, обследовав ближайшие окрестности, обнаружил железяки, из которых соорудил очаг. Наши грации приготовили еду на огоньке, мы поели на свежем воздухе, попили чайку и стали устраиваться на ночлег. В одной палатке разместились наши девчата (вчетвером), а в другой – мы (я, Валентин Григорьевич и Саша Асеев). На нас опустилась тихая, темная ночь, лес подступал прямо к палаткам, то тут, то там раздавался рев диких козлов (косуль), свершающих обход своих владений...

Утро встретило птичьим щебетанием, ярким солнцем и свежестью, а главное – звуком подъезжающего грузовика. В кузове сидели женщины, приехавшие работать на лесопитомник, а с ними и лесничий В.А. Борисов, который привез нам великолепную металлическую печку на длинных «ногах» и с высокой трубой. Теперь можно было оборудовать кухню. С разрешения лесничего мы спилили несколько дубков на столбики, сняли немного досок и двери в «доме лесника», из которых соорудили два стола и лавки к ним. В удобном месте установили печь, сделали настилы для ведер с водой и посуды. На окружающей поляне валялось множество сухих деревьев, веток, бревен. Напилили и накололи с большим запасом

дров. В последующие дни выкопали и накрыли настилом из дубовых бревен погреб. В нем можно было хранить картофель, капусту, тушенку и даже мясо.

Лес был совершенно не знаком. Выпросив в лесничестве планшет, мы стали обследовать лесной массив в разных направлениях для выбора пробных площадей. Погода стояла дождливая. Появилось много грибов: маслята, подберезовики, подосиновики и белые. Изучая лес, мы набирали их помногу, варили и жарили на обед. Однажды втроем (я, Валентин Григорьевич и Саша Асеев) мы оказались вблизи пионерского лагеря в квартале 102 около нефтекачалки, огороженной палисадником. Там лежали листы шифера и рулоны рубероида. Вокруг возвышались могучие сосны. Мы наметили здесь для исследований две пробные площади (№1 и 2), а затем Валентин Григорьевич взвалил на свое могучее плечо рулон рубероида, Саша взял лист шифера. Так мы положили начало сооружению навеса от дождя. Сначала он был маленький, только над печкой. Со временем под крышей оказалась вся кухня...

Итогом наших хождений по лесу стали 11 стационарных пробных площадей, на которых и начались наши исследования. Они функционируют и поныне. Одну большую польскую палатку мы превратили в лабораторию, соорудив в ней столы, установив весы и др. Галя Колесник стала изучать аллелопатический режим, а Саша Асеев почву в лесонасаждениях на всех пробных площадях. Галя Аверьянова, будучи Штирлицем по характеру, собирала в одиночестве в округе образцы древесных и травянистых видов и испытывала их потенциальную аллелопатическую активность. Лида Французова любила забираться на дуб, росший у кухни, и следить за передвижением по прилегающему пойменному лугу яркой широкополой шляпы, под которой в высокой траве прятался сам Штирлиц.

По соседству с нашим палаточным городком находился дом охотхозяйства. Там жил егеря со своей женой, которая была то ли чувашкой, то ли мордовкой. Наша Лида Французова, будучи мордовкой, мгновенно «породнилась» с этой женщиной – «мадам Нино». Супружеская чета, получив зарплату, «впадала в запойное пьянство», и тогда их живность – корова Морошка и теленок Коммунар (назван был так, ибо родился в день Парижской Коммуны) оказывались без присмотра. И вот ранним утром, едва проглядывало из-за горизонта солнце, с крыльца дома егеря тишину прорезал истошный крик мадам Нино: «Лидка! Лидка! Ли-и-дка!» Очнувшаяся ото сна Лида грустно, заспанным голосом отвечала: «А-а-а?» «Подой корову, а то я – пьяная!» – взывала мадам Нино. «Ладно!» – ответствовала Лида, одевалась и шла к корове. Доила ее. Поила и корову, и теленка, а затем – гнала их на выпас. Молоко в такие дни поступало к нам на кухню, ибо водку хозяева молоком не запивали.

За хлебом приходилось ходить в магазин в село Малая Малышевка и 12 километров нести его на плечах в рюкзаке. Это делал Саша Асеев, а еще чаще – Валентин Григорьевич, у которого имелись сапоги и офицерский плащ-палатка. Весь май и июнь были очень дождливы. Если мы с Валентином Григорьевичем понимали, как надо одеваться, чтобы жить в лесу, то наша молодежь из обуви знала лишь кеды, а из одежды – трико и ветровки. Все это легко намокало, а сушить было негде, только – у печки. Но здесь все не столь сохло, как пригорало. И вот почти все стали испытывать нужду и в соответствующей обуви, и в одежде. Однажды целая процессия отправилась вслед за Валентином Григорьевичем в Малую Малышевку, откуда можно было уехать в город. Мы с Лидой Французовой

пошли их провожать и чтобы набрать грибов. На полпути мы распрощались с уходящими товарищами и, возвращаясь назад, набрали много грибов. Пока мы их чистили на нашей кухне, возвратился Валентин Григорьевич с огромным рюкзаком хлеба под вздымающейся на спине плащ-палаткой. Через несколько дней мы снова были все в сборе, но теперь уже хорошо приспособленные ко всякой погоде. Ежедневно работали на пробных площадях, оставляя в лагере только дежурного по кухне. Дежурный готовил завтрак, обед и ужин. Водой и дровами обеспечивали мужчины. Сложился и оптимальный режим дня: завтрак – в 8, обед – в 14, ужин – в 20, отбой – в 23 часа. Это в последующие годы стало традицией.

В конце июня прибыл Д.П. Мозговой, а с ним студенты 3 курса, специализирующиеся по ботанике и по зоологии. Появились новые палатки, и наш лагерь приобрел внушительный вид. Д.П. Мозговой принял нашу систему пробных площадей и стал отлавливать на них мышей со своими студентами. С вечера они расставляли давилки, а на второй день приносили пойманных зверьков в лагерь, препарировали их, вываривали в кипятке черепа, выискивали на них «фены». Лидия Петровна Молодова прислала к нам в экспедицию своих студентов Бориса Рытова и Маргариту (со временем стала женой Бориса). Они изучали почвенных беспозвоночных. Из наших ботаников особо помнятся мне Шура Жирова (изучала водообмен деревьев), Валя Викулина (изучала травостой в естественных лесонасаждениях и искусственных сосняках), Володя Балякин (изучал вместе с Сашей Асеевым почву), из зоологов – Олег Орлов, Ирина Дюжаева и Егоров (подшефные Д.П. Мозгового). И жили, и работали мы дружно и слаженно. На высокой мачте над нашим палаточным лагерем гордо трепетал на ветру красный советский флаг!

В палаточном городке экспедиции всецело царило самоуправление. Всеми делами заправлял комендант – Саша Асеев и его Зам – Володя Балякин. Бытовая комиссия (Галя Колесник, Саша Каширина и Саша Жирова) командовала продуктами и всеми кухонными делами. Культорг Борис Рытов не давал скучать никому!

По сохранившимся у меня записям тема работ КБЭКУ была определена в 1974 году так: *«Комплексное исследование естественных и искусственных лесных биогеоценозов степной и лесостепной полосы Среднего Поволжья и разработка приемов повышения их продуктивности, рационального использования и природоохранного воздействия».*

Подтема ботанического отряда: *«Экологические и физиолого-биохимические основы устойчивости растений в условиях степной и лесостепной полосы Среднего Поволжья».* Руководитель – доц. Н.М. Матвеев.

Подтема зоологического отряда: *«Морфогенез и механизмы популяционной изменчивости».* Руководитель – доц. Д.П. Мозговой.

Среди ботаников направления исследований подразделены так.

1. *Структура и типология лесных биогеоценозов Красносамарского леса* (доц. Н.М. Матвеев).
2. *Структура и продуктивность травостоя и лесной подстилки* (доц. Н.М. Матвеев).
3. *Аллелопатический режим в насаждениях Красносамарского леса* (доц. Н.М. Матвеев).

4. *Древостой, его продуктивность и устойчивость* (канд. с.-х. наук, асс. В.Г. Терентьев).

5. *Почвенный покров в насаждениях Красносамарского леса* (канд. с.-х. наук, асс. В.Г. Терентьев).

Зоологи работали по следующим направлениям.

1. *Млекопитающие Красносамарского леса и исследование их популяций* (доц. Д.П. Мозговой).

2. *Энтомофауна Красносамарского леса* (канд. биол. наук, асс. Л.П. Молодова).

3. *Орнитофауна Красносамарского леса* (ст. лаборант Ю.К. Рощевский).

Студенты-ботаники выполняли дипломные и курсовые работы по следующим темам.

1. *Аверьянова Г.М. Аллелопатические свойства древесно-кустарниковых растений Красносамарского леса: Дипл. работа.*

2. *Колесник Г.К. Напряженность аллелопатического режима в лесонасаждениях Красносамарского леса и байрака «Каменный овраг» Кинельского лесхоза: Дипл. работа.*

3. *Асеев А.Н. Изучение почвенно-грунтовых и таксационных характеристик лесонасаждений Красносамарского леса: Дипл. работа.*

4. *Викулина В.В. Структура и продуктивность травостоя в лесонасаждениях Красносамарского лесничества: Курс. работа.*

5. *Кичемасова В. Структура и накопление подстилки в лесонасаждениях Красносамарского лесничества: Курс. работа.*

6. *Балякин В. Ход роста древостоя в лесонасаждениях Красносамарского лесничества: Курс. работа.*

7. *Николаева Л. Аллелопатические свойства травянистых видов – компонентов травостоя в лесонасаждениях Красносамарского лесничества: Курс. работа.*

8. *Сивцова А. Роль почвы в химическом взаимодействии растений в лесу: Курс. работа.*

9. *Жирова А. Особенности транспирации древесных пород в лесонасаждениях Красносамарского лесничества: Курс. работа.*

Сведений о дипломных и курсовых работах студентов-зоологов у меня, увы, не сохранилось.

Заведенный порядок жизни и работы воспитывал коллективизм, все заботились друг о друге, всё (грибы, ягоды, пойманную в озерах и в реке Самаре рыбу) несли на общую кухню. Девочки учили друг друга кулинарному искусству, мальчики осваивали пилку и колку дров, разведение огня в печке, носили из колодца воду. Все загорели и окрепли физически. Так, Володя Балякин, приехав в лес, очень боялся комаров. Я помню, что когда мы по прибытии большого числа студентов 3 курса устраивали в лесу туалет, то Володя был в резиновых сапогах с заправленными в них брюками, в перчатках и в непромокаемо-непрокусаемом плаще. Но, спустя некоторое время, он уже в легком спортивном костюмчике смело копал на пару с Сашей Асеевым почвенный шурф в самом многокомарином месте – в ольшанике.

Как уже отмечалось, в Красносамарское лесничество мы прибыли на выделенном в университете автобусе. Возвращение в город оказалось проблематичным. Дней за десять до конца экспедиции Д.П. Мозговой уехал с

проф. М.М. Серых в турне, и вывозить из леса людей и оборудование предстояло мне. Оставив в лесу со студентами В.Г. Терентьева, я через Малую Малышевку добрался до города и явился в университет к проректору по хозяйству Д.С. Синегубову. Дмитрий Сергеевич заявил, что автобус выделить не может, так как весь автотранспорт отправлен в колхозы на уборку урожая. Что же делать? Д.С. Синегубов оформил официальное письмо в адрес директора автотранспортного предприятия с просьбой выделить для нас транспорт. Вот и отправился я по указанному адресу. Дирекция автопредприятия располагалась на втором этаже автовокзала рядом с универсамом «Самара». Увидев табличку на двери начальника с фамилией «Шевченко», я вошел в кабинет и поздоровался по-украински: «Добрый день, шановний... (имя-отчество я не помню)!» Начальник удивленно глянул на меня, пожал мне руку, предложил сесть, прочел мое письмо и сказал, что транспорта у него сейчас нет. «А як же нам бути, що робити?» – спросил я. Он подумал, улыбнулся и сказал: «А, давайте, я направлю Вас в Кинель, у них транспорта больше». Я согласился. Пан директор написал в левом верхнем углу моего письма резолюцию, вышел из-за стола, пожал мне руку и проводил до двери: «Земляк земляка видит издавека!»

Прибыв электричкой в Кинель, я расспросил людей, как добраться до автотранспортного предприятия и благополучно дошел до ворот, через которые была видна огромная площадь, заставленная машинами. Начальник прочел мое письмо, спросил, куда и когда послать и какой транспорт. Я заказал большой грузовик (с полуприцепом), указал квартал 80 Красносамарского лесничества, дату и время. Начальник все это записал и заверил: «Транспорт будет». О, великая школа – Днепропетровск!

Было бы неправдой, если бы я утверждал, что не волновался, когда, свернув палатки и упаковав вещи, мы ожидали заказанный мною транспорт. Но вот к нам на поляну свернул с дороги огромный грузовик с необыкновенно длинным кузовом и из кабины высунулся здоровенный водитель с вопросом, туда ли он попал. Мы оперативно погрузились, оставив впереди кузова место для людей. Сверху натянули палатку. Студенты залезли в кузов под палатку, мы с Валентином Григорьевичем – в кабину с водителем, и наш громада-грузовик тронулся в путь.

Прибыв в город к университету, мы дружно выгрузили и перетаскали вещи в помещение. Так закончился первый полевой сезон нашей экспедиции – КБЭКУ. Ее неожиданным для меня аккордом явился доклад доцента Д.П. Мозгового о практиках студентов-биологов. Я сидел за столом рядом с ним. Джон Поликарпович в частности сказал, что в Красносамарском лесничестве работала экспедиция, организованная кафедрой зоологии с проф. Л.Ф. Мавринской во главе и кафедрой биохимии во главе с проф. М.М. Серых. Потрясенный такой псевдоинформацией, я потянул его за рукав. Д.П. Мозговой, глянув в мою сторону, добавил: «И ботаники тоже участвовали». Так из «организатора» меня «сделали» просто «участником», причем, – третьестепенным. Прилюдно протестовать я не стал, но, когда мы оказались наедине, спросил «моего друга», зачем он так изображает дело. На это он ответил, что «без профессоров» нельзя двигать ничего, и он сие хорошо понимает. Будучи членом партбюро университета, бывший декан Джон Поликарпович явно не принимал меня как равного себе и, по-видимому, считал, что моя «песенка спета» (исполняющим обязанности декана я уже не был, а заведующим кафедрой, не являясь доктором наук, стать не мог). Как говорят: «От

ворон отстал, а к павам не пристал!» Никакого «начальственного положения» не занимал. Ну, скажите, зачем «вождю партии» считаться с каким-то Матвеевым? Создал экспедицию? Хорошо! Давай дальше! Возможно, мы запишем это тебе в характеристику. А пока – не ерепенся, веди себя тихо. «Начальство знает, что оно робить!»

Вообще «странная, необъяснимая спесь» крепко сидела в Джоне Поликарповиче. Внешне он выглядел в лесу как вполне нормальный и совсем некичливый человек, но даже, когда мы были вдвоем, а иногда и на весьма «высоком градусе», он пытался «гнуть субординацию». И если я, никогда не опускаясь до панибратства на людях, спрашивал его, зачем он это делает, отвечал: Пока я декан...» Или: «Пока я член парткома...» Вообще я и его, и всех других своих коллег всегда называл и до сих пор называю «на Вы» и «по имени-отчеству». А вот Джон Поликарпович с первого же дня обращался ко мне «на ты». И в этом тоже что-то есть! Впоследствии, к сожалению, еще не раз Д.П. Мозговой демонстрировал свою приверженность присваивать себе результаты чужого труда, «срывая звезды с неба и цепляя их на свою грудь». Но в ту, уже далекую пору я думал, что это случайность или недомыслие, и раз за разом все сильнее разочаровывался в человеке, в котором мне очень хотелось видеть друга. Увы! Сие не оправдалось. Но об этом – позже!

А пока что я расскажу об одном маленьком, но показательном эпизоде. Милон Матвеевич Серых иногда подвозил на своем личном автомобиле Людмилу Федоровну Мавринскую, Джона Поликарповича Мозгового и меня (мы все жили недалеко друг от друга) после собраний в вечернюю пору. И вот как-то раз выходим мы из корпуса на улице Потапова. Подойдя уже к машине, Людмила Федоровна вспомнила, что не взяла с кафедры цветов и попросила Д.П. Мозгового вернуться и вынести его. Спустя некоторое время, из дверей корпуса показался важно шествующий «наш доцент», а за ним – несущий в руках вазон с комнатным растением Евгений Иванович Теньгаев – лаборант. Ну, разве можно «самому доценту» нести в руках «тяжесть», если для этого есть «лаборант»? Смешно? Нет, грустно!

Отпуск наша семья провела летом 1974 года в селе на Днепропетровщине. Рая с детьми и матерью уехали туда в июле, а я присоединился к ним в августе. Мы перекрыли соломой крышу, обмазали глиной и побелили стены хаты и сарайчика, засушили вишни и абрикосов, наварили вишневого варенья и отправили его (в толстых полиэтиленовых пакетах) почтовыми посылками в Куйбышев, запаслись вкусным салом и олией. К 1 сентября вернулись домой. Ехали поездом через Москву.

7. В ДОКТОРАНТУРЕ

25 ноября 1974 года после получения официального письма из ЦРБС АН УССР о согласии на мое прикрепление, ученый совет химико-биологического факультета под председательством декана проф. Н.А. Меркуловой принял решение о переводе меня на должность старшего научного сотрудника сроком на 2 года для завершения докторской диссертации. При этом вдруг неожиданно «завозражал» проф. М.М. Серых, требуя, чтобы я детально доложил о имеющихся у меня результатах по диссертации, но ситуацию «категорически разрешила» «мать факультета», неповторимая проф. Людмила Федоровна Мавринская, заявившая,

что надо доверять специалистам (д.б.н. А.М. Гродзинский, д.б.н. В.П. Иванов, д.б.н. М.А. Голубец, д.б.н. М.В. Колесниченко), которые гарантируют выполнение моей работы. 4 февраля 1975 года совет университета утвердил решение о переводе меня на должность старшего научного сотрудника на 2 года (с 1 сентября 1975 по 1 сентября 1977 г.) и о прикреплении для выполнения диссертации к Центральному республиканскому ботаническому саду АН УССР. Но бюрократическая машина крутилась еще долго, правда, все время в одну сторону.

25 мая 1975 года о моем переводе на должность старшего научного сотрудника и о прикреплении для завершения докторской диссертации к ЦБРС АН УССР последовал приказ Минвуза РСФСР за №237-4, за ним письмо ректора проф. С.И. Мешкова директору ЦБРС АН УССР, а потом – еще и приказ №306 от 27.10.1975 г. по ЦБРС АН УССР. Так что весь 1974-1975 учебный год «колесо бюрократии», скрипя, вертелось, а я проводил учебные занятия со студентами, работал в экспедиции в Красносамарском лесу и т.д.

В весеннем семестре 1974-1975 учебного года на кафедре появился еще один ассистент – Ольга Афанасьевна Мозговая – жена Д.П. Мозгового. Она окончила Саратовский госуниверситет по специальности «Микробиология», затем работала вместе с мужем в Башкирском заповеднике, а после его перехода на работу в Куйбышевский университет стала «целевой» (для КуГУ) аспиранткой при кафедре геоботаники Московского университета. Диссертация ее была посвящена геоботанической характеристике хвойных лесов Башкирского заповедника. Мне привелось представлять диссертацию О.А. Мозговой на кафедре, поэтому я внимательно ее прочел и написал на нее развернутое заключение, а в период защиты – положительный отзыв на автореферат. Я передал Ольге Афанасьевне ряд спецкурсов («Геоботаника», «Геоботаническое картографирование», «География растений», «Большой спецпрактикум»), курсовых и дипломных работ. В нашей экспедиции она должна была (по моим планам) изучать травостой на стационарных пробных площадях.

В июне 1975 года прошло заседание государственной экзаменационной комиссии с защитой дипломных работ и выдачей дипломов нашим первым выпускникам. При распределении на работу всех выпускников нашей специализации «Ботаника» затребовал институт «Росгипрозем», и этим мы резко отличались от всех других специализаций, практически не имевших никаких заявок, кроме школьных. Перечислю наших самых первых воспитанников-выпускников 1975 года: Г.М. Аверьянова, Л.А. Анисенко, А.И. Атаева, Н.Б. Бондаренко, М.М. Быку, Г.К. Колесник, Л.А. Макарова (научный руководитель – Ваш покорный слуга), А.Н. Асеев, О.А. Зайцева, О.Б. Мельниченко (научный руководитель В.Г. Терентьев), Е.В. Сигошина (научный руководитель Д.М. Пирогова). В добрый путь, друзья!

В соответствии с приказом №21 от 4 апреля 1975 г., подписанным ректором С.И. Мешковым с визой декана Н.А. Меркуловой, в составе КБЭКУ включены: Н.М. Матвеев (начальник экспедиции), Д.П. Мозговой (зам. Начальника), В.Г. Терентьев, Л.П. Молодова, Д.М. Пирогова (старшие научные сотрудники), О.А. Мозговая (младший научный сотрудник). Период работы с 10 мая по 2 августа 1975 года, общий объем финансирования – 750 рублей. Второй сезон нашей экспедиции (КБЭКУ) реализовывался легко: был опыт и обжитая полевая база. Теперь мы имели длинный электрический провод с хорошей изоляцией, который

протянули к себе на кухню и в палатку-лабораторию на вкопанных деревянных шестах от дома егеря. Навесили электрические лампочки. Еще одно новшество – два дорожных велосипеда, купленные «на общественные деньги» (по безналичному расчету велосипеда магазины не продавали). Мы значительно увеличили навес на кухне. Появился магнитофон, а впоследствии и холодильник, электрические весы, сушильный шкаф, телевизор.

Валентин Григорьевич сконструировал прибор, с помощью которого мы осуществили геодезическую съемку профиля через пойму и арену р. Самары, заложив новые пробные площади (их стало 28). К сожалению, единства в понимании наших общих научных задач было маловато. О.А. Мозговая обследовать травостой на всех стационарных площадях не захотела, ограничившись двумя ближайшими, зоологов «тянуло» к примитивной фаунистике в масштабах всего лесного массива сразу. Начинали «разъедать» амбиции: ведь все мы прошли разные школы, научены были делать что-то конкретное по своим кандидатским диссертациям. Кроме того, работа в коллективе да еще в полевых условиях – вся на виду: некак ловчить и «дурака валять». Для сего удобнее всего обособиться. Об этой опасности в биогеоценологических исследованиях предупреждал еще в 1956 году академик Владимир Николаевич Сукачев. Мы же в В.Г. Терентьевым придерживались первоначально установленного плана, исследовали все пробные площади. С нами были и наши студенты, а их было много, и это радовало.

Однажды, еще в мае, к нам приехал на своем личном автомобиле проф. М.М. Серых и привез декана – проф. Н.А. Меркулову. Они с интересом ознакомились с нашим палаточным городком с красным флагом на высокой мачте, к которой был прикреплен транспарант «Слава советской науке!», с организацией быта и работы коллектива, но плотные «тучи» комаров вынудили наших гостей, к сожалению, к быстрому отъезду. Увы, не удалось нам угостить их наваристыми экспедиционными щами, приготовленными дежурными студентами на «живом» огне пылающих в металлической печке дров.

Лето 1975 года, в отличие от 1974 года, было крайне засушливым. Иссякла вода в колодце, только рано утром можно было сделать ее запас. У нас для этого появились две большие (молочные) фляги. Но воды не хватало. Я предложил выкопать на берегу озера яму – «кóпанку», что и было сделано. Вода, просочившись через почву из озера, заполнила кóпанку. Отсюда мы брали воду для мытья посуды и иных технических нужд. Чтобы меньше тратить воды для умывания (рукомойник В.Г. Терентьев навесил на спецстолбике), устроили на озере из жердей настил для купания. Кроме того, все с удовольствием ходили на реку Самару, которая находилась на расстоянии не более 2-3 километров.

Из студентов-ботаников, собиравших в Красносамарском лесном массиве материал по дипломным работам, в КБЭКУ находились: С.А. Семенина, А.И. Сивцова, В.В. Кичемасова, Т.Я. Балаева, В.В. Викулина, Л.Н. Николаева (руководил ими я), А.Н. Жирова, В.В. Балякин (руководитель В.Г. Терентьев). Несколько раз к нам заезжали директор Кинельского лесхоза Александр Михайлович Романцев и его главный лесничий Александр Никандрович Барышников. Они интересовались нашей работой и оказывали экспедиции всестороннее содействие. Еще чаще «гостил» у нас Владимир Александрович Борисов – лесничий Красносамарского лесничества. Очень большую помощь

оказывала нам Мария Михайловна Астафурова из Рабочего поселка: все письма мы получали через нее.

В конце июля от жары и засухи потрескалась почва, с деревьев в лесу посыпались листья. Я такое переживал впервые. Грибов не было, но рыбу хлопцы регулярно ловили: на озерах – карасей, в реке – щук и сомов. Егерь с женой привлекали нас косить траву на сено. Делали они это оригинальным и весьма эффективным способом. Вдруг обнаруживалось, что у нас нет электричества. Мы шли в дом к егерю. «А косить с нами будете?» – спрашивал он. «Будем, будем», – отвечали мы. «Ну, тогда ладно!» – изрекал егерь и втыкал в розетку вилку нашего провода, просунутого через форточку в окне. На расположенный поблизости от нашего лагеря лесопитомник регулярно привозили на грузовике (позднее появился автобус) из Малой Малышевки женщин-работниц, которые пропалывали сеянцы деревьев. Мы быстро познакомились с ними, а также – с водителями и другими работниками лесничества. Они помогали нам в обеспечении хлебом, картофелем, молоком и др. А мы иногда работали с ними на прополке. Дружба и взаимоуважение ширили добрую славу о нашем коллективе, и это шло только на пользу.

В конце работы экспедиции я организовал «рекордный вечер» по образцу и подобию, как это происходило в комплексной экспедиции Днепропетровского университета. Украсили палатки, «улицы» и «площади», устроили «карнавал», накрыли праздничный стол, в качестве гостей пригласили лесничего В.А. Борисова, самых знакомых работниц питомника, егеря с женой и других. Шутки, танцы под магнитофон и песни. Единой экспедиционной семьей! Уехали в город организованно, свернув палатки, упаковав вещи, прибрав территорию от хлама и мусора, ритуально сожгли рваную одежду и обувь. На этот раз проблем с транспортом не возникло. Университетский автобус (ГАЗ) прибыл вовремя. Мы погрузили в него все вещички в заднюю часть, уселись на сиденья, и наш водитель – Николай Иванович, взявшись за руль, повез нас спокойно (60 км/ч) уже хорошо знакомым путем. Большая часть студентов налегке добиралась до города через Малую Малышевку рейсовыми автобусами...

Все хорошо, но нашему еще «подразделению ботаники» нужен был статус настоящей, самостоятельной кафедры ботаники. Для этого, благодаря описанной мной активной (с января 1973 до августа 1975 года, то есть за 2 года и 8 месяцев) «самодетальности» были созданы все требуемые и необходимые предпосылки: работало 5 преподавателей (я, В.Г. Терентьев, Т.И. Плаксина, Д.М. Пирогова, О.А. Мозговая), 2 лаборанта (Т.Г. Солодских, Л.М. Французова), имелась лаборатория №217 (к ней мы еще «присовокупили» лабораторию №307), необходимое оборудование, полевая база для практик студентов, специализация «Ботаника» и договор с институтом «Росгипрозем» на подготовку специалистов, единая научная тема *«Физиолого-биохимические и экологические основы устойчивости растений степной полосы Среднего Поволжья»*. Оставалось только «узаконить» существование нашего коллектива как кафедры ботаники приказом Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР.

Но кафедра официально создавалась тогда только при наличии доктора наук в качестве ее заведующего, и ректорат искал такового. Я помню, что к нам приезжал Владимир Серафимович Николаевский, писала ректору Валентина Александровна Верещагина и др. Следует особо подчеркнуть, что декан Н.А. Меркулова

способствовала рождению кафедры ботаники. В отличие от своего предшественника Ю.Н. Иванова она всерьез стремилась не «числиться», а именно работать заведующей кафедры физиологии человека и животных, и никакие чужеродные подпорки вроде ботаников ей были не нужны.

Как уже было отмечено, с 1 сентября 1975 года я стал старшим научным сотрудником. Официальное рождение кафедры ботаники в Куйбышевском университете состоялось без меня. Я же отправился в Киев – «мать городов русских». Семья моя (Рая, Оксана 9 лет, Миша 7 лет и бабушка Оля) оставались в Куйбышеве. Зарплата бухгалтерией университета перечислялась в сберегательную кассу на книжку, с которой Рая могла брать деньги (по оформленной мной доверенности). Конечно же, Рае было очень нелегко: работа учителем в школе, дети, прихварывающая бабушка Оля, домашние дела, по ночам – проверка тетрадок. Телефона у нас в квартире не было, и мы договорились с соседями, что они будут звать Раю, если я позвоню из Киева на их телефон.

Прибыв в Киев, я передал А.М. Гродзинскому официальное письмо ректора проф. С.И. Мешкова о переводе меня на должность старшего научного сотрудника с прикреплением к ЦРБС АН УССР на 2 года для выполнения докторской диссертации. Последовал приказ, которым я был официально прикреплен к отделу физиологии растений. Поселили меня в комнату для приезжих в небольшом общежитии, которое располагалось непосредственно на территории ботанического сада рядом с административным корпусом. В комнате стояли три койки, стол, стулья и бытовой холодильник. Большое окно хорошо пропускало свет. В других комнатах одноэтажного строения проживали девчата, работавшие в ботсаду. В начале коридора находилось помещение кухни с газовыми плитами и раковинами с водопроводными кранами. Туалет же был на улице.

Комендант, Вера Ивановна (фамилию не помню), выдала мне постельное белье, утюг, чайник, кастрюлю, сковороду. Я, обойдя продовольственные магазины в окрестностях «ямы» (так это место зовут киевляне), купил масла, сыра, колбасы, квашеной капусты, лука, картошки, хлеба и пр. На Бессарабском рынке приобрел хороший кусень вкуснейшего сала. Гастрономы Киева «ломались» от изобилия продуктов. Так что, готовя самостоятельно еду «в кругу девчат» на кухне, я был сыт и экономно расходовал деньги.

На огромной хорошо ухоженной территории ботанического сада, среди талантливо созданных рукотворных садово-парковых ландшафтов располагались научные корпуса, импозантная оранжерея, теплицы. Корпус отдела физиологии растений (с лабораторией аллелопатии) прилегал к саду сирени, а со склона открывался чудный вид на роскошный собор Выдубецкого монастыря, на Днепр, мост Патона и Дарницу. Разветвленная сеть асфальтированных дорог позволяла, гуляя, рассматривать разнообразные композиции ботанического сада. В принципе все для меня было собрано в одном месте: и для работы, и для проживания, и для прогулок. Рядом находилось несколько продовольственных магазинов, столовая, почта. От центрального входа в ботанический сад очень регулярно следовал троллейбус до Бессарабского рынка на Крещатике.

В отделе физиологии растений многие сотрудники (Наталья Ивановна Прутенская, Нина Николаевна Дзюбенко, Татьяна Петровна Буколова, Галина Петровна Богдан) мне были знакомы. Впервые я встретился здесь с кандидатом сельскохозяйственных наук, микробиологом Эрастом Анатольевичем Головко,

который являлся заместителем Андрея Михайловича Гродзинского, официально – зав. отделом физиологии растений. Он ранее работал в Мурманске в Полярном ботаническом саду. Сейчас же начал заниматься изучением проблем аллелопатии растений. Впоследствии Эраст Анатольевич защитит докторскую диссертацию и опубликует по ней монографию (*Головко Э.А. Микроорганизмы в аллелопатии высших растений. – Киев: Наукова думка, 1984. – 200 с.*).

Подлинной целью пребывания в Киеве я считал осуществление хроматографического анализа привезенных мною высушенных образцов лесной подстилки и почвы в лаборатории аллелопатии, наивно полагая, что здесь все хорошо налажено и бесперебойно функционирует. Увы, все началось с того, что Э.А. Головко «не смог» выделить мне даже удобного рабочего стола, а показал единственное «свободное место» в темном углу химической лаборатории с вытяжным шкафом. Когда же я спросил, где можно мне заниматься хроматографическими анализами, оказалось, что ничего (посуды, реактивов и пр.) для этого нет и в лаборатории нельзя вообще использовать химические реактивы, так как у вытяжного шкафа плохой мотор. Содействие мне оказал зам. директора по научной работе, кандидат биологических наук Павел Антонович Мороз, который велел выдать со склада нужные мне реактивы и посоветовал использовать для анализов не высушенные, а свежие (в хлороформе) образцы почвы. Он так же дал мне для прочтения ксерокопию английской монографии Райса (*Rice E.L. Allelopathy. – New York. London, 1974*) и обещал всяческое содействие.

Я связался по телефону (с переговорного пункта) с Днепропетровском, где директорствовал в ботаническом саду мой верный Друг – Георгий Несторович Крисанов. Договорились, что я приеду, и мы съездим на Присамарский стационар Днепропетровского университета. Я запасся бумажными пакетами, сложил их вместе с бутылкой хлороформа (плотно и многократно укутана полиэтиленовыми пакетами) в рюкзак и с железнодорожного вокзала Киева поездом прибыл в Днепропетровск. На другой день (суббота), с утра мы с Георгием Несторовичем отправились рейсовым автобусом в Андреевку. Было начало ноября. На пробных площадях, где я проводил свои исследования, работая в Днепропетровском университете, выпал небольшой первый снежок. Подстилку и почву пришлось извлекать из-под снега. Нас сопровождал то тут, то там лай собак и охотники, вышедшие «на заячью тропу» по первому снегу. Мы торопились, чтобы успеть отобрать все необходимые образцы и не опоздать на последний рейсовый автобус из Андреевки до Днепра. Приятно было осматривать хорошо знакомые места. С вершины пристена просматривались река Самара и пойменные дубравы. На месте палаточного городка КЭДУ мы уселись на лавки у стола, перекусили бутербродами с горячим чаем из термоса, а затем пошагали по знакомой тропе вверх по склону через белоакациевые насаждения в Андреевку. До Днепра добрались к ночи. Утром я с ужасом обнаружил, что у моих новых, купленных летом кировских ботинок отклеились подошвы: их «съел» «новорожденный» снег. Спасибо Георгию Несторовичу – «мастеру на все руки»: он извлек гвоздики и с помощью плоскогубцев «пришил» мои подошвы.

Позавтракав, мы отправились в лабораторный корпус ботсада, где я разложил по склянкам образцы почвы и залил их хлороформом. Склянки, выделенные Георгием Несторовичем, хорошо закрывались пробками. Упаковав их плотно в небольшой картонный ящик, я был готов возвращаться в Киев. Остаток

воскресенья мы провели в домашней дружеской обстановке. Оказалось, что у Георгия Несторовича «на хозяйстве» имеется свободный и мощный мотор для вытяжного шкафа, и он обещал привезти его мне в Киев.

Вернувшись в Киев, я сообщил Э.А. Головки о моторе к вытяжке. Он заинтересованно посмотрел не меня: такой прыти Эраст Анатольевич от меня явно не ожидал. Вскоре мне было предложено доложить о планах работы на заседании отдела физиологии растений. Когда я закончил доклад, Андрей Михайлович Гродзинский спросил, зачем мне надо осуществлять хроматографический анализ. Выслушав мой ответ, он сказал примерно следующее: «Вы – не биохимик и хорошо выполнить работу биохимика не сможете, дав повод специалистам для критики. Вы – геоботаник. Вот и выполняйте свою докторскую методами геоботаники и с позиций геоботаники. Тогда не будет ни ошибок, ни объектов для критики. Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник, а пироги печи – сапожник! Правда, многие геоботаники сначала все делают руками (вернее, – ногами), а затем – головой и снова руками-ногами. Вы же поступите иначе: сначала все продумайте, а уж потом делайте. Пусть будет так: голова → руки → голова! И не суйте голову туда, куда не пролезет все остальное!» Вот так!

Не согласиться с действующим в СССР «патриархом аллелопатии» было невозможно. На душе стало легко-легко, светло-светло! Андрей Михайлович попросил оставить ему письменный вариант плана моей докторской, сказал сотрудникам, чтобы всячески содействовали моей работе, и посоветовал проштудировать имеющиеся у него оттиски статей по аллелопатии, добавив, что я могу заниматься этим делом за его письменным столом в лаборатории аллелопатии на верхнем этаже корпуса отдела физиологии растений. С этого момента все, включая Эраста Анатольевича, стали внимательно относиться к моей «провинциальной» (или «периферийной»?) особе.

Взяв в библиотеке ЦРБС толстенный англо-русский словарь, я ежедневно с 8 до 17 часов стал работать за столом Андрея Михайловича, читая и реферируя оттиски статей по аллелопатии. Они были разложены в больших удлиненных картонных коробках и пронумерованы штампиком. Сотрудница (имя-отчество я, увы, нигде не записав, забыл) Андрея Михайловича выкладывала мне коробку за коробкой (оттисков в них содержалось несколько тысяч), а я их просматривал, трудился, трудился, трудился, делая лишь часовой перерыв на обед. Прибежав в комнату в общежитии, разогревал стоящий в холодильнике суп или поджаривал на сковородке колбаски с яйцом, кипятил чай. Поев, шел вверх по аллее, мимо церквушки на горушке, мимо сада магнолий к саду сирени, к корпусу отдела физиологии растений, поднимался на третий этаж к заветному столу и снова погружался в чтение и писание. Большинство оттисков было на английском языке, который я специально никогда не изучал. Самостоятельно, еще работая в Днепрпетровском университете, я по рекомендации проф. А.Л. Бельгарда прочитал учебник по английскому языку. Сейчас же, прорабатывая научные статьи, я постепенно, выписывая неизвестные слова из словаря, постигал смысл. И понимал текст за текстом все легче.

В выходные дни (суббота, воскресенье) я устраивался у окна в своей общежитской комнате и прорабатывал монографию Э. Райса, переводя текст с английского и делая записи. Андрей Михайлович Гродзинский, просмотрев текст плана моей диссертации, «изрисовал его» очень умными и ценными замечаниями и

пожеланиями, но в целом одобрил направления работы, посоветовав просмотреть диссертации по аллелопатии, защищенные в Киеве, в центральной библиотеке АН УССР.

В отношении хроматографических анализов в лаборатории аллелопатии А.М. Гродзинский писал мне следующее: «Этот план особых возражений не вызывает, кроме одного – данная работа мало что дает для науки и для диссертации. Лучше займитесь написанием, составлением и редактированием работы... Повторю сказанное на заседании отдела: набирайте поменьше проблем и вопросов, Вас будут меньше бить... И последнее – паблисити. Все и вся в СССР должны знать, что Матвеев вот-вот кончает и защищает докторскую. Тогда появление Вашей работы будет воспринято как нормальные роды после законного брака».

В ноябре – декабре в ЦРБС почти еженедельно проходили заседания ученого совета, на которых заслушивались отчеты отделов по научно-исследовательской работе за 1975 год. Каждый отчет представлялся с таблицами, публикациями и защищался как диссертация, а сам переплетенный текст отчета получал оценку рецензента из другого научного института АН СССР. Я посещал эти заседания и узнавал много нового и полезного для себя.

На новогодние праздничные выходные ко мне приехал Георгий Несторович и привез мотор для вытяжного шкафа, который оказывался уже ненужным для меня, но мог найти применение в отделе Э.А. Головки. Мы хорошо провели время в прогулках по Киеву и в дружеских беседах.

Шло время. Я интенсивно изучал литературный материал по аллелопатии, проработал монографию Э. Райса, огромное число оттисков статей на английском, немецком, польском, украинском и других языках. Несколько дней посвятил центральной библиотеке АН УССР на ул. Владимирской рядом со старинным зданием Киевского университета, где познакомился с диссертациями по аллелопатии, побывал на защите нескольких диссертаций в Институте ботаники АН УССР, в Украинской сельскохозяйственной академии, встречался и беседовал с проф. Алексеем Лаврентьевичем Лыпой (Киевский университет) и проф. Владимиром Константиновичем Мякушко (Укрсельхозакадемия), вникал в работы сотрудников отделов ЦРБС АН УССР. В моем сознании все четче прорабатывалась структура, идеи собственной диссертации.

Периодически с переговорного пункта на бульваре Леси Украинки, напротив суворовского училища я связывался по телефону с Раей, регулярно, почти ежедневно писал «многосерийную письмосказку» детям – Оксане и Мише. Один раз в неделю посещал баню на ул. Ивана Кудри, постиранное белье быстро высыхало в моей комнатке. По необходимости обходил гастрономы и обзаводился запасом продуктов. На Бессарабском рынке покупал сало и мясо, в молочном и гастрономе у консерватории – масло, сыр (за 1 руб. 80 коп. килограмм в коробочках), кровяную колбасу с прослойками сала или сыра (за 90 коп. килограмм), в овощном у Печерского моста – квашеную с клюквой капусту, лук и картошку. Стремился максимально экономить деньги.

Соседки по общежитию дружелюбно принимали мои кухонные хлопоты. В большинстве своем это были сельские девчата из Киевской, Черниговской, Полтавской областей. После окончания школы они устроились на работу в ЦРБС. Андрей Михайлович Гродзинский принимал их в штат, выделял общежитие и устраивал учиться на вечернее отделение в Киевский университет. Работая

лаборантами в научных отделах ЦРБС и обучаясь в университете, сельские девчата постепенно превращались в киевлянок. Многие из них впоследствии вырастали до кандидатов наук, получали квартиры.

Приближался конец января, и я собрался поехать в Куйбышев, к семье. Андрей Михайлович не возражал, но советовал долго не задерживаться и возвращаться в Киев. «Там Вам работать над диссертацией, – говорил он, – не дадут!» Ну, «как в воду смотрел»! Но моя милая супруга сообщила, что бабушка Оля серьезно хворает. Надо было ехать домой, к семье. Выбросив ставшие ненужными образцы подстилки и почвы, я освободил рюкзак и, обходя киевские гастрономы, стал наполнять его сыром, маслом, полукопченой колбасой (буковинская – 2 руб. 80 коп. за килограмм). Купил детям подарки, а также несколько красивых бутылочек кока-колы и пепси-колы (тогда это был дефицит). И вот я в вагоне поезда «Киев – Москва».

Прибыв в Москву, я переехал в метро с Киевского на Казанский вокзал, сдал свои вещички в камеру хранения и отправился в библиотеку имени В.И. Ленина. По письму из ЦРБС АН УССР мне оформили читательский билет (19 января 1976 г.) и выдали для ознакомления докторскую диссертацию А.П. Травлеева, в которой я надеялся найти наименования почв на пробных площадях, где я и проводил свои исследования. Чудовищных размеров машинописный гроссбух и потряс, и удивил, и разочаровал. Ничего нужного я в нем, увы, не нашел... Доехав на метро до Казанского вокзала, я купил в кассе билет до Куйбышева и 20 января 1976 г. прибыл домой.

Дома же развивались печальные события. Наша бабушка Оля сильно заболела и ее положили в больницу, которая находилась на поляне имени Фрунзе. Однажды Рая после посещения больницы сообщила, что бабушку Олю перевели в другую палату, где ее койка отделена передвижной перегородкой от койки, на которой лежит мужчина. Стало ясно, что состояние здоровья этих двух больных ведет к смерти. Надо было срочно принимать экстренные меры. Знакомых среди врачей у нас не было. И пошел я на дом к Людмиле Федоровне Мавринской, памятуя, что она работала раньше в мединституте.

Людмила Федоровна на мою просьбу отреагировала мгновенно. Сев за домашний телефон, она при мне созвонилась со своими знакомыми из мединститута и, узнав, что кафедра урологии располагается в медсанчасти завода имени Фрунзе, договорилась с главным врачом о срочной госпитализации нашей бабушки завтра же, в воскресенье. Утром следующего дня мы с Раей на такси, забрав нашу бабушку Олю из «палаты для умирающих», перевезли ее в медсанчасть завода имени Фрунзе, где больную немедленно подвергли обследованию. На другой день лечащий врач выписал рецепт лекарства, которого в больнице не имелось, но предупредил, что в Куйбышеве его нет. Я заверил его, что немедленно еду в Москву.

С уличного телефона-автомата я позвонил проф. Л.Ф. Мавринской и рассказал ей о ситуации. Она же завершила, что завтра сходит в поликлинику облздравотдела и купит мне нужное лекарство. Я же на всякий случай зашел в аптеку на Самарской площади и, обратившись к заведующему, неожиданно получил необходимый мне препарат. Сразу же сообщил об этом по телефону Людмиле Федоровне.

Но бабушке Оле лучше не становилось. Рая постоянно находилась рядом с ней. Но, увы, бабушка умерла. На глазах у Раи, которая, сменила меня, чтобы я съездил домой поест. Когда я вернулся в больницу, все было кончено. И мне осталось только помочь медсестрам отвезти на каталке труп в больничный морг. В организации похорон нам очень помогли Раины коллеги по школе – завуч (Антонина Васильевна Полубесова) и учителя (Наталья Мартыновна Потехина, Яков Сидорович Охрименко, Владимир Иванович Тарасов, Светлана Львовна Сапрыкина, Светлана Викторовна Чепрасова, Антонина Васильевна Тесленко и др.). Не ведаю, что бы мы делали без их помощи! Ведь в ту пору в Куйбышеве, по сравнению с Днепропетровском, о чем я рассказывал ранее, фактически не существовало никакой отлаженной системы «похоронных дел». «Спасение утопающих было делом рук самих утопающих»!

Рая после смерти матери – единственного ее кровного родственника глубоко переживала, не спала по ночам. От печальных мыслей ее отвлекала только работа да забота о детях. Вся ее прошлая жизнь была неразрывно связана с матерью! Бабушка Оля вместе с братиком рано осиротели. Подобрали их куркули, заставляли много, с утра до вечера, работать, кормили плохо. Это были те самые «зажиточные крестьяне», «крепкие хозяева», «инициативные мужики», дать волю которым призывает «нынешний столыпенец» – кинорежиссер, киноактер, краснобай и златоуст «в одном ботинке» Мик Хал Кай. Сей незнающий реальной жизни пустотрёп даже не понимает, что сейчас именно такие (других взять негде!) «инициативные мужики» и «правят бал» в Московии, расстреливая и взрывая из-за неумной жадности к деньгам друг друга.

Однажды братик взял без спроса и с голодухи съел морковку, за что хозяева-куркули забили его насмерть. Ну, а нашу бабушку, тогда – девчушку, гоняли кормить свиней босиком по снегу! Чудища кровожадные были эти «дети Столыпина»! Если бы не Советская власть, не возникшая сельскохозяйственная коммуна, а потом – и колхоз, не выжить бы таким, как наша Ольга Петровна Литвин. И не было бы у меня Раечки. Ей тоже пришлось несладко. В войну ее чуть вместе с матерью и односельчанами не сожгли немцы. Спаслись чудом: вовремя в село «влетели» наши танкисты и, понимая, почему горит сарай, проломили глинобитную стену и «вытащили» согнанных в «горящую могилу» стариков и детей. Вот что творили «цивилизованные» немцы, отступая под натиском Советской Армии в проклятый фатерланд! И с ними сейчас снова обнимается «фюрер недобитых бандеровцев» – «оранжевый Мазепа» Бандющенко!

С малолетства – труд: в колхозе, маляром на стройке, водителем трамвая в Днепропетровске. Учеба в вечерней школе, а затем – Университет. Разве без поддержки Советской власти это было возможно? Вот почему Рая так сокрушенно переживала смерть своей матери, да и сейчас, уже в 70-летнем возрасте, все еще не спокойна при воспоминаниях о тех событиях. Целых два года она практически не спала по ночам, забываясь лишь кратковременным сном. Медикаментозное лечение результата не давало. Помог психотерапевт больницы имени Мечникова, у которого Рая прошла курс лечения по рекомендации супруги проф. М.М. Серых – Валентины Николаевны. Светлая ей память!

В Киев я вернулся только 29 марта. Три месяца, прожитые дома, в Куйбышеве, я использовал для обработки цифрового фактического материала по диссертации. Меня часто призывали на факультет для решения разнообразных

вопросов. И это сильно мешало. Возвратившись в ЦБРС, я стал целенаправленно собирать литературный материал по разделам плана своей диссертации. Ежедневно, с утра до вечера, работал либо в лаборатории аллелопатии, либо в центральной библиотеке Академии наук Украины, посещал заседания ученого совета ЦБРС, защиты диссертаций, научные доклады. Трудился честно и много, выпитывая «столичный мед знаний». Красочная иллюминация Киева накануне Первомайских праздников, роскошь цветущих на Крещатике каштанов, восхитительный сад магнолий и изумительный сад сирени в ботаническом саду на фоне величественного Днепра – явились последними аккордами моей киевской эпопеи. 7 мая я прибыл домой, в Куйбышев.

11 мая я выехал в Красносамарское лесничество. Приказ об экспедиции (КБЭКУ) №19 был подписан ректором КуГУ проф. С.И. Мешковым 26 марта 1975 года. В состав КБЭКУ включены: Д.П. Мозговой (начальник), В.Г. Терентьев (зам. начальника), Н.М. Матвеев, Л.П. Молодова, Д.М. Пирогова (ст. науч. сотрудники), Ю.К. Рощевский, О.А. Мозговая (мл. науч. сотрудники). Срок работы: с 11 мая по 2 августа 1976 г., объем финансирования – 700 рублей. Мне предстояло продолжить сбор материалов об аллелопатическом режиме в лесонасаждениях Красносамарского лесного массива. Это было предусмотрено утвержденным планом работы по диссертации.

Из студентов-ботаников в КБЭКУ находились: А.И. Сивцова, В.В. Кичемасова, В.В. Викулина, Л.Н. Николаева, А.Н. Жирова, В.В. Балякин, О.В. Лыкова, О.В. Шевченко, Н.Г. Пастухова. Они собирали материал по темам дипломных работ. Студенты 3 курса – В.Р. Бурнаев, В.Н. Елизарова также работали в Красносамарском лесничестве.

В июне 1976 г. состоялся второй выпуск наших выпускников-ботаников: С.А. Семенина, А.И. Сивцова, В.В. Кичемасова, Т.Я. Балаева, В.В. Викулина, Л.Н. Николаева (науч. рук. – Н.М. Матвеев), Л.Н. Тарасова, Л.В. Базанова, Л.В. Какуева, Н.А. Симонова (науч. рук. – Д.М. Пирогова), А.Н. Жирова, В.В. Балякин (науч. рук. – В.Г. Терентьев), Е.А. Бувевич (науч. рук. – Т.И. Плаксина). В заседаниях ГЭК я не участвовал.

После возвращения из экспедиции и кратковременного отпуска в августе, который наша семья провела в родном Раином селе, но уже без бабушки Оли, начал интенсивно писать текст диссертации. Нашей кафедрой ботаники, которая согласно приказа Минвуза РСФСР существовала с 1 сентября 1975 года, руководила на правах исполняющей обязанности заведующей ставшая кандидатом биологических наук Ольга Афанасьевна Мозговая (в 1975-1976 учебном году это делал Валентин Григорьевич Терентьев, но он «не выдержал конкуренции» со стороны «виолентной» КБНовской «львицы»). Несколько раз на должность «завкафедрой» ректорат в поисках доктора наук объявлял конкурс. И вот такой конкурс объявили еще раз в «Учительской газете» 25 ноября 1976 года. Месяц, отведенный на подачу документов претендентами, истек, а «доктор» не появлялся.

23 декабря проректор по учебной работе проф. Нина Андреевна Меркулова и секретарь парткома университета Ленар Васильевич Храмов пригласили меня прийти в университет и предложили подать документы на конкурс на должность заведующего кафедрой ботаники, на что я согласился, оговорив условие, что приступлю к данной работе с 1 сентября 1977 года, то есть после того, как

закончится мое пребывание в должности старшего научного сотрудника (в докторантуре), а до этого пусть руководит кафедрой О.А. Мозговая. Она, как выяснил я, согласна. Так и порешили. Я представил документы на конкурс, а совет университета избрал меня 4 февраля 1977 года на должность заведующего кафедрой ботаники сроком на 5 лет (с 1 сентября 1977 года).

Я продолжал интенсивно писать текст диссертации. Неоднократно делались попытки привлечь меня к факультетским делам, и мне даже пришлось однажды напомнить одному важному функционеру, что в соответствии с приказом Минвуза РСФСР, будучи прикрепленным до 1 сентября 1977 года к ЦРБС АН УССР, я являюсь фактически подчиненным не руководству университета, а дирекции ЦРБС в Киеве, в первую очередь, – члену-корреспонденту АН УССР А.М. Гродзинскому. Он же велел мне, не отвлекаясь, писать текст диссертации. Конечно, это было, наверное, и дерзко, и невежливо, но надо было выбирать: или «дерзость» и диссертация, или «деликатность» и бесконечная текучка дел в университете. «Текучкой» можно заниматься всю жизнь, а вот докторская делается только однажды и выполнить ее надо в «подаренный Судьбой» срок. И все-таки отвлекаться приходилось. Исполняющая обязанности завкафедрой О.А. Мозговая взяла за правило заходить к нам домой и вовлекать меня «в разговоры» о «поведении» наших сотрудников. «Жаловалась» она на всех без исключения: все были «плохие», особенно, – Т.И. Плаксина, Д.М. Пирогова и Т.А. Овчинникова.

В марте 1977 года состоялось заседание кафедры, на котором я присутствовал по настоятельной просьбе О.А. Мозговой. Обсуждалось заявление Т.И. Плаксиной, поданное в ректорат, о перегрузке учебной работой. Ее страстно поддерживала Д.М. Пирогова, «иозавкафша» О.А. Мозговая непримиримо стояла на своем. Крики, ругань, истерика. Но особо меня поразило обсуждение написанной Ольгой Афанасьевной характеристики Татьяны Анатольевны Овчинниковой, которая претендовала на должность ассистента. Она окончила Московский университет по специальности «Физиология растений», там же – аспирантуру, выполнила кандидатскую диссертацию по изучению возбудителя вилта (болезнь) у хлопчатника. О.А. Мозговая почему-то очень не хотела оставлять Т.А. Овчинникову работать на кафедре и предлагала ей перейти на работу в ботанический сад. При этом, если Т.А. Овчинникова согласится на работу в ботсаду, О.А. Мозговая даст ей положительную характеристику, а не согласится – отрицательную. Оба варианта характеристики, уже подписанные, находились в руках категорически непримиримой «иозавкафши». Оставалось только, в зависимости от «решения» характеризуемой, вручить ей или тот, или другой вариант. Впоследствии обе характеристики с автографом О.А. Мозговой оказались в документации университета и неоднократно вспоминались по разному поводу.

Ситуация на описываемом заседании кафедры служила грозным предупреждением о том, что, приступив к деятельности заведующего кафедрой с 1 сентября 1977 года, я столкнусь с множеством трудностей и неприятностей субъективного характера, так как все дамы, набранные ректоратом в качестве преподавателей без всякого моего участия (кафедру должен формировать заведующий, а не наоборот!), уже «сбились» в сварливый, неуправляемый «клубок». Заставить их соблюдать дисциплину, корректность во взаимоотношениях и уважать друг друга – выполняемая ли задача!?

А пока что я, не отвлекаясь на сторонние заботы, писал текст диссертации. Наступающее лето обещало сбор дополнительного научного материала в Красносамарском лесничестве. В соответствии с приказом ректора КуГУ проф. С.И. Мешкова наша экспедиция (Д.П. Мозговой – начальник, В.Г. Терентьев – зам. начальника, Н.М. Матвеев, Д.М. Пирогова – ст. науч. сотрудники, Ю.К. Рощевский, О.А. Мозговая – мл. науч. сотрудники) направлялась для работы в Красносамарском лесничестве на период с 11 мая по 20 июня 1977 года (приказ №116-ЛС от 14.04.77 г.). По сохранившейся документации в работе КБЭКУ принимали участие студенты-ботаники В.Н. Елизарова, С.К. Кропотов, В.Р. Бурнаев, О.М. Кривошеева, Н.В. Прохорова, И.В. Сачков, Г.М. Смолякова и студенты-зоологи А. Барышников, С. Марков, А. Вишняков, Р. Сизова, Ю. Ильмендеров, И. Лебяженская, В. Скоробогатко, Е. Ткаченко.

Работа в экспедиции протекала и благополучно завершилась по плану. Отпуск наша семья снова провела в селе на Днепропетровщине. Так закончилась моя докторантура. Текст диссертации был написан полностью. Оставалось только небольшую часть его перепечатать на пишущей машинке.

8. К ВЕРШИНЕ – ТЕРНИСТЫМИ ТРОПАМИ

Итак, к 1 сентября 1977 года я полностью завершил написание текста докторской диссертации. Допечатав на машинке ее последнюю часть, я отправил в Киев, в ЦРБС АН УССР Андрею Михайловичу Гродзинскому письмо, в котором сообщал, что готов привезти переплетенный текст диссертации для решения вопроса о ее представлении к защите. Мне думалось тогда, что главное – это выполнить исследования, опубликовать полученные материалы, апробировать их на научных конференциях, написать и оформить текст диссертации, а дальше все пойдет само собой! В нынешние времена, как я убедился на примере трех моих воспитанников, успешно защитивших докторские диссертации «с ходу, с маху», а также наблюдая за данным процессом в диссертационном докторском совете, в составе которого я состою, так оно все и есть. Сейчас почти не найти ВУЗа, НИИ, в котором не было бы диссертационного совета. Ну, а если диссертационных советов в стране больше, чем предлагаемых к защите диссертаций, то, что тогда? Правильно: советы буквально «дерутся за диссертантов», ибо, коль не будет защит – ВАК закроет совет.

Я же «намерился» защищать свою диссертацию в «суровые времена». Дело в том, что из-за безобразной бесконтрольности в СССР «махровым цветом» разрослось наглое воровство чужих диссертаций с последующим присуждением ученых степеней. Так, один ловкач, не имевший даже школьного образования, взял уже защищенную диссертацию и, сменив в ней титульный лист, не только «защитил» ее, но и получил от ВАКа диплом «с ученой степенью». И таких случаев было множество! Делом занялся Центральный Комитет КПСС. ВАК из ведения Минвуза СССР передали Совету Министров СССР. Число диссертационных советов резко сократили и за их деятельностью установили жесткий контроль.

Если сейчас, например, оппонентом по диссертации, посвященной изучению лисицы, может выступать специалист по паразитам рыб, был бы он только доктором биологических наук, то в те времена сие сочли бы преступлением. ВАК при Совмине СССР требовал, чтобы, во-первых, в составе совета были не просто доктора наук, но и не менее трех – по направлению (тематике) самой диссертации,

во-вторых, в особой анкете оппонент указывал 2-3 свои публикации, подтверждающие, что он – специалист не вообще по ботанике, зоологии и так далее, а – по тематике защищаемой диссертации. И только – так! Иное – не проходило. При этом если ВАК за нарушения установленных норм не утверждал решения совета по двум защищенным в нем диссертациям, данный совет расформировывался. Поэтому советы «боялись» принимать к защите диссертации. И преодолеть эту «боязнь» было трудно, особенно, – соискателям из провинции (с периферии), то есть таким, как я.

Дело усложнялось еще и тем, что хотя я формально и считался докторантом ЦРБС АН УССР, да еще и подшефным акад. А.М. Гродзинского, ходу «по зеленой улице» у меня не было. Аллелопатия, которой я посвятил себя, считалась разделом физиологии растений. Так она формализовалась и в реферативном журнале «Биология», и все защищаемые до меня докторские (А.М. Гродзинский, М.В. Колесниченко, Б.Б. Баранецкий, В.П. Иванов, В.Д. Рощина и др.) и кандидатские (П.А. Мороз, Н.И. Прутенская, В.М. Олексевич и др.) диссертации шли по физиологии растений. Моя же диссертация могла рассматриваться или по ботанике (фитоценологии), или по экологии.

Фитоценологи нашей страны, заиклившись на так званой «конкуренции» («борьба» растений между собой за свет, влагу и питательные элементы), аллелопатию считали недействующим в природе фактором. Они ее сами совсем не изучали и страстно (с легкой руки проф. Тихона Александровича Работнова, занимавшегося с приезжавшими на ФПК в МГУ университетскими преподавателями ботаники) критиковали, не зная (а чаще всего – игнорируя) не соответствующие их упрямым взглядам убедительные в пользу аллелопатии работы. Одним словом, в диссертационных советах по ботанике специалистов по аллелопатии (а их по требованию ВАК должно быть минимум трое) нигде не было, а те, кто там имелся, аллелопатию, «мягко говоря», «не уважали». В Киеве действовали советы в Институте физиологии растений (по физиологии растений) и в Институте ботаники (по ботанике) АН УССР. В первом случае моя диссертация была не по профилю, а во втором, к тому, что уже отмечено выше, примешивался еще один субъективный, но непреодолимый фактор: мой шеф А.М. Гродзинский и директор Института ботаники К.М. Сытник из-за чего-то сильно «не дружили». А что бывает на Украине при такой ситуации, хорошо известно из нынешней «сердечной дружбы» между «оранжевым Мазепой» Бандющенко, Бандюковичем и «косатой пани» Юлей. Вот и оказался я в «смешной» обстановке: диссертация – готова, а к защите ее подавать некуда! Но изложу все по порядку.

Как уже отмечалось, с 1 сентября 1977 года я с должности старшего научного сотрудника (докторантуры) перешел на должность заведующего кафедрой ботаники, и у меня, помимо большой учебной работы со студентами, появилось много новых хлопот и забот. Но об этом я расскажу особо. Здесь же только оговорюсь, что в нашем университете проф. С.И. Мешкова на посту ректора сменил проф. В.В. Рябов.

29 ноября 1977 года из Киева в мой адрес пришло официальное приглашение сделать доклад по диссертации на заседании Ученого совета ЦРБС АН УССР 20 декабря 1977 года. Однако в силу субъективных, но непреодолимых причин моя поездка в Киев не состоялась. Текст диссертации, пересланный мною почтой в ЦРБС, А.М. Гродзинский отдал для чтения и рецензирования доктору

биологических наук Г.М. Илькуну и кандидату биологических наук П.А. Мороз. Читали они долго. Только 28 сентября 1978 года я получил по почте письменные отзывы на мою работу. В отношении собственно аллелопатии замечаний у рецензентов не было. Григорий Михайлович Илькун (специалист по газоустойчивости древесных растений), тщательно проработав мой текст, указал довольно много неточностей редакционного характера, за что я ему весьма признателен.

И вот, наконец, 14 ноября 1978 года я – в Киеве и делаю доклад по диссертации на заседании Ученого совета ЦРБС АН УССР. Присутствуют 75 человек, в том числе, – 4 доктора и 34 кандидата наук. Приглашен член-корр. АН УССР, доктор биологических наук Юрий Романович Шеляг-Сосонко (фитоценолог, лесовод). Я, используя привезенные с собой таблицы, изложил основные научные положения и выводы диссертации, ответил на большое число вопросов.

По моему докладу выступили с оценкой работы Г.М. Илькун, Ю.Р. Шеляг-Сосонко, П.А. Мороз. Никаких замечаний собственно по моей аллелопатии не последовало. Но решение совета было такое:

1) апробировать диссертацию в БИН АН СССР (в лаборатории проф. В.Г. Карпова) и во Львовском отделении Института ботаники АН УССР (проф. М.А. Голубец);

2) повторно рассмотреть диссертацию в 1979 году после учета сделанных замечаний.

И я отчетливо осознал: тернист мой путь впереди! И немало еще острых колючек вонзится в мое грешное тело, но отступать – некуда!

Оговорюсь, что наша кафедра совместно с ботаническим садом осуществляла с осени 1977 года хоздоговорную научно-исследовательскую работу по озеленению главного конвейера Волжского автозавода, и я как руководитель данной работы имел возможность ездить в оплачиваемые командировки. Такого рода хоздоговора с другими заводами мы имели и в последующие годы. Без хоздоговорных средств мой путь к «докторской вершине» был бы не только «тернист», но и непроходим, ибо «помотаться» по стране пришлось очень много. Так, в конце декабря 1978 года я с письмом ректора проф. В.В. Рябова к заведующему лаборатории экспериментальной фитоценологии Ботанического института (БИН) АН СССР проф. В.Г. Карпову оказался в Ленинграде. Из аэропорта «Пулково» я отправился напрямик на дом к Юрию Владимировичу Титову. Утром мы с ним поехали в БИН к В.Г. Карпову. Владимир Григорьевич, предупрежденный письмом А.М. Гродзинского, поручил Ю.В. Титову (он защитил кандидатскую диссертацию по аллелопатии) прочесть мою диссертацию и подготовить письменное заключение о ней.

Закупив в ленинградских гастрономах масла, сыра и хорошего мяса (Ю.В. Титов «организовал» мясника за небольшую плату «на отборную мякоть»), я вернулся домой, прямо к новогоднему столу. В январе я самолетом отправился во Львов, где передал диссертацию проф. М.А. Голубцу вместе с письмами от ректора проф. В.В. Рябова и от А.М. Гродзинского. Михаил Андреевич встретил меня дружелюбно и обещал внимательно прочесть и всестороннее оценить мой труд.

Юрий Владимирович Титов (спасибо ему большое!) внимательно, а, главное, оперативно прочел мою диссертацию и в конце января 1979 года я получил из

Ленинграда письмо, а также официальный отзыв, подписанные В.Г. Карповым и Ю.В. Титовым, в которых сообщалось, что по их заключению «аллелопатическая часть не вызывает сомнений». Иначе говоря, то, что изучал лично я и чему посвящаю диссертацию, – в норме. Замечания и пожелания сводились к тому, чтобы «унизить аллелопатию» и «усилить оценку других факторов», в частности, – влажности почвы. В письме значилось: «Гарантируем Вам отзыв положительный с отдельными замечаниями, которых будет немного, если Вы в какой-то мере учтете наши замечания». В официальном отзыве содержалось: «После соответствующей доработки диссертация Н.М. Матвеева может быть рекомендована для защиты по специальности «ботаника». Окончательный развернутый отзыв будет представлен по месту защиты после официального запроса спецсовета». Таким образом, БИН АН СССР (в лице В.Г. Карпова и Ю.В. Титова) «давал согласие» выступить по моей диссертации ведущей организацией. Но, одновременно, в письме В.Г. Карпова и Ю.В. Титова сообщалось, что защита моей диссертации в БИНе невозможна и следовал совет обратиться с данным вопросом в Ленинградский университет.

Я интенсивно корректировал текст диссертации, «усиливая» никакого отношения к теме моей работы не имеющую «неаллелопатическую часть». Увы, но «каждый специалист подобен флюсу!» Так любил говорить мой Учитель – Александр Люцианович Бельгард. Но выражаются и иначе: «У кого что болит, тот о том и говорит!» Фитоценологи, как я уже сообщал, в межвидовых взаимоотношениях растений в сообществах ничего не желают видеть, кроме – «конкуренции». Например, если в 2-видовой группировке один вид угнетается (мал по высоте, не цветет и т.п.), то фитоценолог объясняет это «конкуренцией» или за свет, или за влагу, или за азот и другие элементы в почве. Сказал: «Конкуренция» – и все всем понятно! А вот в чем механизм этой «фантастической» конкуренции, никто не знает и знать не желает. Как «шуткував» мой «профсоюзный шеф» по Днепропетровскому университету предпрофкома Иван Ефимович Губа: «Беда русского мужика не в том, что он ничего не знает, а в том, что он и знать-то ничего не желает!» Так и фитоценолог – «жрец Конкуренции». О том, что в засушливом климате степной зоны почвенной влаги не хватает растениям, в том числе, – древесным, лесным, знают все: «и дедушки, и бабушки, и папы с мамами, и внуки с внучками». Об этом написаны «горы» книг и «курганы» диссертаций! Но нет, «усиль», повтори!

Для иллюстрации «культы личности пани Конкуренции» расскажу о работе В.Г. Карпова, описанной в его монографии «*Экспериментальная фитоценология темнохвойной тайги*» (Ленинград: Наука, 1969). В еловом лесу траншеями глубиной до 60 см окружали площадки 2x2 м, не нарушая на них ни опада, ни подстилки, ни зарослей черники с кислицей и иными травками. При этом обрубались корни ели, но в почве площадок оставались «убитые» части еловых корней. Итак, на площадку живые корни от деревьев ели в почву больше не проникают. Итог таков: на площадках появляется множество всходов трав, в том числе и таких видов, которых до этого не было. Откуда они взялись? Жизнеспособные семена разнообразных видов в большом числе находились в почве! Но почему они не проросли, пока площадку не изолировали (траншеей) от живых корней ели?

Фитоценолог дает такое объяснение. Живые корни деревьев ели «конкурируют», то есть поглощают из почвы воду, азот и не дают прорасти семенам и расти травам. Все! Конкуренция! Но ведь для прорастания семян нужны лишь вода (ее весной после таяния мощного на севере (в тайге) снежного покрова много) и тепло (оно тоже весной – в начале лета имеется). Нет, «конкурирующие?» корни ели исключают прорастание семян! Вы, дорогой мой читатель, верите в это? Я – нет. А вот допустить, что корни ели выделяют вещества, тормозящие прорастание семян (органические кислоты, аминокислоты, фенолы и т.п.), можно. Кроме того, просачивающаяся в почву «снеговая» вода растворяет (в себе) тормозители роста из накопившегося за осень-зиму свежего елового опада (дубильные вещества, смолы, полифенолы и пр.), и они тоже подавляют прорастание находящихся в почве семян трав. Такое возможно? Это – «мы не проходили, это нам не задавали!»

На изолированных траншеями от живых корней ели площадках травянистые виды контрастно «буйно» разрастались. Почему? Все растения накапливали в надземных органах повышенное количество азота. Откуда он взялся? Фитоценолог объясняет это тем, что живые корни ели, не проникая теперь в почву, больше «не конкурируют», то есть не отбирают азот у трав. Опять «мадам Конкуренция»! Но в почве-то азота почему больше стало? Фитоценолог утверждает, что это связано с разложением и минерализацией корневых остатков ели. А микробиолог Ю.В. Титов, исследуя данные остатки в почве этих же самых площадок на протяжении нескольких лет, не обнаружил на них никаких микроорганизмов и никакого разложения! Вот такая эта «вельможна пани Конкуренция»! Но мне, как вы понимаете, от этого не легче! Я правлю текст, стремясь «не дразнить быков красным цветом».

Завершив корректировку, пишу письмо в Ленинград и получаю ответ от Ю.В. Титова, в котором сообщается, что В.Г. Карпов в санатории до конца марта, приехать мне можно после 20 марта.

15 марта 1979 года получаю письмо от Анны Александровны Часовенной, которая по моей просьбе узнает о возможности моей защиты в спецсовете Ленинградского университета по специальности «ботаника». Хлопочет за меня и проф. И. Блюменталь. Но в составе совета нет ни одного доктора наук, занимающегося проблемами аллелопатии. Надежда на проф. Б.П. Токина оборачивается неудачей: он оказывается членом спецсовета по специальности «зоология». В конце марта я – в Ленинграде. В.Г. Карпов отсылает к Ю.В. Титову. Юрий Владимирович, просмотрев откорректированный мною текст диссертации, соглашается с ним, докладывает об этом В.Г. Карпову. Договариваемся, что я могу рассчитывать на БИН как ведущую организацию, но для защиты мне надо найти спецсовет.

Информирую письмом А.М. Гродзинского и в ответном письме получаю совет обратиться в Институт экспериментальной ботаники АН Белоруссии. В конце мая я – в Минске. Борис Иванович Якушев и Иван Наумович Рахтеенко встречают меня радушно, с пониманием и предпринимают попытки помочь. Поскольку И.Н. Рахтеенко является заместителем председателя спецсовета, то оппонентом моим он быть не мог. Б.И. Якушев был тогда еще кандидатом наук. Поэтому выбор пал на проф. В.С. Гельтмана. Просмотрев текст моей диссертации и увидев, что в нем нет ссылок на публикации В.С. Гельтмана, Иван Наумович,

найдя пару его работ, усадил меня за пишущую машинку и, снабдив чистыми листами бумаги, «организовал» вставку работ моего намечаемого оппонента в список литературы и в текст в форме ссылок.

Проф. В.С. Гельтман, к которому меня привел И.Н. Рахтеенко, просмотрев текст моей диссертации, сказал, что согласен выступить моим оппонентом, но работу я должен оставить ему для внимательного прочтения. Так и порешили. Визит к директору института был неудачен. Проф. В.И. Парфенов (флорист) сказал, что он подумает, посоветуется, но лучше бы я нашел другой совет. Такова была тогда обстановка: председатели спецсоветов «боялись» принимать диссертации к защите – столь грозен был для них ВАК при Совмине СССР! К слову, Б.И. Якушев целых три года упрашивал своего директора В.И. Парфенова, чтобы он согласился пропустить через совет его докторскую диссертацию.

В конце июля 1979 года А.М. Гродзинский в ответ на мою информацию о состоянии дел прислал мне письмо для проф. В.И. Парфенова, в котором содержалась его просьба принять к защите мою диссертацию. Вот так, друзья мои! Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается! Заканчивается второй год, как я завершил написание диссертации, но «воз и ныне там». В конце октября 1979 года, узнав по телефону, что В.С. Гельтман и все заинтересованные закончили чтение моей диссертации, я снова еду в Минск. 23 октября состоялось производственное совещание лаборатории экологии растений Института экспериментальной ботаники АН БССР, на котором я доложил основные положения и выводы своей диссертации. Выступили И.Н. Рахтеенко, В.С. Гельтман, Б.И. Якушев. В решении, которое вручили мне, отмечено, что работа моя заслуживает одобрения и может быть рекомендована к защите. Мне посоветовали несколько сократить объем, конкретизировать (поменьше пунктов) выводы и собрать документы о внедрении результатов. Обращение к директору института проф. В.И. Парфенову, несмотря на рекомендательное письмо от А.М. Гродзинского, положительного результата не дало. Он был непреклонен. «Ваша работа выполнена в степной зоне, а наш институт находится в лесной зоне», – так мотивировал свой отказ проф. В.И. Парфенов. И это при том, что в его институте находился один из центров аллелопатических исследований. Правда, в нем был только один доктор наук – И.Н. Рахтеенко.

Можно было легко впасть в отчаяние, если к тому же учесть, что, кроме диссертационных хлопот, у меня была большая учебная нагрузка, масса организационной, бумажной, общественной работы, очень и очень многотрудные заботы заведующего кафедрой, на которой в силу субъективных причин меня как «строптивного днепропетровца» интенсивно «перевоспитывали в самарца». Наконец, еще одно обстоятельство: в феврале 1979 года я в третий раз стал отцом, а что такое грудной малыш в семье знают не слишком многие!

Однако меня поддерживали доброжелательные письма от проф. Г.М. Зозулина, проф. В.П. Иванова, проф. П.В. Юрина, проф. А.О. Тарасова, проф. М.В. Колесниченко и др. Все они настаивали: не отступать! Однако найти спецсовет для защиты диссертации было трудно. В начале января 1980 года я получил письмо от проф. В.С. Николаевского, который сообщал результаты «зондирования» в спецсовете при Центральном Сибирском ботаническом саду СО АН СССР. Владимир Серафимович писал, что директор – доктор биологических

наук Леонид Иванович Малышев для решения вопроса о возможности моей защиты у них рекомендует прислать диссертацию для ознакомления.

В конце января 1980 года почта принесла мне из Львова мою диссертацию с детально изложенными замечаниями А.М. Голубца. Михаил Андреевич потрудились основательно! Опять-таки, как и во всех предшествующих случаях, к собственно моим личным материалам по аллелопатии – никаких замечаний. Советы по корректировке обзора литературного материала: сократить, опубликовав в форме самостоятельной статьи или нескольких статей (я прореферировал более 1000 источников). Вместо термина «биологический круговорот» использовать «биотический круговорот». В тексте имелось много пометок редакционного характера. В целом все замечания и пожелания Михаила Андреевича и приемлемы и, безусловно, полезны. Как говорят: «Ум – хорошо, а два – лучше». Ну, а если три, четыре, пять умов, то – все лучше, все лучше, все лучше! Однако «сколько людей – столько и мнений» и можно их учитывать «до спокон века». Никто не хочет понять самого автора, то есть меня, мои факты, мои суждения, мои оценки, мои выводы. Каждый норовит проявить свой ум, свои особые подходы. «А ты благодари и кланяйся!» – поучает меня проф. Алексей Васильевич Штанько. «Защитишься, тогда сам умничать будешь», – успокаивает он.

Интенсивно правлю текст диссертации, стремясь максимально «сократить», «конкретизировать», «умалить аллелопатию», «учесть конкуренцию», «выявить (все давно уже выявлено!) другие факторы» и прочая, не имеющее никакого отношения к теме, цели, задачам, объектам моей работы. Увы, «глухие – не слышат, слепые – не видят!» Ищу совет для защиты, понимая, что именно в нем начнут «править меня» окончательно и бесповоротно. «В каждом монастыре – свои законы!» – так сказал мне когда-то помощник проф. Ю.А. Жданова – ректора Ростовского университета. В конце 1979 года я виделся с проф. Т.А. Работновым. На вопрос о защите моей диссертации в МГУ Тихон Александрович сказал, что это невозможно, так как в составе совета все доктора наук – флористы, а из фитоценологов – он один.

В конце 1980 года в целях оперативности я вылетел во Львов к М.А. Голубцу с откорректированной с учетом его замечаний диссертацией. Михаил Андреевич был в отпуске, и поэтому я направился к нему на дом. Он обещал прочесть диссертацию за несколько дней, а меня (посредством письма к ректору Львовского университета) устроил для проживания в университетской квартире для приезжих. Львов произвел на меня сильное впечатление. Я посетил Замковую гору, где когда-то располагалась резиденция Галицкого князя, Стрыйский парк, осмотрел древние здания польской, австрийской архитектуры в центре, побывал на кафедре ботаники в старинном корпусе университета, полюбовался оригинальным памятником А. Мицкевичу, угостился «кавою» в уютных маленьких кофейнях.

На кафедре ботаники, располагавшейся в старинном здании с 3-метровой толщины стенами, я познакомился с профессором Козий Григорием Васильевичем, который сказал мне: «При Полщі було краще!» Мне же было не ясно, чем же лучше-то: поляки не пускали украинцев на руководящие должности и не позволяли им получать образование, особенно – высшее. В высоченных коридорах вдоль стен стояли большие застеклённые шкафы, в которых хранились дипломные работы студентов. Среди них имелись и очень давние – на польском языке. Вот это мне

понравилось и я решил организовать сохранность дипломных работ студентов нашей кафедры. Это – история.

Через несколько дней М.А. Голубец закончил чтение моей диссертации, и я получил от него для ЦРБС АН УССР письменное заключение: «Диссертация Н.М. Матвеева может быть рекомендована к защите». Замечаний к моей работе у него больше не было, и он давал согласие быть по ней официальным оппонентом на защите.

В те времена, когда я «проталкивал» свою диссертацию, спецсоветов по защите диссертаций было мало. Они имелись в Москве, Ленинграде, а также только в некоторых крупных научных центрах. Моя диссертация по своей тематике («Роль растительных выделений в формировании лесных сообществ в степной зоне») могла быть оценена либо по специальности «Ботаника», либо – «Экология». Существовало еще одно ограничение: докторская диссертация не должна быть продолжением кандидатской. Кандидатскую диссертацию (*«Аллелопатический фактор во взаимоотношениях древесных и травянистых растений в искусственных лесах степной зоны»*) я защитил по специальности «Ботаника». Несколько опережавший меня «на докторской лестнице» доцент кафедры ботаники Куйбышевского пединститута Владимир Иванович Матвеев планировал свою защиту (его диссертация была посвящена сообществам околородных, прибрежных растений) в Институте экологии растений и животных АН СССР в Свердловске. Работа его по своей сути была флористико-фитоценотическая, но ему в спецсовете при названном институте предлагали защиту по специальности «Экология». Вот это-то и явилось для меня подсказкой.

Всю свою «преподавательскую жизнь» (с 1962 года) я читал курс «Экология растений», и потому, приступая к написанию докторской диссертации, сознательно, чтобы не было связи с кандидатской, «направил» ее «в русло экологии». Это-то мне и помогло. Я уже писал, что отношение «ботаников» к аллелопатии было, «мягко говоря», «недружественным» (если не враждебным!). Учитывая сказанное, я решил «прозондировать» спецсоветы по специальности «Экология», а их в СССР было всего четыре: в Свердловске, Днепропетровске, Красноярске и Тарту. В начале 1981 года я написал письмо К.М. Порку, который работал в Институте зоологии и ботаники АН Эстонии в г. Тарту с просьбой узнать в спецсовете о возможности защиты моей диссертации. Кальё Михкелевич ответил оперативно: председатель спецсовета проф. Х.Х. Трасс готов принять диссертацию, если я до 16 февраля представлю все документы, так как срок действия совета заканчивается и предстоит его перерегистрация. Спустя некоторое время (20.10.1981 г.) я получил еще одно сообщение от К.М. Порка о том, что перерегистрация совета идет, специальность «Экология» в нем будет и мне надо обращаться к проф. Х.Х. Трассу и проф. В.В. Мазингу.

В конце ноября 1981 года я отправил в Киев, в ЦРБС начисто перепечатанную диссертацию и письма А.М. Гродзинскому, Э.А. Головки и П.А. Мороз с просьбой рассмотреть мою диссертацию с представлением ее к защите на заседании Ученого совета ЦРБС АН УССР до конца 1981 года, так как работа прошла апробацию и в БИНе, и во Львове да еще и в Минске. В ответ пришли письма от Э.А. Головки и А.М. Гродзинского: «Сильно заняты. Ждите. Вызовем». Жду!

В это же время в Куйбышев в связи с организацией в Тольятти Института экологии Волжского бассейна АН СССР приехал В.Н. Большаков – директор

института экологии растений и животных АН СССР из Свердловска. Он посетил и наш университет. Я попросил ректора проф. Виктора Васильевича Рябова «походатайствовать за меня», а Владимир Николаевич Большаков сказал, что я могу защищать свою диссертацию у них, в Свердловске. Так «тронулся лед». Но официального представления диссертации к защите от организации у меня все еще не имелось. Киевляне же мои все еще «резинили». И тогда я «организовал» официальное письмо от нашего ректора директору ЦРБС АН УССР акад. А.М. Гродзинскому. В письме напоминалось о том, что для выполнения докторской диссертации я приказом Минвуза РСФСР прикреплен к ЦРБС АН УССР, что рекомендованные апробации в ведущих научных центрах моя работа прошла, и ее защита включена в план КуГУ на 1982 год, содержалась благодарность университета за подготовку докторанта и просьба ускорить решение вопроса о представлении диссертации Н.М. Матвеева к защите. Данное письмо ректора датировано 12.02.1982 года.

Я написал Андрею Михайловичу Гродзинскому, что моя защита возможна в спецсовете Института экологии растений и животных АН СССР в Свердловске и на это имеется согласие директора института члена-корреспондента АН СССР Владимира Николаевича Большакова. И вот, наконец, меня вызывают в Киев. 2 марта 1982 года состоялось расширенное заседание отдела физиологии растений (фактически же Ученого совета) ЦРБС АН УССР, на котором моя диссертация была рекомендована к защите. Присутствовали на заседании 21 человек, в том числе, - 3 доктора и 10 кандидатов наук. Я сделал доклад по материалам диссертации, ответил на многочисленные вопросы. Рецензентом выступила микробиолог, кандидат биологических наук Елена Юрьевна Кострома. В обсуждении диссертации приняли участие: кандидат сельскохозяйственных наук Н.А. Кохно, кандидат сельскохозяйственных наук Н.Н. Дзюбенко, кандидат биологических наук Г.П. Богдан, кандидат сельскохозяйственных наук Э.А. Головки, академик АН УССР А.М. Гродзинский. Свершилось! И шел я к этому событию почти 5 лет! Однако в те времена такое бывало не только со мной. ВАК Совета Министров СССР «пугал» крепко! И поэтому «осторожность» А.М. Гродзинского и его коллег из ЦРБС АН УССР, где я считался докторантом, была не только понятна, но и легко объяснима: «Поспешишь – людей насмешишь!» Например, Галина Петровна Богдан, выполнившая хорошую работу в отделе физиологии растений ЦРБС АН УССР и тоже по аллелопатии, прошла все процедуры и быстро, и просто. И защита в спецсовете состоялась, а вот ВАК эту защиту не утвердил. Так что обижаться мне ни на кого оснований не было! И я не обижался.

Получив соответствующий документ (выписку из протокола расширенного заседания отдела физиологии растений ЦРБС АН УССР), утвержденный акад. А.М. Гродзинским, подписанный зав. отделом Э.А. Головки и секретарем В.Я. Марьюшкиной, я вернулся в Куйбышев. 26 марта по совету ректора проф. В.В. Рябова я созвал расширенное заседание нашей кафедры ботаники. Из сотрудников кафедры присутствовали, кроме меня, доц. В.Г. Терентьев, доц. О.А. Мозговая, доц. Т.И. Плаксина, асс. Т.А. Овчинникова, инженеры Л.М. Кавеленова и Н.В. Прохорова, ст. лаб. Ю.Н. Журавлев.

Среди приглашенных (присутствовал 31 человек) были преподаватели с кафедр нашего химико-биологического факультета, а также представители

педагогического, медицинского, сельскохозяйственного, планового институтов, сотрудники Поволжской агролесомелиоративной опытной станции ВНИИАЛМИ. Я изложил основные материалы, положения и выводы диссертации, ответил на множество вопросов. По моему докладу выступили проф. Л.Ф. Мавринская, проф. М.М. Серых, доц. Д.П. Мозговой, а также – доц. В.К. Медведев (плановый институт), доц. И.И. Подскачий (сельхозинститут), доц. Г.А. Зак (пединститут). Лучше всех выступила Людмила Федоровна Мавринская, которая сказала именно то, о чем и надо говорить в такого рода случаях: об актуальности темы, научной новизне, достоверности результатов, обоснованности сформулированных в диссертации положений и выводов.

Ректор проф. Виктор Васильевич Рябов порекомендовал мне пригласить на это заседание как можно больше людей и, в первую очередь, тех, кто по моим предположениям может быть против. «Пусть выступает, большинство все равно будет на Вашей стороне. Если же этот человек потом начнет жаловаться, писать в Совет, ВАК и т.п., то ему мы скажем, что его мнение было услышано и учтено при коллегиальном решении», – говорил мне этот удивительно мудрый руководитель. Но против никто не выступил. Только Д.П. Мозговой произнес «мудрёную» речь, заявив, что в моей диссертации нет какой-то «аксиомы», и посоветовал почитать его публикации, в которых «аксиома» есть. Данное расширенное заседание приняло решение о рекомендации моей диссертации к защите. Оформленный по требуемым правилам документ утвердил ректор КуГУ проф. В.В. Рябов.

Итак, в марте 1982 года я имел оформленную начисто, переплетенную диссертацию, выполненную «на кафедре ботаники Куйбышевского государственного университета и в отделе физиологии растений Центрального республиканского ботанического сада АН УССР» и официальные представления диссертации к защите от этих организаций. Имелось согласие лаборатории экспериментальной фитоценологии БИН АН СССР выступить в качестве ведущей организации, проф. М.А. Голубец и проф. В.П. Иванов готовы были выступить официальными оппонентами. Председатель спецсовета член-корр. АН СССР В.Н. Большаков мог принять мою диссертацию к защите.

В начале апреля с письмом ректора КуГУ проф. В.В. Рябова о принятии к предварительному рассмотрению моей диссертации в спецсовете Института экологии растений и животных АН СССР я прибыл в Свердловск. В.Н. Большаков принял меня в своем кабинете и направил мою диссертацию на заключение директору ботанического сада доктору биологических наук С.А. Мамаеву. Станислав Александрович диссертацию у меня принял, но сказал, что ему необходимо время, чтобы внимательно прочесть ее. Я записал его телефоны и уехал домой, в Куйбышев. Время шло. Я проводил занятия со студентами, был в экспедиции в Красносамарском лесничестве. На мои звонки в Свердловск С.А. Мамаев отвечал, что очень занят и читать мою диссертацию пока не начал.

Наступила осень и ректор проф. В.В. Рябов посоветовал мне поехать в Свердловск на стажировку (она была в плане повышения квалификации) и заодно «подтолкнуть» дела с диссертацией. Я подготовил письмо от нашего ректора ректору Уральского госуниверситета (УрГУ), приложил план стажировки и отправил их почтой в Свердловск. Вскоре пришел ответ от заведующего кафедрой ботаники проф. И.К. Киршина о том, что мне можно приехать на стажировку: есть соответствующий приказ ректора УрГУ, а жилье мне предоставляется в

аспирантском общежитии. И я отправился в Свердловск. План моей стажировки на период с 1 ноября по 30 декабря включал знакомство с организацией учебно-научно-воспитательной работы на кафедре ботаники УрГУ, а также – с научно-исследовательской деятельностью отделов и лабораторий Института экологии растений и животных (ИЭРиЖ) АН СССР. Он предусматривал также апробацию моей докторской диссертации.

Приехав в Свердловск, я благополучно устроился в общежитии, в комнате с двумя аспирантами. Комендантша Мария Алексеевна Жукова (общежитие на ул. Чапаева, 20) вручила мне талоны на масло и колбасу (с этими продуктами при позднем Брежневке везде, кроме Москвы, Ленинграда, Киева, стали перебои) и, узнав, что за проживание в бухгалтерии УрГУ взяли с меня приличную сумму, заявила: «Следующий раз, если поедите к нам, просто предварительно позвоните мне!» Я ходил на кафедру ботаники, познакомился с Ильёй Кузьмичём Киршиным. Он показал мне лаборатории кафедры, представил меня своим сотрудникам. В ИЭРиЖ АН СССР я, прежде всего ходил к Станиславу Александровичу Мамаеву, который сразу же приступил к чтению моей диссертации, познакомился с П.Л. Горчаковским, С.Г. Шиятовым, А.К. Махнёвым, В.П. Фирсовой, Л.Ф. Семериковым и др.

В Институте экологии растений и животных (ИЭРиЖ) АН СССР имелась хорошая библиотека с уютным читальным залом, где я добротню изучил труды свердловских ученых, просмотрел множество диссертаций, которые защищались в спецсоветах института. Поприсутствовал я и на защитах нескольких диссертаций, в частности, – докторской Л.Ф. Семерикова, которая была посвящена изучению внутривидовой изменчивости дуба черешчатого в пределах его ареала. Автор измерял длину, ширину и т.п. листьев, желудей и других структур (чаще всего – по гербарным образцам, хранящимся в гербариях Москвы, Ленинграда и иных городов) и, используя вариационно-статистические расчеты, доказывал, что дуб черешчатый как вид неоднороден и его можно разделить на четко обособленные, обитающие то ли на севере, то ли на юге, то ли в центре ареала части. И дешево (не надо тратить деньги на разъезды по обширной территории ареала дуба, достаточно «понюхать гербарную пыль»), и сердито (против строгой «пани Математики» «не попрёшь»). Защита диссертации Леонида Филатовича прошла «на ура»!

Я познакомился с организацией научно-исследовательской работы в отделах ИЭРиЖ и многому удивился. Во-первых, при попытке приобрести понравившийся мне выпуск (журнал) научных трудов института, который вышел в свет 3-5 лет назад, мне сообщили, что нераспроданный тираж «списан» и «уничтожен». Ясное дело, что тираж сей распродался не в Москве, Ленинграде, Кирове, Перми и, тем более, – в Самаре, а ... в Свердловске! Издаваемый нами в КуГУ сборник *«Вопросы лесной биогеоценологии, экологии и охраны природы в степной зоне»* я бесплатно (за счет ВООП) и печатаю в типографии, и рассылаю по библиотекам всех научных центров СССР (читайте, люди добрые!), а труды академического! института если и читают, то в основном только в Свердловске! Вот так! И действительно, если бы я не приехал в Свердловск и не почитал трудов ИЭРиЖ в библиотеке, я так бы никогда и не узнал, что изучают ученые этого почтенного академического института. А главное направление исследований было здесь и интересным, и оригинальным: внутривидовая изменчивость растений и животных.

Определил данное направление создатель ИЭРиЖ академик АН СССР С.С. Шварц (светлая ему память!).

Второе, что меня также удивило, это – кричащая разобщенность тематики отделов института: «Я уехала в жаркие степи, ты ушел на разведку в тайгу. Надо мною лишь солнце палящее светит, над тобою – лишь сосны в снегу!» Если один отдел осуществлял свои исследования, например, на Таймыре, то другой – в Васюганье, третий – в Степях, а четвертый – на Северном Урале. И отделы эти были: геоботаники, лесоведения, почвоведения. И если они действительно стремились разрабатывать проблемы экологии, а не узко – фитоценологии, почвоведения, лесоведения, то надо им было подниматься повыше – на биогеоценотический уровень и изучать конкретные биогеоценозы всем скопом, то есть в одном месте и в одно и то же время! И такое здесь однажды зарождалось, когда в Свердловск приехал с Дальнего Востока профессор Б.П. Колесников, организовавший в Уральском университете кафедру биогеоценологии и охраны природы (она была первой в СССР), а на Южном Урале – биогеоценологический стационар. Он привлек к работе ученых и УрГУ, и ИЭРиЖ, и они осуществили на протяжении ряда лет высококласные исследования горных лесов на биогеоценотическом уровне, подобные тем, что с 1949 года проводились в степных лесах под руководством проф. А.Л. Бельгарда в Днепропетровском университете и к чему стремился я, создавая КБЭКУ в Куйбышевском университете.

Но к моменту моего пребывания в Свердловске проф. Б.П. Колесников переехал в Крым, на работу в Симферопольский университет, а организованный им научный коллектив распался, и всё опять «потекло» как в песне о геологах. Увы, но Бельгардов и Колесниковых слишком мало на Руси!

В процессе стажировки я познакомился также с кафедрами биологического факультета УрГУ, посетил ряд лекций и лабораторных занятий на кафедре ботаники. Побывал я в пединституте на кафедре ботаники, где познакомился с профессором Таршис Галиной Ильиничной – крупным специалистом по подземным органам растений, в лесотехническом институте (кафедру лесоводства возглавлял проф. Николай Алексеевич Луганский), в ботсаду УрГУ и в ботсаду ИЭРиЖ. Но главное, что меня заботило, – апробация моей диссертации.

26 ноября 1982 года проф. И.К. Киршин организовал совместное заседание Свердловского отделения Всесоюзного ботанического общества и Уральского общества генетиков и селекционеров, на котором я выступил с докладом по своей диссертации, ответив на множество вопросов. Выступающие одобительно отнеслись к моей работе, а в постановлении значилось: «Рекомендовать докторскую диссертацию Н.М. Матвеева к защите». Позднее мне выдали выписку из протокола этого заседания за подписями проф. И.К. Киршина и ученого секретаря Л.И. Томиловой.

Наконец завершилось и чтение моей диссертации проф. С.А. Мамаевым. Он защитил докторскую диссертацию по изучению внутривидовой изменчивости ели и сосны, был директором ботанического сада ИЭРиЖ и являлся председателем совета ботанических садов Урала и Поволжья. Станислав Александрович прочёл мою диссертацию очень и очень внимательно, сделав пометки в тексте и сформулировав свои замечания письменно. Их было много, но они носили сугубо редакционный характер. Как и во всех предшествующих случаях, собственно «моя работа по аллелопатии» сомнению не подвергалась. Однако в отличие от этих

«предшествующих случаев» проф. С.А. Мамаев «не требовал» ничего (аллелопатию) «унизить» и ничего (не аллелопатию) «усилить».

Я попросил посмотреть мою диссертацию П.Л. Горчаковского, С.Г. Шиятова, А.К. Махнёва, В.П. Фирсову. Согласились посмотреть А.К. Махнёв и В.П. Фирсова. Африкан Кузьмич, почтав мою диссертацию, вернул её без замечаний. Вера Павловна Фирсова, нервно полистав текст при мне, возмутилась, увидев словосочетание «биотический круговорот» и еще сильнее, прочтя в описаниях пробных площадей наименования почв по А.П. Травлееву. «Везде писать «биологический круговорот» и никакой «травлеевщины», только общесоюзные наименования почв!» – сердито заключила она.

В конце стажировки, в декабре, мой доклад по диссертации был заслушан на заседании секции спецсовета. Воспринимали меня внимательно, задавали много вопросов. В обсуждении приняли участие проф. С.А. Мамаев и проф. В.П. Фирсова, которые повторили свои замечания по диссертации. В решении было записано: еще раз заслушать мой доклад после исправления текста диссертации. Держись, вятский валенок! Идем «по второму кругу». Проф. М.А. Голубец потребовал «биологический круговорот» в тексте исправить на «биотический круговорот», а проф. В.П. Фирсова ещё категоричнее не согласна с моим «биотическим круговоротом» и настаивает исправить его на «биологический круговорот». Геолог, наверное, предпочел бы назвать сей круговорот «геологическим», геохимик – «геохимическим» и т.д. и т.п.

Еще хуже обстояло дело с наименованиями почв. Они были в тексте диссертации в приложении, в описаниях пробных площадей (участков лесонасаждений), на которых я в образцах подстилки определял содержание биологически активных веществ. Наименование почвы было «дежурным», формальным. Сам я почву, как таковую не изучал. Но ее на этих же площадях исследовал мой «коллега», а позднее и «гроссшеф» А.П. Травлеев. Вот я и повторил в описаниях те наименования почв, которые дал им этот почвовед.

А.П. Травлеев в лесонасаждениях степной зоны выделял «чернозем лесной» и «чернозем лесоулучшенный». Но В.П. Фирсова этого не признавала. В справочниках по номенклатуре почв СССР «травлеевские типы» отсутствовали. К слову, нет их и в современных справочниках! Так что, требуя от меня «заменить травлеевщину» общепринятой в СССР номенклатурой, Вера Павловна Фирсова была в принципе права. Только и наименования почв на обследуемых мною участках лесонасаждений, и «биологический» (геологический, геохимический, биогеохимический и т.п.) круговорот», то есть по сути своей именно «биотический круговорот», ибо осуществляет его биота – комплекс живых организмов, никакого прямого отношения к предмету моих исследований – растительным выделениям не имели! «А ты не спорь, не спорь, а благодари и кланяйся!» – слышится мне успокаивающий голос моего хорошего старшего друга проф. Алексея Васильевича Штанько, который в ту пору заведовал кафедрой ботаники в Петрозаводском университете.

В те времена никаких компьютеров еще у нас не было. Текст диссертации печатался на пишущей машинке. Исправляемое слово разрешалось заклеить вырезкой из бумаги с верно напечатанным словом. Замечания, сделанные С.А. Мамаевым, могли быть «учтены» именно таким способом, а вот замечания В.П.

Фирсовой требовали перепечатки текста. Хорошо, что у меня к тому времени появилась личная пишущая машинка «Оптимa», а работать на ней я умел сам.

Завершая стажировку, я составил письменный отчет о ней, перепечатал его в нескольких экземплярах на пишущей машинке на кафедре ботаники в УрГУ, получил подписи руководителей в УрГУ и ИЭРиЖ. Заверяя мой отчет, проф. И.К. Киршин, внимательно прочтя текст, в котором я давал положительные оценки занятиям, каковые я посетил, попросил меня выступить с отчетом о стажировке на заседании кафедры. Я согласился. Явившись на это заседание, я застал молчаливых, настороженных преподавателей и сотрудников кафедры ботаники УрГУ. Они явно чего-то остерегались. Весёлым и приветливым был только Зав – Илья Кузьмич. Он предоставил мне слово. Докладывая о своей стажировке, я рассказал об изученной мною истории ботанических исследований в Свердловске, особо, – в УрГУ, охарактеризовал посещённые мною занятия преподавателей. И чем дольше я говорил, тем светлее, добрее, красивее и прекраснее становились лица моих слушателей, среди которых доминировали женщины. Закончил речь я под дружные аплодисменты. Илья Кузьмич был доволен. Он попросил у меня два экземпляра моего отчета: один – для кафедры, а другой – для ректора Уральского университета. Все, с кем я общался и в УрГУ, и в ИЭРиЖ, относились ко мне с явным дружелюбием.

Свердловск и его жители произвели на меня очень благоприятное впечатление: везде в городе чисто, опрятно, аккуратно и фундаментально красиво, в троллейбус пассажиры заходят в очередь, которая выстраивается еще на остановке. Однажды в гастрономе я занял очередь к прилавку, но, решив заглянуть в другой отдел, отошел на некоторое время. Вернувшись, я не нашел, за кем я стоял, и поэтому занял новую очередь. Вдруг ко мне подошла женщина и сказала: «Вы же занимали за мной». И повела меня в начало очереди. Другой раз, отстояв очередь в кассу, я впопыхах схватил чек, но не взял сдачу. И тут же раздался громкий призывной глас кассирши, догнавший меня уже далеченько от кассы в толпе покупателей.

Вернувшись из Свердловска домой, я интенсивно стал править текст диссертации. Прежде всего, тщательно проработав всю имеющуюся у меня литературу по почвоведению и «превратившись в почвовед», я составил наименования почв на моих пробных площадях. Затем съездил в институт «Волгогипрозем» и показал почвоводам результаты моего труда. Кое-где подкорректировав, специалисты-почвоведы подтвердили правильность представленной мною номенклатуры почв. Особенно я благодарен Юлии Константиновне Соколовой – зав. отделом почв института «Волгогипрозем»!

Оговорюсь, что вся эта работа по диссертации осуществлялась мною одновременно с множеством других многотрудных и ответственных дел: учебные занятия со студентами, руководство кафедрой, хоздоговорными изысканиями, курсовыми и дипломными работами и т.д. Тружусь, не покладая рук. И вот в конце апреля 1983 года я отправляюсь в Свердловск с начисто оформленной диссертацией, письмом ректора КуГУ проф. В.В. Рябова «О принятии к защите докторской диссертации Н.М. Матвеева» в адрес председателя спецсовета члена-корреспондента АН СССР В.Н. Большакова. Позвонив по телефону коменданту общежития Марии Алексеевне Жуковой, я получаю её подтверждение, что «все будет под контролем».

Прибыв в Свердловск, я явился к Владимиру Николаевичу Большакову и передал ему письмо ректора и диссертацию. Он велел мне представить ученому секретарю М.Г. Нифонтовой мои документы и сказал, что он передаст диссертацию для её окончательной оценки членам спецсовета. Когда всё будет готово, меня вызовут для доклада и окончательного решения вопроса о защите. Я сходил к Майе Гедальевне Нифонтовой и передал ей необходимые документы, повидался с П.Л. Горчаковским, С.Г. Шиятовым, Л.Ф. Семериковым, А.К. Махнёвым, С.А. Мамаевым, В.П. Фирсовой и попросил их по возможности скорее дать заключение о моей диссертации. Все воспринимали меня благожелательно, с пониманием, как уже хорошо знакомого человека. Это обнадеживало.

Вернувшись в Куйбышев, я с головой окунулся в круговорот дел: защиты курсовых и дипломных работ студентов, учебные и производственные практики, работа в экспедиции и др. С 1 сентября начался новый учебный год с его текучкой и хлопотами. Время неумолимо шло вперед, а из Свердловска никаких известий не поступало: «Терпи, казак! Атаманом будешь». На телефонные звонки В.Н. Большакову и М.Г. Нифонтовой – ответ: «Ещё не всё готово, ждите, вызовем!»

«Ленив и неповоротлив русский человек и не способен ни логически мыслить, ни последовательно действовать!» – это написал Иван Сергеевич Тургенев – величайший знаток человеческой природы. И хотя мне как русскому обидны сии слова, но отрицать их – аргументов нет. Лишь почти целый год спустя, меня, наконец, вызвали в Свердловск на заседание ученого совета ИЭРиЖ АН СССР, назначенное на 2 марта 1984 года. Появившись в институте, я сразу же интуитивно ощутил, что здесь что-то произошло: все ранее дружелюбные и приветливые сотрудники (П.Л. Горчаковский, С.Г. Шиятов, А.К. Махнёв, М.Г. Нифонтова и др.) как-то странно сторонились меня, здоровались, но тут же спешили уйти. В.Н. Большаков сказал мне, что моя защита сейчас состояться не может, так как срок действия спецсовета заканчивается, и поэтому мне надо ждать, пока ВАК утвердит новый состав спецсовета. Кроме того, поскольку у них в институте нет специалистов по аллелопатии, то мне надо найти двух докторов наук – аллелопатчиков. И если я хочу защищать свою диссертацию у них, этих докторов надо будет включить в состав совета. Я могу доложить свою работу Ученому совету, но с учетом сказанных обстоятельств. Диссертация моя находится у Л.Ф. Семерикова, и он выступит по ней рецензентом.

Из разговора с С.А. Мамаевым я узнал, что ВАК сделал спецсовету серьезные замечания по двум защищённым в нём диссертациям, поэтому и В.Н. Большаков, и его заместитель по спецсовету Л.П. Горчаковский «осторожничают». Кроме того, мне сказали, что П.Л. Горчаковский получил какое-то «нехорошее для меня» письмо от моих коллег по Куйбышевскому университету. Неужели опять «облом»? Держись, вятский лапоть!

Встретившись с Леонидом Филатовичем Семериковым, я с большим огорчением узнал, что он дает категорически отрицательную оценку моей диссертации, так как его не устраивает математическая обработка цифровых данных. И это было уже серьезно. Мои попытки объяснить, как и что я считал, встречались Леонидом Филатовичем «в штыки». Он заявил, что весь текст моей диссертации идеально правильный, нельзя оспорить ни одного научного положения или вывода, а вот цифры – никуда не годятся.

Л.Ф. Семериков считался в ИЭРиЖ непревзойдённым знатоком математики. В своей докторской диссертации, о чем я уже писал, он математически безукоризненно доказал, например, что листья дуба, хранящиеся в гербарии БИН АН СССР в Ленинграде и собранные в Ленинградской области, достоверно отличаются от листьев дуба в гербарии МГУ, собранных в Московской области, от листьев дуба в гербарии Института ботаники АН УССР, собранных в Киевской области и т.п. А посему и выводы сего математика: в пределах ареала (территории естественного произрастания) дуб черешчатый как вид неоднороден и распадается на подвиды и прочее. А теперь, милый мой читатель, давайте подумаем «без математических уловок», будут ли «крепко различны» по своим размерам листья одного и того же дерева дуба, если один из них мы срежем с нижней ветви, а другой – с верхней, или одну веточку с листьями срежем с южной стороны кроны дуба, а другую – с северной, одну веточку с 20-летнего, а другую – с 50-летнего дуба? Конечно же, они будут ой, как сильно! отличаться по размерам. А кто сказал, что листья в гербариях, собранные в разных частях ареала дуба и измеряемые гениальнейшим из свердловских математиков, взяты с идеально одновозрастных дубов, с одной и той же стороны света, с совершенно одинаковой высоты да еще и все эти дубы произрастали на абсолютно одинаковой по плодородию и увлажнению почве? Так что «играть» в математику, наверное, можно, но «заигрывать» не следует!

Встреча эта с Л.Ф. Семериковым произошла в конце рабочего дня, убедить его в моей правоте не удалось, и в общежитие я вернулся и возбужденный, и расстроенный. И хотя в Вятке бают: «Вяцки – парни хвацки, семеро одного бояцца!», но ведь я 15 лет прожил в запорожских краях Тараса Бульбы, а там – «труса не празднуют»! Великий князь руський – Святослав Игоревич, отправляясь «отмстить неразумным хазарам», открыто заявлял: «Иду на вы!» И решил я дать открытый бой в защиту своей работы, которой посвятил более 20 лет. Кроме того, не скрою, меня возмущало и то, что я – всю свою сознательную жизнь круглый отличник, постоянно работающий над собой, бесконечно повышающий свой образовательный уровень, поставлен в унижительную ситуацию «мальчика для битья». Нет, ребята, мы не пасём задних! Я заставил себя успокоиться, плотно поел, попил чайку и лёг спать.

Наутро, встав пораньше, я «набросал» развернутый план своего доклада на «токинских листочках», особо продумал свою «отповедь» Л.Ф. Семерикову и ответы на возможные вопросы. Затем я подгладил своё одеяние, «чтобы костюмчик сидел», плотно поел, «почистил клювик и перышки», выпил два сырых яйца для смазки горла (так делают певцы перед выходом на сцену) и, не торопясь, отправился заблаговременно «на поле битвы». Приехав в институт, я попросил открыть зал заседаний совета, развесил свои таблицы на «рамках книжки» (очень удобная стойка из поворачивающихся на единой оси деревянных рамок, на каждой из которых помещаются по две таблицы) и стал ожидать начала заседания Ученого совета, настраивая себя «на польскую дипломатию».

Зал постепенно заполнялся людьми, и их было много. Всем, по-видимому, было интересно понаблюдать «избиение младенца». Используя все известные мне эффективные приемы ораторского искусства, я изложил научные положения и выводы своей диссертации, привлекая таблицы «в книжке». Было очень много вопросов, на которые я ответил четко и исчерпывающе. Продемонстрировав ряд

таблиц, ответил и на «математические» вопросы Л.Ф. Семерикова, разъяснив принципы расчета цифровых данных, подчеркнув, что я их опубликовал в авторитетных Всесоюзных центральных журналах: «Биологические науки», «Лесной журнал», «Украинский ботанический журнал» и др.

Выступил рецензент Л.Ф. Семериков, который заявил, что цифровой материал оформлен мной с ошибками, но все научные положения и выводы работы правильные. С.А. Мамаев спросил его: «Как мог Матвеев правильно сформулировать выводы, если фактический материал неверен?» Леонид Филатович «развил» свою «математическую философию». В этом деле он явно был «дóка». П.Л. Горчаковский заявил, что сейчас диссертацию мою принимать к защите нельзя. Это можно сделать только после того, как ВАК утвердит новый состав спецсовета и для разовой защиты надо будет ввести в него двух докторов-специалистов по аллелопатии. Выступивший С.А. Мамаев сказал, что считает мою диссертацию хорошей, но цифровой материал следует откорректировать. На том и порешили. Никогда еще не приходилось мне проявлять столько выдержки, такта и ораторского изящества! Спасибо за науку, дорогой мой Учитель – Александр Люцианович Бельгард! Спасибо и Вам, незабвенный Андрей Михайлович Гродзинский, поучавший меня: «Докладывайте свою работу как можно больше и чаще! И не бойтесь! Пусть бьют! Чем больше и чаще бьют, тем проще пройдет защита диссертации!»

А итог таков. «Младенца избить» не удалось. Я не растерялся, не сник, не смолк, ни один вопрос не остался без моего немедленного, четкого и убедительного ответа, я был корректен, вежлив, внимателен, спокоен и без сомнения уверен в себе и в своей правоте. Но защита опять откладывалась на неопределенное время. Удивляла и «бесхребетность» некоторых членов совета, ещё вчера поддерживавших меня, например, Павла Леонидовича Горчаковского. Много лет спустя, когда я уже стал доктором биологических наук, Павел Леонидович при встрече на научной конференции признался мне, что на его тогдашнюю позицию сильно повлияло письмо от двух доцентов из Куйбышевского университета, один из которых работал со мной на нашей кафедре, а второй – на соседней кафедре, но оба они имели одну и ту же фамилию. А Л.Ф. Семерикову было «дано задание» найти в моей диссертации какую-нибудь такую «зацепку», чтобы можно было если не «отфутболить», то хотя бы «отодвинуть» её с защиты. Они сие «задание» выполнил добросовестно. И был он тогда секретарем парткома (КПСС) института. Увы, много имелось в ту пору такого рода «добросовестных» деятелей!

К слову, один из моих коллег по университету, пробыв членом парткома всю свою «доцентскую жизнь», перемазав, перецарапав, переломав судьбы множества людей (дюже ревностно выполнял «задания» начальства!), как только «убили СССР», на второй же день стал радостно возглашать: «Дамы и господа!» Ай, да «товарищ коммунист»! И невдомёк холую, что из «свинопасов» господа на Руси ещё никогда «не вырастали».

П.Л. Горчаковский в конце своей жизни стал академиком РАН. Он занимался разработкой проблем фитоценологии. В диссертационном докторском совете, в состав которого я вхожу, рассматривалась однажды крайне скороспелая (за три года), сырая и попросту позорная для настоящей науки докторская диссертация, в которой вместо фитоценологии «таилась» безграмотная физиология растений. Тем

не менее, будучи официальным оппонентом, академик! П.Л. Горчаковский дал на неё положительный отзыв. И, увы, не он один. Лаборатория одного из солидных институтов РАН дала на эту «наукopodobную стряпню» как ведущая организация отрицательный отзыв. Директор института сей отзыв утвердил своей подписью и печатью, но лично сам прислал на автореферат этой «липы» отзыв положительный! Измельчала «russia-нская» наука, ещё чуть-чуть и вовсе пересохнет.

По окончании заседания ученого совета ИЭРиЖ АН СССР ко мне подходили многие сотрудники, пожимали мою руку и говорили: «Молодец!» Побеседовал со мной и Станислав Александрович Мамаев, посоветовал сильно не огорчаться и не отступать, идти вперед, наперекор всему.

Вернувшись в Куйбышев, я написал письмо в Тарту, Кальё Михкелевичу Порку. Очень скоро пришло ответное письмо, в котором сообщалось, что мой славный эстонский друг умер (светлая Вам память, Кальё Михкелевич!). И тогда я купил билет и полетел самолетом в Таллин. Переночевав в гостинице аэропорта, я на следующее утро, добравшись до автовокзала, выехал автобусом в Тарту. Был конец апреля. Автобус летел по серой ленте шоссе, не встречая на своём пути никаких населённых пунктов, только то справа, то слева виднелись небольшие группы домов. Это были хутора, от шоссе к ним следовали асфальтированные дорожки.

В Тарту я прибыл во второй половине дня и, спросив дорогу, направился к университету. Навстречу то и дело попадались юноши и девушки в каких-то оригинальных и совершенно одинаковых фуражечках. Их было очень много. Как узнал позднее, это были форменные фуражки студентов Тартуского университета, который в этом городе определял всю жизнь. Скоро я дошел до центра, где на главной площади возвышалась древняя ратуша с часами на башне. Красивое старинное здание с колоннами занимал университет: Tartu Riiklik Ülikool. Зайдя в корпус, я спросил у вахтера, где мне можно найти проф. Х.Х. Трасса или проф. В.В. Мазинга. Вахтер сказал, что мне надо пройти в другой корпус, в ботаническом саду и, выйдя на улицу, показал дорогу.

Я довольно быстро добрался до ботанического сада, зашёл в корпус и, поднявшись по лестнице на 2 этаж, увидел дверь и табличку, на которой по-эстонски было указано, что это и есть кафедра геоботаники. Слова, написанные латинскими буквами, можно было легко перевести на русский. Открыв дверь, я попал в небольшой коридорчик, из него вели двери в три кабинета. Постучав в двери с табличками, на которых было написано «проф. Х. Трасс» и «проф. В. Мазинг», я убедился, что они закрыты. Тогда я дернул третью дверь и, войдя в комнату, поздоровался с находящейся в ней женщиной. Она поднялась и по-эстонски окликнула кого-то. Подошёл молодой мужчина и сказал по-русски: «Здравствуйте! Я буду Вам немножко переводить». Я спросил, как мне увидиться с проф. Трассом или проф. Мазингом и сообщил, что приехал с докторской диссертацией для защиты её в Тартуском университете. Выслушав меня, мужчина перевёл мои слова женщине по-эстонски. Женщина дала ответ. И мужчина перевёл мне по-русски, что профессора будут завтра во второй половине дня. Затем он спросил, где я устроился с жильём. Я ответил, что только приехал и ночевать мне негде, а в Тарту я впервые. Мужчина попросил подождать момент и, отойдя к телефону, переговорил с кем-то. Вернувшись ко мне, он протянул бумажку с записанным номером телефона и попросил меня позвонить по этому номеру ему

через час. «А, можно, я просто ещё раз зайду к Вам?» – спросил я. «Заходите», – ответил он.

Я вышел на улицу и осмотрелся. Рядом находился еще один 2-этажный корпус, оранжерея и совсем маленький ботанический сад. Узенькие тропинки вились среди деревьев, цветников, вздымаясь по спирали на невысокую горку. Затем я вышел за ограду и, пройдя по улице, увидел реку, оригинальный мост и набережную. Невысокие 2-3-этажные дома, узенькие улочки, чистенькие тротуары, аккуратные газончики...

Через час я возвратился на кафедру геоботаники, к эстоночке и моему благожелательному переводчику, который сказал следующее: «Вот Вам адрес (на бумажке написана улица, дом, квартира), здесь мы размещаем приезжих. Но коменданта, к сожалению, не будет до 17 часов. Поэтому Вам придётся подождать». «Конечно, это – ничего, – ответил я, – может быть мне надо где-то оплатить за проживание?» «Нет, – ответил мой нечаянный ангел-хранитель, – Вы просто придите по этому адресу после 17 часов и тогда всё решите с комендантом». Я поблагодарил доброго человека, попрощался и пошёл своей дорогой. С таким вниманием к себе я сталкивался впервые. Нигде такого нет, чтобы вас не просто спрашивали, устроились ли вы с жильём, а ещё и решали данный вопрос за вас. И это было добрым знаком. Часа два я походил по улицам центра, зашел в магазины, осмотрелся, запомнил, как идти к главному корпусу университета, к ботсаду, к ратуше, к автовокзалу, разыскал улицу 1 мая, на которой находился «мой дом», прошёлся по ней. Над рекой, стремительно падая к воде и выхватывая клювом рыб, летали чайки. Красивый, оригинальный пешеходный мостик с дугообразно нависающей аркой пересекал водную гладь.

Когда исполнилось 17 часов, я разыскал «мой дом». Это было большое современное 9-этажное здание. Зайдя в подъезд, я поднялся по лестнице к двери квартиры, номер которой значился в записке, и нажал кнопку звонка. Вышел мужчина. Я поздоровался и сообщил, что меня направили к нему с кафедры геоботаники. Он кивнул и повел меня этажом выше, открыл ключом дверь, и мы вошли в 3-комнатную квартиру. Комендант показал мне комнату, где я буду жить, и вручил ключ от входной двери, сказав, что этот ключ я могу носить с собой. Я спросил, где и как я могу оплатить мое проживание, на что он ответил: «В бухгалтерии, в главном корпусе университета». И он ушел.

Я умылся и, оставив свои вещички, пошёл на улицу. Надо было купить еды. Все вывески магазинов были на эстонском языке. Где что продается, пришлось выяснять практически. Скоро я попал в гастроном, где купил сыра, масла, холодца. Все было уже расфасовано и находилось в красивых упаковках, надписи – только по-эстонски. С трудом, но нашёл хлебный магазин, где купил серого (ржано-пшеничного?) хлеба. Запомнил: «Leib» – хлеб, «sai» – булка, «just» – сыр, «piima» – молоко. Вперёд, вятский сапог! А ещё будут: «Slaavi õlu», «Moskva õlu», «Meestele», «Naistele».

На другой день я застал на кафедре и проф. В.В. Мазинга, и проф. Х.Х. Трасса. Они оба полистали мою диссертацию и заявили: «Да, это – экология! Мы ее можем принять к защите». Председатель спецсовета проф. Ханс Хартмутович Трасс предложил: «Оставляйте диссертацию, я покажу ее нашим специалистам и через месяц мы вызовем Вас для доклада». Но, немного подумав, он добавил: «Николай Михайлович! Вы не будете против, если мы пригласим Вас

не в июне, а в сентябре? Время сейчас неудобное и у нас, и у Вас: экзаменационная сессия, защиты дипломных работ, учебные практики студентов». Вот так: деликатно, внимательно, оперативно! Конечно же, я с радостью согласился. Я записал телефоны почтеннейших профессоров, оставил им свой почтовый домашний адрес, кафедральный телефон. Мы поговорили, вспомнили с Виктором Викторовичем наше давнишнее пребывание на Звенигородской биостанции МГУ. И проф. В.В. Мазинг, и проф. Х.Х. Трасс произвели на меня потрясающее впечатление: ум, простота, доступность и никакой кичливости! Всё решено быстро и просто!

Я спросил своих хозяев, как мне проще уехать в Куйбышев. Оказалось, что через Тарту идет поезд из Таллина до Москвы. Мы тепло распрощались, и я отправился на железнодорожный вокзал. Решив задержаться на пару дней в Тарту, я купил билет на поезд с прямой плацкартой через Москву до Куйбышева, затем зашёл в главный корпус университета, оплатил в кассу за проживание в «гостевой квартире», отметил командировочное удостоверение. Теперь можно было детально познакомиться с Тарту.

Сей град был основан во времена Киевской Руси Великим киевским князем Ярославом Мудрым, как военная крепость и назван был Юрьев. С одной стороны град защищала река (ее нынешнее название – Эмайига, то есть мать (эма) – река (йига), небольшая пойма ее круто переходила в высокий и большой по площади холм (сейчас – холм Тоомемяги). Река впадает в Чудское озеро, на южном берегу которого – древний Псков, откуда в случае вражеской осады Юрьева могла прийти подмога.

Сейчас Тарту – второй по величине, после Таллина, город в Эстонии. Гордостью его является один из старейших в Европе университет, который в Российской империи возник вторым, после Московского. В Тартуском университете теперь работало 800 преподавателей, в том числе, – 120 докторов и 150 кандидатов наук, 13 академиков и членов-корреспондентов, 42 члена зарубежных академий и научных обществ, 70 – с почетными званиями. Ректор университета – Герой Социалистического Труда, член-корр. Академии педагогических наук СССР Арнольд Кооп.

Кроме университета, в Тарту находились также Эстонская сельскохозяйственная академия и институт зоологии и ботаники АН ЭССР. Город занимал оба берега реки, круто вздымаясь на холм Тоомемяги. Старинная часть города располагалась в относительно узкой пойме Эмайиги. Здесь размещалась главная площадь с ратушей, от которой по радиусам отходили узкие улочки со старинными 2-3-этажными домами. У реки эти улочки сливались в единую набережную. На холме Тоомемяги располагалось роскошное здание театра и импозантное строение огромной и великолепной библиотеки университета. Город хорошо ухожен и очень грамотно озеленен.

На центральных улочках много магазинов. Обычно они располагаются в небольших помещениях, на прилавке же всегда двое, а то и трое весов. Весы электронные и покупатель видит на табло, сколько ему надо платить. (В Куйбышеве такие весы в те времена практически отсутствовали, а в магазинах использовали весы с гирями). Если к продавцу выстраивается большая очередь, немедленно у соседних весов появляется еще один продавец. Когда вы подходите к продавцу, он говорит вам: «Palun» (палюн)». Сначала я не знал, что это означает, а

когда выяснил, приятно удивился. «Palun» по-эстонски – пожалуйста! Вы встречали в каком-нибудь российском городе, чтобы продавцы в магазинах обращались к вам ласковым словом «пожалуйста»? Ну, могут они сказать, например: «Что Вам?» Но, согласитесь, это уже не то!

Вернувшись в Куйбышев, я окунулся в текучку и круговорот дел, которых бывает так много в конце учебного года, а 24 июня пришло письмо из Тарту. Проф. Х.Х. Трасс сообщал, что хотел устроить слушание моего доклада по диссертации в июне, но не вышло. Диссертацию читают физиологи, лесоводы, экологи. Слушание намечается на 25-30 сентября. Вот так, русияне! Чувствуете разницу в подходах к делу между Киевом, Ленинградом, Львовом, Минском, Свердловском, с одной стороны, и эстонским Тарту – с другой? Знают ведь, что диссертант ждет, волнуется, переживает. У одних: «А ты благодари и кланяйся, еще кланяйся и еще кланяйся!», а другие думают: «Надо послать ему добрую весточку, пусть не беспокоится!»

Честно говоря, я очень боялся Эстонии, тянул, «резинил», откладывал даже саму мысль о возможности защиты в Тарту. Ведь очень широко распространено мнение о «ненависти» эстонцев к русским. Ну, скажите, как вятскому ботинку в Эстонию заявляться да еще нахалом на докторскую степень претендовать? А Раечка моя, украиночка милая, все твердила: «Едь, Коля, едь. Всё будет хорошо!» Письмо Ханса Хартмутовича Трасса свидетельствовало: начало хорошее!

И вот я получаю телеграмму: меня приглашают в Тартуский университет с докладом по диссертации на 9 октября 1984 года. Оформляю командировку, беру с собой письмо ректора КуГУ проф. Л.В. Храмкова в адрес председателя спецсовета при Тартуском университете «О принятии к защите докторской диссертации Н.М. Матвеева» и все необходимые иные документы, покупаю билет на поезд до Тарту через Москву. Еду. Вместо осточертевшего «ружья через плечо» с таблицами везу по согласованию с проф. Х.Х. Трассом набор диапозитивов в коробочке. Чудные негативные с голубым виражом диапозитивы (слайды) помогли мне изготовить Евгений Иванович Теньгаев и Валентин Григорьевич Терентьев (Спасибо, Друзья!).

В Тарту меня устраивают в общежитие (один в комнате), на следующий день в большой аудитории собирается спецсовет и заслушивает мой доклад по диссертации. Проф. Х.Х. Трасс предупреждает: «20 минут». Обычно на доклад по докторской выделялось до 40 минут, и это меня чуть-чуть смущает, но я быстро перестраиваюсь. В аудитории установлен большой диапроектор с очень яркой лампой. Мне помогает молодой человек. Диапозитивы смотрятся очень хорошо. Я отвечаю на множество вопросов. Как и положено по требованиям ВАК, выступают 3 доктора наук, ознакомившиеся с моей диссертацией, все они вручают мне свои отзывы. Главный из них – зав. каф. физиологии и биохимии растений, доктор биологических наук, профессор Хейго Йоханнесович Мийдла. Он будет моим оппонентом. Услышав о замечаниях, я сильно огорчаюсь: мне осточертело переделывать текст диссертации. Ведь это может длиться бесконечно. Ханс Хартмутович Трасс подводит итоги: учесть замечания.

В подавленном состоянии я возвращаюсь в комнату общежития. Сильно болит голова. Сплю плохо. Утром, проснувшись, умываюсь, завтракаю и иду, как договорились, к председателю совета проф. Х.Х. Трассу с решением отказаться от защиты: «Всё! Укатали Сивку крутые горки!» Ханс Хартмутович на кафедре. Он

приглашает меня в свой кабинет, усаживает на стул и, улыбаясь, спрашивает: «Как спалось, как настроение?» «Не защитить мне у Вас, видимо, диссертацию», – вымолвляю я. «Как, почему?» – восклицает он. И продолжает: «Знаю, Вы думаете, что мы, эстонцы, не любим русских, и Вы поэтому у нас не пройдете. Нет, это – не так. Недавно у нас защищалась эстонка, а совет проголосовал «против». Бывает, что и оппоненты и ведущая организация дают положительные отзывы, а совет голосует «против». И наоборот бывает: отзывы некоторые отрицательные, а наш совет голосует «за». Так что отставьте в сторону, Николай Михайлович, и свои страхи, и предрассудки. У нас диссертацию надо защищать и только – защищать! Это у Вас, в России, на защитах дифирамбы поют! У нас же надо по-серьезному защищаться!»

С большим удивлением слушал я этого человека. Он звал к победе над слабостью, малодушием, будил надежду. «Вот так, Николай Михайлович! Сдайте все Ваши документы ученому секретарю Эви Харальдовне Паду, выясните у проф. Х.И. Мийдлы, что вам надо поправить в тексте. Когда все выправите, пришлите диссертацию или привезите, покажите Х.И. Мийдле. Если он согласится с вашей правкой текста, то вчерашнее заседание мы оформим как ваше представление диссертации к защите. Слушать Вас теперь будем только на защите», – завершил проф. Х.Х. Трасс. Каково? Никакой «резины»! Все четко, ясно, по-деловому!

И воспрявший духом «избитый младенец», попрощавшись, пошел к ученому секретарю спецсовета Эви Харальдовне Паду в соседний корпус, на кафедру физиологии и биохимии растений. Там же работал и Хейго Иоханнесович Мийдла, но, как выяснилось, он будет к вечеру. А Эви Харальдовна, записав адреса моих намечаемых оппонентов – Василия Петровича Иванова и Михаила Андреевича Голубца, а также – ведущей организации (БИН АН СССР) и мои собственные координаты, направила меня к ученому секретарю Тартуского университета – Ирене Иогановне Маароос.

В главном корпусе университета, на втором этаже я разыскал ученого секретаря – Ирене Иогановну. Это оказалась удивительно приветливая и бесконечно добрая старушка, невысокая и седовласая. Внимательно выслушав меня, она просмотрела все мои документы и приняла их. Оговорюсь. Наученный горьким опытом своих бесконечных странствий по городам СССР и будучи совершенно неуверенным в успехе на эстонской земле, я привез в Тарту не подлинники документов (тогда это был первый лист закладки в пишущую машинку), а их копии, причем, третью или четвертую закладку под копирку. Нигде в России их бы не приняли! Если бы, например, кто-то вручил такие «документы» ученому секретарю КуГУ Г.И. Щербаковой, то, уверен, пережил бы такое, что и до конца дней своих не забыл бы! Ирене Иогановна, принимая мои «копии», лишь вымолвила: «Только это надо потом...» «Заменить подлинниками», – подсказал я. «Да, да, потом!» – произнесла с красивым эстонским акцентом эта милейшая и достойнейшая женщина. Она попросила меня написать на листе бумаги имена и адреса моих оппонентов, ведущей организации, а также – все мои координаты. Всё сложила в отдельную папку и сказала мне: «Всё у Вас будет хорошо!» И вымолвлено это было так ласково и приветливо, будто сама моя мать посылала мне своё благословение с того света.

Во второй половине дня я встретился с Хейго Иоханнесовичем Мийдлой. Он достал мою диссертацию и запись замечаний к ней и сказал следующее:

«Диссертация переплетена. Пусть так останется. Из моих замечаний надо учесть только одно: покажите, как Вы делали расчёты. Надо дать формулы, используемые для расчётов, и для примера рассчитать несколько цифровых показателей. Оформить 2-3 страницы и как-то вклеить их в диссертацию словно приложение. Больше ничего. А эти мои замечания, другие все я включу в свой отзыв. А Вы защитите свою работу!» «Надо Вам поглядеть, как это сделала Долгова из Днепропетровска. Она у нас защищалась!» – добавил сей мудрый человек.

Господи! Как по-доброму поступают со мной эти люди! А я-то уже и малодушничать пустился! Да! Но если «вячки парни – хвацки: семеро одного бояща», то я-то ведь из вятских всего один, а не семеро! Тут и подрожать трошки можно, тем более – втихаря, про себя, а морду надувать красную, пузырястую.

Я спросил Хейго Иоханнесовича, как мне попасть в библиотеку, а он ответил, что надобно обратиться к проф. Х.Х. Трассу. Я попрощался с почтеннейшим профессором и отправился на кафедру геоботаники. Ханс Хартмутович оказался на месте. Выслушав мою просьбу, он дал задание сотруднице напечатать письмо в библиотеку, и я направился на холм Тоомеяги по ступеням высокой и длинной лестницы.

Библиотека Тартуского университета была поистине великолепна. Читальный зал располагался на верхнем этаже. Свет поступал не только из окон, но и сверху: крыша была стеклянной. Подойдя к стойке, я подал библиотекарше письмо от проф. Х.Х. Трасса. Девушка помогла мне найти в каталоге сведения о диссертации Л.Г. Долговой, а также – заполнить нужный формуляр. И вот я держу в руках 2 тома. Один из них – приложения. Внимательно просматриваю текст, нахожу то, о чем рассказывал Хейго Иоханнесович, «малюю» пометки в блокноте. Всё ясно! Решаю, что оформлю отдельным томиком приложение, в котором не только приведу использованные математические формулы и примеры статистических расчетов, а вообще все статистические величины. Нельзя давать повод Л.Ф. Семерикову и ему подобным сомневаться в правильности моего цифрового материала!

Накупив в магазинах сыра и масла (колбасы почему-то нет) и заполнив ими рюкзак, возвращаюсь поездом через Москву домой, в Куйбышев. И опять хлопоты и заботы – учебные занятия, хоздоговорная работа и многое-многое другое. Оперативно оформляю приложение к диссертации, большую помощь мне оказывают в этом деле Валентин Григорьевич Терентьев, Наталья Владимировна Прохорова, Людмила Михайловна Кавеленова. Спасибо Вам, милые мои люди!

В начале апреля 1985 года я снова в Тарту. Показываю сделанное приложение проф. Х.И. Мийдле. Он соглашается с ним. Замечаний нет. 16 апреля спецсовет Тартуского университета принимает мою диссертацию к защите, утверждает оппонентов и ведущую организацию, разрешает печатание автореферата. Ирене Иогановна Маароос вручает мне документы для опубликования в типографии автореферата и письма для оппонентов и ведущей организации.

Возвратившись в Куйбышев и окунувшись в омут текучки и неотложной работы, я всё же, максимально организуясь, изготавливаю и получаю из типографии тираж напечатанного автореферата, отправляю его почтой вместе с двумя томами диссертации и приложения официальным оппонентам: А.М. Голубцу во Львов и В.П. Иванову в Москву и в последней декаде мая лечу в Ленинград. Там я встречаюсь с В.Г. Карповым и сменившим его на посту

заведующего лабораторией фитоценологии В.И. Василевичем. Вручаю им диссертацию, автореферат, официальное письмо ректора Тартуского университета проф. А. Коопа от 19 апреля 1985 года, предварительно зарегистрировав его в канцелярии БИН за №1 от 23 мая 1985 года. В.И. Василевич отписывает его: «В.Г. Карпову. Подготовить отзыв». Ю.В. Титова нет, он в экспедиции. Ни В.Г. Карпов, ни В.И. Василевич не выражают негативного отношения ни ко мне, ни к моей диссертации. Все складывается хорошо. В.Г. Карпов рекомендует мне отправить почтой (адрес даёт) автореферат Ю.В. Титову вместе с формой нужного мне отзыва (её я взял у ученого секретаря БИН Г.В. Делле). «Пусть Титов напишет отзыв, а я его откорректирую и подпишу», – заявляет он. Я уезжаю в Куйбышев и в точности выполняю поручения В.Г. Карпова.

Ответа от Ю.В. Титова нет, но я не тревожусь. Ведь ни В.Г. Карпов, ни В.И. Василевич не отказывались дать отзыв на мою диссертацию. Но мой злой рок не дремал! Что-то вершилось: то ли свердловчане, не сумевшие примерно «избить младенца» под аккомпанементы Л.Ф. Семерикова, то ли мои «заядлые» «Друзья» с кафедры что-то «нашептали-написали», увы, не ведаю. А только уже 10 июля, то есть спустя всего лишь полтора месяца после данного мне «глаза в глаза» согласия на положительный отзыв о моей диссертации, Владимир Григорьевич Карпов отправляет в Тарту, в адрес ученого секретаря Э.Х. Паду письмо, в котором отказывается дать положительный отзыв на мою диссертацию. Меня же сей «ученый муж» ни о чём не оповещает. «Ленинградец» – называется! Даже честно плюнуть в глаза не может! И кому? Вятскому лапотошнику. Ай, да герой! Даже полистать (не прочесть!) диссертацию ленится: «Пусть Титов ... А я – подпишу!» Да любая диссертация содержит какие-то (много, мало) новые знания! А эти заевшиеся «чудо-юдо»-деятели ничего больше знать не желают. Учен...ые – с 10 «н» в одном слове! Знают только свои «сверхгениальные труды», но и те не помнят, где опубликованы!

Я же об этом бесчестном поступке В.Г. Карпова узнаю лишь в конце сентября из письма Э.Х. Паду. Что же делать? И опять я лечу в Ленинград. Из аэропорта «Пулково» следую прямо на дом к Ю.В. Титову (прости за беспокойство, Друг!). Он, слава Богу, на месте. Две ночи я прожил у него. В лаборатории фитоценологии у него прав мало. Но человек он, без сомнения, честный. Мы составляем на 2 страницы отзыв, положительный, с «заумнофитоконкурентными» замечаниями. На следующий день отправляемся в БИН, где Ю.В. Титов перепечатывает отзыв на машинке, заделывает подпись В.Г. Карпова и подписывает его сам. В.Г. Карпов в отъезде. Ю.В. Титов устраивает меня в гостиницу БИН, так как уезжает в командировку, и пишет В.Г. Карпову письмо такого примерно содержания: «Надо дать Матвееву отзыв на диссертацию. Уже поздно что-нибудь менять. Василевич настаивает на Вашей подписи под отзывом...»

Я много дней жду возвращения В.Г. Карпова в Ленинград. Нет худа без добра! Используя сложившуюся ситуацию, посещаю и внимательно знакомлюсь со старинными парковыми ансамблями в окрестностях Ленинграда: Гатчина, Павловск, Пушкин и др. Наконец, приезжает В.Г. Карпов. Я вручаю ему письмо Ю.В. Титова и подготовленный для его подписи отзыв на мою диссертацию. «Ученый муж» сатанеет от злости, плебейским 16-этажным матом «кроет» Титова. Я показываю ему письма ко мне, в которых он давал согласие поддержать меня.

Это ещё больше «бесит» этого типа. Никогда в жизни я не встречал столь позорного поведения! Называется: ученый да еще и ленинградец!

Заходит в кабинет В.И. Василевич и прямо при мне обращается к В.Г. Карпову: «Ну что? Какой мы отзыв ему даём: положительный или отрицательный?» Я вставляю: «Да Вы хотя бы диссертацию-то мою сначала почитали!» «А мы сначала решим, положительный или отрицательный отзыв даем. Потом будем думать: читать или не читать!» – отвечает сей выходец из Котельнича (и такие «грибы» в Вятской земле растут!). «Отрицательный», – мямлит В.Г. Карпов. «Решено. Даём отрицательный отзыв!» – заключает В.И. Василевич и выходит вон. «Ну что ж, Владимир Григорьевич, – говорю я Карпову, – неужели Вам, ленинградцу, не стыдно? Вы целых семь лет «мурыжили» меня, убаюкивали обещаниями дать положительный отзыв на диссертацию как от ведущей организации, «распевались» в этом же полтора месяца назад, а сейчас предаете меня, подводите совет Тартуского университета, мерзко позорите и себя, и БИН. Нет, Владимир Григорьевич, Вы не достойны зваться ни мужчиной, ни, тем более, – ленинградцем!» Он начал говорить о том, что он не специалист по аллелопатии, что в БИНе никто аллелопатией не занимается, что мне надо сменить ведущую организацию на другую, где занимаются аллелопатией. «Хорошо, – заявил я, – можете Вы всё то, что сейчас сказали, написать председателю спецсовета в Тартуский университет?» «Конечно», – явно обрадовался он. «Как написать?» – переспросил Карпов. Он взял лист бумаги, и я помог ему сформулировать нужные мысли. «Сегодня же отправлю», – заверил меня В.Г. Карпов. На этом мы и расстались.

Добравшись до междугороднего телефона-автомата, я связался с Тарту, с Ирене Иогановной Маароос. Рассказал ей о моих затруднениях и совершенно неожиданно услышал в ответ, что ничего страшного со мной не произошло. Такое уже бывало и неоднократно. «Надо поскорее найти другую ведущую организацию и сообщить об этом проф. Х.Х. Трассу. Спецсовет переутвердит Вам ведущую организацию», – успокоила меня Ирене Иогановна. «А как же исправить это в автореферате?» – спросил я. Ответ: «Зачеркните старую и впишите новую организацию да и все!» Итак, «спасение утопающих – дело рук самих утопающих»!

Вернувшись в Куйбышев, я связался по телефону с Борисом Ивановичем Якушевым и спросил, не может ли возглавляемая им лаборатория экологии растений при Институте экспериментальной ботаники АН БССР выступить ведущей организацией по моей диссертации. Борис Иванович дал согласие. На всякий случай я созвонился еще и с проф. О.А. Тарасовым (Саратовский университет) и также получил положительный ответ. После этого я написал письмо проф. Х.Х. Трассу, объяснил сложившуюся ситуацию и попросил вместо БИН АН СССР утвердить ведущей организацией по моей диссертации или Институт экспериментальной ботаники АН Белоруссии, или Саратовский государственный университет. Через несколько дней из Тарту пришла телеграмма от Э.Х. Паду, в которой сообщалось, что спецсовет утвердил в качестве ведущей организации Институт экспериментальной ботаники АН БССР. И это было 28 ноября 1985 года. Прошло всего лишь 10 дней, как я отправил свое письмо проф. Х.Х. Трассу, а вопрос мой уже решен и без проволочек, и без выяснения «околонаучных обстоятельств». Возможно ли такое в России или на Украине? Уверяю, что нет, не возможно! Ведь «перепугало» же что-то В.Г. Карпова: не эти

ли «околонаучные обстоятельства», а, попросту говоря, – сплетни обывателей, коих хватает и среди нас – ученых.

Теперь мне надо было внести исправления на обложку автореферата. Просто зачеркнуть одну ведущую организацию и вписать от руки другую, как советовала И.И. Маароос, как я понимал, нельзя: «обывательские инстинкты» будить не следует! Сначала я попытался внести необходимые изменения с помощью ксерокса, но аппарат этот было очень трудно найти и качество обложки очень сильно страдало. И тогда я стал искать ротапринт. Меня выручил начальник Приволжского управления по гидрометеорологии и охране окружающей среды Юрий Тимофеевич Желтиков, который «организовал» изготовление новой обложки моего автореферата на ротапринте (спасибо Вам, Дружище!). Мне же осталось только заменить на всех авторефератах старую обложку на новую, что я оперативно и проделал. Подчеркну, что все эти «нервотрепические события» совершались не сами по себе, а в сложнейшем круговороте учебной, научной, организационной и большой общественной работы, которая сопровождала жизнь преподавателя и заведующего кафедрой советского ВУЗа.

28 ноября 1985 года пришла телеграмма из Тарту от ученого секретаря Э.Х. Паду: «Сообщите срочно: можете ли Вы и оппоненты защитить 13 февраля?» Связываюсь по телефону с М.А. Голубцом и В.П. Ивановым, получаю их согласие, сообщаю Эви Харальдовне, что можно назначать мою защиту на 13 февраля 1986 года.

К этому времени я, слава Богу, завершил «обновление» автореферата, но теперь на его замененной обложке нет подписи ученого секретаря. В начале января 1986 года отправляюсь поездом в Тарту через Москву, чтобы разослать автореферат по списку адресов, утвержденному спецсоветом. Пробыл я в Тарту с 9 до 12 января. Подписал конверты, Эви Харальдовна Паду поставила свой автограф на обложках автореферата. Пакеты я отнес и сдал на почту. Причем, мне пришлось буквально уговаривать Ирене Иогановну Маароос, чтобы она позволила мне отнести пакеты с моим авторефератом на почту. «Мы сами это сделаем», – говорила она. Где в России или на Украине такое бывает? У нас, в Самарском университете, например, чиновница, выполняющая функции Ирене Иогановны, «пéдовка» по воспитанию, «гоняет» соискателя как «Сидорова козла»!

Взяв напоследок письмо от спецсовета в адрес ведущей организации, я повез поездом Таллин – Минск свою диссертацию в Институт экспериментальной ботаники АН БССР. Из Минска через Москву я вернулся в Куйбышев. Все. Выхожу на финальную прямую. Однако стоп, вятский лапоть, не спешите!

21 января 1986 года почта принесла мне из Львова письмо от М.А. Голубца, а в нем: «Вы меня подвели... Непорядок с цифровым материалом... Диссертацию надо отозвать, переделать... Отзыв отправил в Тарту...» Следом получаю письмо от Ю.Н. Чернобая, который сообщает, что Михаил Андреевич Голубец положительно все время отзывался о моей диссертации, но вдруг, совершенно внезапно резко изменил свое мнение. Что на него так повлияло, – непонятно. Юрий Николаевич писал, что отступать мне не следует, надо стоять до конца, а если я буду аргументировано и убедительно защищать оспариваемые положения, то М.А. Голубца можно переубедить. Пришел по почте и сам отзыв оппонента. В нем чуть ли не «слово в слово» «математическая философия» Л.Ф. Семерикова: «Положения и выводы верные..., но беспорядок в цифровом материале...,

диссертацию надо выправить...» Вот откуда ноги растут! Не оттуда ли они и до В.Г. Карпова доросли? Хорошо, что я сделал основательное приложение к диссертации со всеми статистическими показателями (спасибо, Хейго Иоханнесович, что надоумили меня на это!). В Тартуском университете работает проф. Т.Э.А. Фрей – знаменитый на всю нашу страну (СССР) специалист по биологической математике. Он – член спецсовета. И теперь он обязательно посмотрит и оценит мою диссертацию: что в ней верно, а что – не верно. Держись, Вятка всмятку!

Закончился учебный семестр, прошла зимняя экзаменационная сессия, наступил февраль, впереди – «крутая горная вершина» в моей судьбе. «Густые заросли терновника» – внизу, а вверху – «острые, режущие скалы обрывистого утеса»: можно порезаться или, упав, покалечиться.

5 февраля я выехал поездом через Москву в Минск, чтобы забрать отзыв ведущей организации. Б.И. Якушев сработал очень четко и ответственно: и отзыв, и диссертация уже отправлены почтой в Тарту. Но один экземпляр оформленного отзыва Борис Иванович мне все же вручает. Это хорошо. Бывает и часто, что ко дню защиты не поступают почтой необходимые документы. Поездом Минск – Вильнюс – Рига – Таллин я еду в Тарту. На место, в Тарту, я прибыл ранним, очень морозным утром. Еще темно. Пришлось зайти в вокзал.

Дождавшись начала рабочего дня, я явился к ученому секретарю университет И.И. Маароос, которая дала мне направление для поселения в общежитие и все поступившие на диссертацию и автореферат отзывы. Отзывы ведущей организации, оппонентов проф. Х.И. Мийдлы и проф. В.П. Иванова были положительными с замечаниями. Отзыв же оппонента, члена-корр. АН УССР А.М. Голубца был мне уже знаком. В нем содержались сумбурные, расплывчатые замечания относительно математических расчётов, а в заключении отмечалась необходимость доработки диссертации. «Не достоин, не заслуживает» и т.п. не было. Ирине Иогановна, подавая этот отзыв, сказала мне примерно следующее: «Николай Михайлович, не обращайтесь слишком большого внимания на это, защищайтесь, не бойтесь, наш совет привык уже получать такое». Не знал я ещё тогда, что в это же самое время один доцент моей кафедры добивается от декана и ректора, чтобы телеграммой в Тарту отменить мою защиту, а другой – сидит на кафедре ботаники в пединституте и упрощает, чтобы написали и послали в спецсовет отрицательный отзыв на автореферат моей диссертации. Ну как тут не вспомнить великого Михаила Васильевича Ломоносова, который восклицал: «Эх, россияне, почто аки волки друг друга сожираем?!»

Отзывов на автореферат поступило много и все они были положительными. Заслуженный деятель науки РСФСР, доктор сельскохозяйственных наук, профессор Протопопов прислал отзыв телеграммой из Красноярска. Среди авторов отзывов было 17 докторов (Г.Г. Баранецкий, А.О. Тарасов, И.Н. Рахтеенко, А.П. Травлеев, В.И. Белоус, А.Л. Бельгард, А.В. Штанько, Г.М. Зозулин, В.Д. Рощина, Г.П. Солопов, Г.В. Шишкану, А.Л. Лыпа, И.А. Добровольский, Н.Ф. Санаев, В.К. Мякушко, Юхимчук, Н.А. Кохно) и 17 кандидатов (В.В. Чумаков, С.Г. Коваленко, В.А. Киртока, П.И. Мороз, Г.И. Анциферов, И.И. Попивший, А.П. Генев, М.В. Трус, А.И. Золотухин, Г.Е. Жамба, М.И. Гузь, В.М. Гайдамак, С.И. Галкин, В.И. Шанда, В.К. Левин, А.С. Спахова, П.А. Мороз) наук.

Нанес я визит Х.И. Мийдле. Он был очень озабочен отрицательным (по сути) отзывом М.А. Голубца и начал склонять меня к отказу от защиты. Этот умный и в высшей степени деликатный человек явно волновался. Я ответил ему, что меня вдохновляют многочисленные, со всех уголков СССР положительные отзывы на автореферат и хороший отзыв от крупнейшего в нашей стране специалиста по аллелопатии, оппонента В.П. Иванова да и от него, Хейго Йоханнесовича, – тоже. Я буду защищаться. Терять же мне нечего! Но в душе моей всё же «шевелилась» тревога.

Я интенсивно продумывал и готовил на «токинских листочках» ответы на замечания оппонентов и авторов отзывов на автореферат, оттачивал свой доклад, чтобы всё нужное сказать, уложившись в 20 минут. Иллюстративный материал был в форме диапозитивов (слайдов), о диапроекторе я договорился. В день защиты утром я встретил на железнодорожном вокзале прибывшего из Москвы В.П. Иванова. Я привел его в свою комнату в общежитии. Прочтя отзыв М.А. Голубца, Василий Петрович возмутился и сказал мне: «Николай Михайлович, не сдавайтесь, я буду защищать Вас!»

Затем он прилег на кровать отдохнуть, а я с удвоенной энергией начал тщательно готовиться к неоспоримой аргументации своей правоты по замечаниям М.А. Голубца. Он из Львова летел самолетом до Таллина и в Тарту должен был приехать автобусом из аэропорта к началу заседания спецсовета, назначенному на 15 часов. То, что он всё-таки прибывал, вселяло надежду. Дважды прочёл мою диссертацию, причём очень добросовестно, тщательно, сделал умные, дельные замечания, которые я учёл, и он, с моей правкой согласившись, рекомендовал работу к защите, решив выступить по ней оппонентом, и вдруг «запел под дуду Семерикова»! Нет, вся надежда на проф. Фрея! Гениальному проф. Фрею диссертационный совет вместо кандидатской сразу присвоил степень доктора наук!

Защита моей диссертации проходила в большом актовом зале на втором этаже старинного главного корпуса университета. Высокий потолок, огромные закругленные вверху окна, на стенах портреты ученых Тартуского университета. Здесь работали знаменитые академик К. Бэр, профессора Н.И. Кузнецов, И.М. Сеченов и др. В зале П-буквой установлены столы, за которыми сидят члены спецсовета. Председатель, ученый секретарь, официальные оппоненты располагаются «на вершине П-фигуры», которую венчают два небольших флага – СССР и Эстонской ССР. Здесь же, с краю, находится кафедра для соискателя. Установлен и диапроектор, который обслуживает симпатичный молодой человек.

Сопровождаемый демонстрацией диапозитивов мой доклад длился 20 минут. Слушают меня очень внимательно. Затем я отвечал на многочисленные вопросы членов спецсовета, среди которых были: доктора Ярвикюльг, Фрей, Каламэс, Рейнтам, Трасс и др. Данная процедура длилась полтора часа. На все задаваемые мне вопросы я дал исчерпывающие ответы, в том числе, – и на вопросы выдающегося в СССР, легендарного биолога-математика, проф. Т.Э.А. Фрея. Он моими ответами был удовлетворён. А это значило, что «математическая философия» Л.Ф. Семерикова не имела отныне для меня и моей диссертационной работы никакого «смущения». Кстати, выступая официальным оппонентом по докторской диссертации Г.С. Розенберга – математика по образованию, проф. Т.Э.А. Фрей дал отрицательный отзыв. Геннадий Самуилович защитил свою докторскую в спецсовете Тартуского университета успешно, но это

свидетельствует о строгости проф. Т.Э.А. Фрея. Поэтому его согласие с моим «цифровым материалом» дорогого стоит.

Затем я ответил на замечания, содержащиеся в отзыве на диссертацию ведущей организации и в отзывах на автореферат. Из официальных оппонентов первым выступил член-корр. АН УССР, доктор биологических наук М.А. Голубец. Отзыв свой он читать не стал, а детально проанализировал последовательно все главы диссертации, причем, весьма и весьма благожелательно, остановившись при этом на своих замечаниях. Михаила Андреевича удивляло то, что напряженность аллелопатического режима, определяемая мною по суммарному содержанию биологически активных веществ в подстилке и почве лесонасаждений, сильно колеблется по годам, изменяется через каждые 10 дней. Он считал недопустимым выражать ее в форме среднеарифметической величины за 3 года. Утверждал, что это грубо и недостоверно. Заключение же Михаил Андреевич так: «И все это привело меня к тому, что я не мог дать безоговорочно положительного отзыва. Поэтому мой окончательный вывод такой. Если диссертант даст удовлетворительные ответы, то я поддержу ему присвоение ученой степени доктора».

В своем ответном выступлении я, останавливаясь последовательно, аргументировано отвечал на одно замечание за другим. Я сослался на приведенный мной статистический материал в приложении, оформленном по подсказке проф. Х.И. Мийдлы, а в отношении аллелопатического режима и его среднегодового выражения привел аналогию с использованием метеорологами и географами таких величин как среднемесячная, среднегодовая температура воздуха и количество атмосферных осадков. Количество атмосферных осадков колеблется от нуля до положительных величин, как и изучаемая мною напряженность аллелопатического режима. И если рассчитать различия в атмосферных осадках за год между Архангельской и Астраханской областями по правилам вариационной статистики, то окажется, что они не достоверны. Но разве кто-то сомневается в том, что в северной тайге климат влажный, а в полупустыне засушливый. Я привез с собой расчеты достоверности различий среднегодовой температуры воздуха в г. Калинин (Тверь) и г. Ростове-на-Дону, выполненные на ЭВМ (как хорошо, что по настоянию нашего проректора Александра Александровича Мартынова я вместе с другими преподавателями КуГУ прошел тогда обучение на соответствующих курсах!). Это убедительно свидетельствовало в мою пользу: о напряженности аллелопатического режима можно судить по его средней величине. Сказал я, конечно же, и о том, что коль скоро оппонент принимает за правильные мои научные положения и выводы, а сделаны они на основе моих фактических материалов, то как же тогда можно данные материалы считать не достоверными.

Председатель совета проф. Х.Х. Трасс предоставил слово М.А. Голубцу, который повторил, что он в основном удовлетворён моими ответами, но замечания его следует учесть при написании научной монографии.

Затем выступили оппоненты: старший научный сотрудник Института физиологии растений АН СССР, доктор биологических наук В.П. Иванов и доктор биологических наук, профессор Х.И. Мийдла. Их отзывы были положительными. Я ответил на содержащиеся в данных отзывах замечания легко.

В дискуссии приняли участие проф. Мийдла, проф. Рейнтам, проф. Трасс и приехавший из Киева Павел Антонович Мороз. Они дали положительную оценку моей диссертационной работе. Проф. Рейнтам в частности сказал: « ... такие

работы могли бы претендовать на еще большие награды – Нобелевскую премию и прочее, на которую, конечно, подобная тема и могла бы претендовать...»

Из 14 членов спецсовета, присутствовавших на этом заседании, никто не выступил и не проголосовал против, один бюллетень в урне оказался недействительным, а 13 человек проголосовали за присуждение мне ученой степени доктора биологических наук по специальности «Экология».

Завершая заседание, проф. Х.Х. Трасс сказал: «Уважаемый диссертант, как Вы видите, наш совет почти единогласно пришел к выводу, что Вы заслуживаете носить высокое звание доктора биологических наук. Я думаю, что мы все довольны таким решением и потому, что мы увидели, насколько Вы глубоко любите свою науку, как вы отдаете все силы для того, чтобы разрешить сложные проблемы экологии из области аллелопатии. Тем более, что аллелопатия действительно такая отрасль, которая трогает и нас. Вы уже назвали имя покойного Порка, который рано ушел от нас, но многое сделал, чтобы разрабатывать сложные проблемы аллелопатии. От имени совета и от себя желаю Вам всяческих успехов в дальнейшей работе!»

Одна «веселая» деталь. Когда, завершив свой доклад по диссертации, я сел на стул, стоящий перед кафедрой, председатель совета проф. Х.Х. Трасс сказал мне: «Нет, нет, теперь Вы должны стоять. Так у нас привычно». При сильном волнении и напряженных ответственных размышлениях у меня в ту пору начинала болеть голова, поэтому в кармане у меня находилась упаковка с анальгином. Почувствовав нарастающую боль в голове при ответах на вопросы, я тихонько выдавил таблетку и, слегка отвернувшись, проглотил ее. Это не осталось незамеченным. И когда вопросы ко мне иссякли, проф. Х.Х. Трасс предложил мне сесть и в дальнейшем внимательно следил, чтобы я больше сидел, а не стоял. Наверное, он подумал, что у меня «пошаливает сердце». Так что в истории Тартуского университета я явился первым «сидящим соискателем». Ай, да Вятский лапоть!

По окончании заседания спецсовета я столкнулся в раздевалке с М.А. Голубцом. «Спасибо Вам большое, Михаил Андреевич!» – обратился я к нему. «За что? Я же выступал против Вас!» – удивился он. «Все равно – спасибо, Вы мне очень помогли», – сказал я ему. Мы пожали друг другу руки и расстались: Михаил Андреевич спешил на автобус до аэропорта, он возвращался во Львов. Сразу же уехал и В.П. Иванов, которого я проводил на железнодорожный вокзал к московскому поезду. Василий Петрович оставил мне два привезенных им из Москвы знаменитых в ту пору торта «Птичье молоко». Он думал, что будет банкет, но таковые были тогда категорически запрещены ВАКом. Проф. Х.Х. Трасс на мое предложение о банкете отчаянно замахал руками и сказал, что это никак нельзя.

Торты я через день отнес на кафедру к проф. Х.И. Мийdle. Он сначала категорически отказывался их принять, но я сказал, что пусть они на кафедре попьют чайку, и дело решилось. П.А. Мороз тоже сразу же ушел на автовокзал и уехал из Тарту. Явившись на следующий день к Ирине Иогановне Маароос, я услышал от нее, что могу ехать домой, протокол и все иные документы по моей защите они сделают сами. Но я сказал ей, что нахожусь в Тарту в оплачиваемой командировке и хотел бы помочь ей. Тогда Ирине Иогановна направила меня в лингфонный кабинет в соседнем корпусе, где, оказывается, записывали на магнитофон мою защиту (в зале совета ни микрофонов, ни магнитофонов я не

видел). Она предупредила, что мне надо очень точно записать на бумагу абсолютно всё с магнитной ленты, так как ВАК их строго проверяет.

Купив в магазине толстую общую тетрадь, я несколько дней тщательно переписывал в неё всё, что было записано на большой магнитофонной катушке. Затем я уговорил Ирене Иогановну позволить мне напечатать протокол заседания совета, на что она согласилась: «Наши люди плохо знают русский язык, могут что-нибудь и перепутать». Надо было найти пишущую машинку с русским шрифтом. В этом мне помогла Эви Харальдовна Паду. Она нашла на своей кафедре физиологии и биохимии растений старую, неиспользуемую, но исправную машинку. Купив в магазинах флакон одеколона, ваты и зубную щётку, я тщательно вычистил шрифт, все детали и корпус машинки. Бумага и копирка были мной привезены из Куйбышева.

Мне отвели рабочее место за отдельно стоящим столом на кафедре физиологии и биохимии растений, и я начал трудиться. Утром, позавтракав в общежитии (хлеб, сыр, холодец, масло, молоко), я к началу рабочего дня уже стоял перед дверью на кафедру. Едва первый пришедший сотрудник открывал эту дверь, я следовал к своему столу и трудился до 12 часов, когда на кафедре появлялся запах свежесваренного кофе. Тогда я аккуратно складывал в стопку свои бумаги возле пишущей машинки, одевался и шел обедать: сегодня – в сёклу (столовую), а завтра – в пимазаал (молочный зал). Погуляв до 13 часов по центру города, возвращался на кафедру и снова трудился до тех пор, пока сотрудники не начинали подготовку к уходу с работы. Тогда я снова всё аккуратно прибирал на столе, одевался и, попрощавшись, шёл в общежитие, покупая по необходимости продукты в магазинах. Снабжался Тарту хорошо. В магазинах в изобилии были молочные продукты (молоко, кефир, сметана, сыры, масло), мясо и прочее. Из Псковской области с московским поездом ежедневно прибывали толпы обделённых московским руководством русских людей, «подметающих» всё из тартуских гастрономов. Эстонцам это, конечно, не нравилось. А «Москва» тогда откармливала пшеклентых ляхов, Африку, Азию и прочие «социалистические режимы». Вот за то они и «мстят» сейчас «империи зла», холуйствуя перед Западом, который в отличие от русских, и за людей-то этих «мавп» не принимает, грабит их безмерно.

Мое усердие явно понравилось, и однажды в конце рабочего дня подошел сотрудник и сказал, что я, если желаю, могу остаться на кафедре, сдав ключ вахтёру, когда буду уходить. Он по моей просьбе показал, где располагается вахтёр, и я остался на кафедре один. Затем мне разрешили работать в наступившие выходные, субботу и воскресенье.

Закончив печатать текст, я показал его И.И. Маароос, получил ее одобрение, сходил к проф. Х.Х. Трассу. Он, прочтя документ, подписал его и попросил меня отдельно напечатать в форме отзыва речь М.А. Голубца, чтобы получить от него новый отзыв оппонента. Это я сделал быстро. Закончив оформление всех документов по защите, я 25 февраля, попрощавшись с Х.И. Мийдлой, Э.Х. Паду, Х.Х. Трасом, В.В. Мазингом, И.И. Маароос и сердечно поблагодарив их, выехал поездом через Москву в Куйбышев. Слава Богу! Наконец-то свершилось! Я довёл до конца свои «докторские хлопоты». И сколько же преград я преодолел! Но свою докторскую диссертацию я именно защитил, завоевав, а не выпросив, не купив

(сейчас это – в моде) заслуженную в битвах за научную истину учёную докторскую степень. И это и радовало, и вдохновляло.

Приятно было осознавать, что я не только сумел не рассориться с моими неблагожелателями, но и получить от некоторых из них неожиданную, но весьма необходимую в самое нужное время поддержку. Так, из Днепропетровского университета поступил положительный отзыв на автореферат от проф. А.П. Травлеева – человека, который сделал не только всё для того, чтобы я уволился с возглавляемой им кафедры, но и организовал моё «преследование и очернение» с приклеиванием маленькой, но «изящной подлятинки». От неё мне пришлось очищаться, потратив массу времени, сил, энергии и средств.

Второй отзыв на автореферат моей диссертации поступил из Днепропетровска от моего Учителя – проф. Александра Люциановича Бельгарда, в чьей поддержке я никогда не сомневался. В конце «Введения» в автореферате я написал: «За ценные советы, критические замечания, постоянное и всестороннее содействие в работе автор выражает глубокую признательность и благодарность директору Центрального республиканского ботанического сада АН УССР, академику АН УССР Андрею Михайловичу Гродзинскому и руководителю комплексной экспедиции Днепропетровского университета по изучению лесов степной зоны, доктору биологических наук, профессору Александру Люциановичу Бельгарду».

Разумеется, я послал автореферат и в Днепропетровск и уверен, что проф. А.Л. Бельгард, получив его, искренне обрадовался: я являлся вторым его учеником, защищавшим докторскую диссертацию. Первым был А.П. Травлеев. А дальнейшие события, как я предполагаю, происходи так. Прочтя мой автореферат и убедившись, что я широко использую в диссертации его идеи, Александр Люцианович столь благожелательно рассказал о моей работе сотрудникам и кафедры, и факультета, столь оперативно написал на неё свой отзыв, что тем самым «подвиг на подвиг» и А.П. Травлеева, который тоже написал положительный отзыв на мой автореферат, желая, с одной стороны, удовлетворить порыв в моей поддержке 85-летнего профессора, а, с другой стороны, демонстрируя «примирение» со мной: дескать, я ничего против Вашего ученика Матвеева, Александр Люцианович, не имею, он сам – козёл!

На следующий день после защиты диссертации я позвонил ректору Куйбышевского университета проф. Л.В. Храмову, сообщив результаты голосования и что всё прошло успешно, а также дал телеграмму в Днепропетровск проф. А.Л. Бельгарду: «Дорогой Учитель, высокочтимый Александр Люцианович! Сердечно благодарю за неизменную поддержку, доверие, помощь, науку. С безгранично теплым чувством признательности шлю привет и наилучшие пожелания родной для меня кафедре и экспедиции ДГУ. Ник. Матвеев».

В начале марта я получил из Киева письмо от А.М. Гродзинского: «Многоуважаемый Николай Михайлович! Горячо поздравляю Вас с защитой и желаю скорейшего прохождения в ВАКе. П.А. Мороз рассказал о Ваших мытарствах и героизме, так что эта ступень пройдена вами с большим трудом и тем более желанна заслуженная награда. Я также рад тому обстоятельству, что в аллелопатии завелся ещё один доктор наук, что очень важно для становления и развития нашей науки...»

Телеграмма из Днепропетровска: «Сердечно поздравляем с успешной защитой докторской диссертации. От души желаем здоровья и новых взлетов в науке. Ваш А. Бельгард». Спасибо Вам, мои дорогие и незабвенные Учителя!

В заключение следует отметить большую помощь, оказанную мне при внедрении результатов диссертации, со стороны Ю.Т. Желтикова (Приволжское управление по гидрометеорологии и охране окружающей среды), А.А. Парфенова и Н.Т. Кудинова (Самарский облсовет ВООП), В.Л. Аитова, И.М. Шабалина, Я.Я. Лобанова (Самарское облуправление лесного хозяйства), В.К. Медведева (Куйбышевский плановый институт), В.А. Лебедева (Саратовский сельхозинститут), В.В. Чумакова (Всесоюзный НИИ лесной генетики и селекции). Особое мое «спасибо» за поддержку Валерию Михайловичу Брежневу (Министерство лесного хозяйства УССР)!

Долог и труден оказался мой путь к «докторской вершине»: с сентября 1975 по 13 февраля 1987 года (выдан диплом доктора наук) – одиннадцать с половиной лет. Василий Петрович Иванов, работавший в Институте физиологии растений АН СССР, где функционировал свой докторский совет, «тяжело вздымался» в этом же направлении, с «артподготовкой» и «штыковыми атаками» целых 9 лет. Юрий Владимирович Титов, поняв через много лет, что его «аллелопатическую» докторскую в БИНе ни за что не пропустят, сменил тему на обыденную, но «проходную» и успешно защитился по традиционным проблемам луговедения. Russia-нские фитоценологи меняют время от времени «свои парадигмы», но неизменно их неприятие аллелопатии, проблемы которой интенсивно разрабатываются в США, Китае, Индии, Австралии, Испании и других странах, действует международное аллелопатическое общество, выходит в свет международный журнал «Allelopathy», проходят международные симпозиумы по аллелопатии. У нас же – «антиаллелопатическая лысенковщина»! Ушли из жизни А.М. Гродзинский, С.И. Чернобривенко, М.В. Колесниченко, И.Н. Рахтеенко, А.А. Часовенная, П.В. Юрин, Э.А. Головкин. Нет в живых Т.А. Работнова – главного «громителя» аллелопатии, покоятся в сырой земле П.Л. Горчаковский, Л.Ф. Семериков, В.Г. Карпов. Мир Вам! Все равны перед Богом...

9. ТЕМАТИЧЕСКИЙ СБОРНИК КАК СРЕДСТВО КООРДИНАЦИИ

В начале 1975-1976 учебного года совет химико-биологического факультета нашего университета рассмотрел вопрос о включении в свою структуру ботанического сада (функционирует с 1932 года). Здесь же по моему предложению было принято решение об издании через редакционно-издательский отдел (РИО) Куйбышевского университета тематического научного сборника *«Вопросы лесной биогеоценологии, экологии и охраны природы в степной зоне»*. Это было очень важно, так как я понимал, что для защиты докторской диссертации необходимо опубликовать ее материалы и проще всего это можно сделать через сборник, которым ты управляешь сам. Данный сборник позволял также ненавязчиво, но эффективно «вкладывать» в «прокрустово ложе» своей тематики (экология лесных биогеоценозов в степной зоне), а не вообще «вокруг да около» публикуемые статьи. Чтобы же написать такую статью, надобно было изучать степные леса, а не «необъятные просторы Родины». Разумеется, это способствовало всем без

исключения авторам сборника в подготовке кандидатских и докторских диссертаций.

С самого начала я стремился к превращению сборника из местного («семейного») во Всесоюзный, связанный со степной зоной СССР. Привлечение к участию в сборнике в качестве авторов ученых из других городов решало сразу несколько задач. Во-первых, опубликованные сборники несли в другой город не только статью того или иного автора, но и информацию о нашем университете и наших научных работах. Во-вторых, мы узнавали много нового и полезного для себя из направляемых в сборник статей иногородних авторов. В-третьих, сборник ненавязчиво «координировал» научные исследования по проблемам лесной биогеоценологии применительно к условиям степной зоны не только сотрудников нашего университета, но и специалистов из других областей СССР.

Я разослал по почте приглашения в сборник во Всесоюзный НИИ агролесомелиорации – ВНИИАЛМИ (Сталинград), Украинский НИИ лесного хозяйства и агролесомелиорации – УкрНИИЛХА (Харьков), в Саратовский, Воронежский, Ростовский, Донецкий, Днепропетровский, Симферопольский, Одесский университеты, в ВУЗы Куйбышева и др. Но «в портфель» первого выпуска сборника из «иностранцев» поступило немного статей: проф. В.В. Лебедев (Куйбышевский плановый институт), проф. В.И. Рощупкин с соавторами (Куйбышевский медицинский институт).

Поскольку после перехода в докторантуру я уезжал в Киев, я обратился к Джону Поликарповичу Мозговому с просьбой взять на себя роль ответственного редактора первого выпуска сборника. В состав редколлегии были включены: проф. Н.И. Ларина (Саратовский университет), доц. Н.М. Матвеев, доц. Д.П. Мозговой, ст. препод. Л.П. Молодова, проф. В.И. Рощупкин (Куйбышевский медицинский институт), ст. препод. В.Г. Терентьев. Перед отъездом в Киев я передал собранные статьи Д.П. Мозговому.

Когда в январе 1976 года я снова появился в университете и зашёл в редакционно-издательский отдел, то редактор Анна Ивановна Кондратьева сказала мне, что до неё никто статьи не правил, но их обязательно надо прочесть специалисту-биологу. Таким образом, получается, что Д.П. Мозговой числится «ответственным редактором» был согласен (руководитель!!!), а вот работу должен был делать кто-то, но не он. Пришлось мне взять статьи и, потратив несколько дней, тщательно (по буквам) не просто прочесть тексты, но и весьма основательно выправить их и по форме, и по смыслу. Впервые столкнулся я с поразившей меня ситуацией, когда высокое научное звание шло «в разнос» с почти абсолютной грамматической безграмотностью некоторых авторов. Очень часто за пустословием не просматривался и смысл.

После моей правки Анна Ивановна быстро выполнила положенную ей работу и сборник направили в типографию. Вышел он в свет в конце 1976 года и содержал 16 статей. Среди авторов – В.Г. Терентьев и А.А. Асеев, Д.П. Мозговой, В.М. Шапошников, В.В. Лебедев, Ю.С. Тарасов, В.И. Рощупкин с соавторами, Ю.К. Рощевский, Ю.П. Фролов, Д.М. Пирогова, С.И. Потапов, Т.И. Плаксина. Две статьи были мои: *«Аллелопатия как фактор экологической среды»* и *«О биогеоценологических принципах исследования лесных сообществ в степном Заволжье»*. Последняя была написана мной на основе большого литературного материала (58 источников) как обоснование программы долгосрочных

исследований на Красносамарском стационаре, содержала его физико-географическую характеристику и детальное описание наших первых одиннадцати пробных площадей. Поскольку мной были использованы данные В.Г. Терентьева о древостое и почве и Д.П. Мозгового о животном населении на пробных площадях, они, естественно, явились моими соавторами.

Нашей ошибкой был слишком большой тираж первого выпуска сборника – 1000 экземпляров. Нужного опыта не было. Бухгалтерия университета профинансировала издание, теперь же следовало сборник продавать и вырученные деньги возвращать в кассу. Заниматься этим никто не желал. И мне опять пришлось «решать» данную «проблему», что и было сделано. «Руководитель» редколлегии лишь разводил руками. Таких «руководителей», увы, в нашей жизни бывает не мало. Они руководят по принципу «руками водят». Недавно я прочел очень точное определение таких «деятелей» в книге профессора Петра Серафимовича Кабытова. Он называет их «руководами»!

«Руководом» второго выпуска сборника опять числился Д.П. Мозговой, а я, отрываясь от диссертационных дел, снова собирал «портфель статей», правил их грамматически, стилистически и по форме, и по смыслу, и по содержанию. Анна Ивановна Кондратьева (очень грамотный редактор и замечательный во всех отношениях человек) оперативно завершила дело и направила рукопись в типографию. И вот осенью 1977 года вышел в свет второй выпуск сборника *«Вопросы лесной биогеоценологии, экологии и охраны природы в степной зоне»*.

Он был удачнее первого, так как из 16 содержащихся в нем статей все соответствовали теме (в первом выпуске таковых было пять из шестнадцати). Среди авторов появились представители ВНИИАЛМИ (А.В. Хавроньин с соавторами, Н.С. Нигматуллин), Куйбышевского сельхозинститута (Н.И. Ивлиев и Е.Н. Алмаев), Куйбышевского пединститута (В.В. Филиппенкова). Статьи В.Г. Терентьева и А.Н. Жировой, О.А. Мозговой, Д.М. Пироговой, Д.П. Мозгового, В.М. Шапошникова, Ю.К. Рощевского с соавторами и мои (две) были написаны с использованием материалов, собранных на нашем Красносамарском стационаре.

Реализовывать тираж (800 экземпляров) и возвращать деньги, потраченные на его издание, в бухгалтерию университета опять пришлось лично мне. Д.П. Мозговому однако роль «руководы» очень понравилась и на одном из заседаний ученого совета нашего химико-биологического факультета он «доложил» об издании сборника и гордо добавил: «Кстати, ответственным редактором являюсь Я!» Пришлось мне, готовя к изданию третий выпуск, «внести коррективы» в состав редколлегии. Когда редколлегию я собрал, Джон Поликарпович сказал примерно так: «Давай, ты будешь править статьи, а я буду ответственным редактором!» На сие я решительно отвечал, что коль я, а не он реально редактирую и статьи, и сборник в целом, то я и буду отвечать за всё, что сам делаю, а он будет членом редколлегии. «Руковод» поморщился, но смолчал. Однако много лет ещё, когда к нему на кафедру приходили «гости», он показывал издаваемый мною сборник как своё «личное детище». Падок «до славы» оказался Джон Поликарпович!

Спустя несколько лет, когда доц. Д.П. Мозговой стал официальным заведующим кафедрой зоологии, его старший преподаватель Юрий Константинович Рощевский по нашему примеру организовал издание научного сборника, к участию в котором в качестве авторов привлёк несколько крупных московских орнитологов, а ответственным редактором, конечно же, значился

доцент и кандидат биологических наук, сам Зав – Д.П. Мозговой. Увы, Ю.К. Рощевский – умница, великолепный организатор, бесконечно преданный науке естествоиспытатель, замечательный во всех отношениях человек был хорошо и широко известным в стране орнитологом, но ... ученой степени долго не имел. И вот его московские коллеги-орнитологи обращают внимание на сборник с их статьями и он получает высокую оценку в Минвузе. В наш университет приходит об этом официальный документ и его на заседании ученого совета вручают не Ю.К. Рощевскому – подлинному создателю и организатору дела, а «ответственному редактору», «руководу»! Ну, хотя бы глазом моргнул! Сорвал «звезду» с неба и – на грудь!

С учетом неприятных хлопот по реализации тиража нашего сборника я обратился к заместителю председателя Куйбышевского областного совета Всероссийского общества охраны природы (ВООП) Матвеем Ильичу Абрамову с предложением о совместном его издании, то есть под эгидой Куйбышевского госуниверситета (КуГУ) и Всероссийского общества охраны природы (ВООП). Получив принципиальное согласие М.И. Абрамова, я составил «Договор о творческом сотрудничестве» между Куйбышевским госуниверситетом (КуГУ) и Куйбышевским облсоветом ВООП. Договор включал, в частности, обязательство КуГУ проводить научные исследования по охране природы, пропагандировать экологические знания среди населения, участвовать в работе научно-технического совета при президиуме облсовета ВООП, собирать, редактировать, публиковать научный сборник. А облсовет ВООП обязался оплачивать расходы на изготовление тиража сборника и при необходимости представлять свои статьи. Договор предусматривал, что КуГУ за свой счёт будет также рассылать тираж по адресам, согласованным с облсоветом ВООП.

Подготовленный мною текст договора утвердил М.И. Абрамов и ректор университета. Гербовые печати на месте! Итак, начиная с третьего выпуска (вышел в свет в 1978 году) наш тематический сборник «*Вопросы лесной биогеоценологии, экологии и охраны природы в степной зоне*» выходит как совместное издание Куйбышевского государственного университета Министерства высшего и среднего специального образования РСФСР и Куйбышевского областного совета Всероссийского ордена Трудового Красного Знамени общества охраны природы. В составе редколлегии: зам. председателя Куйбышевского облсовета ВООП М.И. Абрамов, доц. Н.М. Матвеев (ответственный редактор), доц. Д.П. Мозговой, ст. препод. Ю.К. Рощевский. Тираж – 800 экземпляров.

Представляете, каков тут путь «из царства необходимости в царство свободы»? Конечно же, хлопоты остаются, но они и приятны, и оправданы: собирать статьи, редактировать их (макет изготавливает РИО) и рассылать (бесплатно через канцелярию университета) тираж по адресам, среди которых ведущие учёные, библиотеки всех ВУЗов СССР, где есть биологические и лесоводственные факультеты, библиотеки институтов Академии наук СССР, академий Союзных республик. Каково? Ведь ни один ВУЗ, ни один академический институт в СССР такой возможности легко и просто распространять свои издания не имел и сейчас не имеет. Что это дало? Наш сборник стал широко известен, приобрёл несомненный авторитет, в него стали присылать статьи для опубликования. И, наконец, – последнее и очень важное: все статьи из нашего сборника стали регулярно реферироваться в «*Реферативном журнале «Биология»*».

Несомненно и то, что если бы качество научных статей в сборнике было неудовлетворительным, они получали бы отрицательные рецензии в научных журналах, но этого не случилось. Значит, я трудился не зря, жестко кромсая и правя то, что сами авторы в ряде случаев не умели делать. А такое бывало!

Матвей Ильич Абрамов, представляя очередной отчетный доклад о работе Куйбышевской областной организации на заседании Центрального совета ВООП в Москве, рассказал о тесном взаимодействии с классическим университетом, представил копию «Договора...» и опубликованный сборник и неожиданно стал «героем дня». Такого, чтобы организация ВООП «творила науку», в РСФСР нигде не было. «Дождь наград» посыпался на него и других его соратников. После этого Матвей Ильич Абрамов стал полностью доверять мне. К сожалению, в 1982 году его не стало. Но и его последователи – Андрей Александрович Парфенов (1983-1985 гг.) и Александр Лаврентьевич Лазарев (1988-1991 гг.) неизменно поддерживали издание научного сборника (вплоть до развала СССР).

Ну, а наш сборник скоро был отмечен тем, что его включили в перечень изданий, в которых Высшая Аттестационная Комиссия при Совете Министров СССР разрешала публиковать материалы докторских диссертаций. Хочешь жить – умей вертеться!

За период с 1976 по 1991 год вышло в свет 12 выпусков сборника. В нём опубликованы в общей сложности 204 статьи, в том числе 109 – сотрудников КуГУ и 95 – сотрудников других учреждений. Среди авторов статей – ученые Волгограда (Сталинграда), Умани, Киева, Белой Церкви, Саратова, Воронежа, Днепропетровска, Запорожья, Кривого Рога, Москвы, Симферополя, Тольятти и др. Моих личных статей в сборнике опубликовано 19. Так что своими «широкими» возможностями я не злоупотреблял, а вот помог очень многим – материалы, опубликованные в сборнике, использованы при защите 14 докторских диссертаций. Авторы их: Петр Иванович Мороз (Уманский СХИ), Валентина Петровна Бессонова и Юрий Иванович Грицан (Днепропетровский университет), Владимир Александрович Болдырев (Саратовский университет), Джон Поликарпович Мозговой, Тамара Ивановна Плаксина, Ольга Николаевна Макурина, Наталья Владимировна Прохорова, Людмила Михайловна Кавеленова, Сергей Анатольевич Сачков (Куйбышевский-Самарский университет), Виктор Ксенофонович Медведев (Самарская экономическая академия), Елена Александровна Ахмедова (Самарская архитектурно-строительная академия), Татьяна Акимовна Моисеенкова (Институт экологии Волжского бассейна РАН), Галина Васильевна Кадина (Оренбургский аграрный университет). Они способствовали и защите 8 кандидатских диссертаций, их авторы: Екатерина Климовна Мороз (дендропарк «Софиевка» в Умани), Юрий Константинович Роцевский (Институт экологии Волжского бассейна РАН в Тольятти), Юрий Николаевич Журавлев (Институт экологии Волжского бассейна РАН в Тольятти), Ирина Викторовна Дюжаева, Светлана Алексеевна Розно, а также (до докторской) Наталья Владимировна Прохорова, Людмила Михайловна Кавеленова, Сергей Анатольевич Сачков (Самарский университет).

Если кто-то считает, что работа по изданию сборника не заслуживает особого внимания (а такие неблагодарные «особи» есть и в моём окружении), тот просто ничего не понимает. Ведь для того, чтобы из «сырого» текста (а таких было много) сделать удобочитаемую статью, надо не просто по буквам прочесть этот текст, но и

коренным образом переформатировать его, включая таблицы, рисунки, ссылки, описания литературных источников, словоблудные аннотации превратить в логически строгие рефераты и т.д. И сделать это надо безошибочно и не только в грамматическом, но и научном смысле. Работа сия не для малограмотных! Она требует и вдумчивости, и профессиональных знаний, и предельной аккуратности. Собрать статьи «в портфель» своевременно (сборник выходил ежегодно) – тоже непросто. Надо «пошевелиться» и при рассылке тиража: за вас это никто делать не будет. Так что, поверьте, трудился я весьма аккуратно, а ведь у меня было множество иных дел!

После моей правки сборник поступал в редакционно-издательский отдел (РИО), где подвергался грамматической корректуре редактора. Мы слаженно работали с Анной Ивановной Кондратьевой: она была очень грамотным и деликатным человеком. Редактором четвертого выпуска (1979 год) являлась Е.Н. Сорокина (имя-отчество её я не помню). Как-то передали, что меня требуют в РИО. Я был крайне занят и поэтому немедленно не явился. Через день-два опять передают, что надо зайти в РИО. А у меня снова нет свободного времени. Когда же, освободившись, я пришел по требованию, то застал редактора в совершенно взбешенном состоянии.

Е.Н. Сорокина, услышав мою фамилию, начала громко кричать и возмущаться моим поведением. Я сдержался, смолчал. Редактор достала текст нашего сборника и, перелистывая страницы, стала выяснять на своих пометках смысл использованных в статьях научных терминов. Я сдержанно разъяснял ей непонятное, а она стирала одну свою карандашную пометку за другой. Наконец, весь текст окончился, и Е.Н. Сорокина удалила свой последний вопрос. На прощание Е.Н. Сорокина решила меня повоспитывать: «Вот, видите, как много работы с вашим сборником, а вас – не дозовешься! Безобразие!» Конечно, женщин обижать нельзя, но меру должны знать все. Поэтому я, вспомнив, как это делал А.П. Травлеев, ответил ей, что всю названную работу должен делать не я, а именно редактор. Если же она почему-то безграмотна в деле, за которое по ошибке взялась, то нужно брать словарь и выяснять значение биологических терминов. Ведь, стерев сейчас все свои «вопросы», она убедилась в правильности текста. Я же, разъяснив всё непонятное, дал ей урок. И если она действительно культурна, то меня ей надо благодарить, а не кричать и не грубить. Ведь я теперь в некотором смысле её учитель! Мадам гневно прикусила язык. Я же поднялся, поклонился ей и ушёл. По-видимому, в отместку Е.Н. Сорокина всё же оставила в тексте свое «процесс почвы образования» вместо «процесс почвообразования», как следовало бы.

В 1995-1999 гг. мне удалось восстановить издание сборника, но под другим названием («*Вопросы экологии и охраны природы в лесостепной и степной зонах*»). Теперь он выходил под эгидой трех организаций: Самарский госуниверситет, Институт экологии Волжского бассейна РАН и Комитет экологии и природных ресурсов Самарской области. С последним я оформил «Договор о творческом сотрудничестве» подобно тому, что действовал между нашим университетом и облсоветом ВООП. Мы сумели издать только три выпуска, но уже, по сути, - международного сборника. В состав редколлегии входили: член-корр. РАН, д.б.н., проф. Л.Н. Андреев и акад. РАН, д.б.н., проф. И.А. Шилов (Москва), д.б.н., проф. В.П. Бессонова (Запорожье), д.б.н. Э.А. Головки (Киев), к.б.н., доц. Л.М.

Кавеленова (ответственный секретарь), член-корр. РАН, д.б.н., проф. С.А. Мамаев (Екатеринбург), д.б.н., проф. Н.М. Матвеев (ответственный редактор), д.б.н., проф. Л.П. Мыщик (Днепропетровск), д.б.н., проф. А.Г. Охупкин (Нижний Новгород), председатель Госкомитета экологии и природных ресурсов Самарской области, к.б.н. В.А. Павловский, д.б.н., проф. А.С. Ревушкин (Томск), д.б.н., проф. Г.С. Розенберг (Тольятти), д.б.н. С.А. Сергейчик (Минск), д.б.н., проф. К.Ф. Хмелев (Воронеж), д.б.н., проф. А.О. Тарасов (Саратов). Всего в этих трех выпусках сборника опубликовано 102 научные статьи, в том числе, 54 – самарских исследователей (41 – из Самарского университета) и 48 – иногородних ученых (Тольятти, Кривого Рога, Умани, Нижнего Новгорода, Саратова, Минска, Воронежа, Днепропетровска, Киева, Одессы, Красноярска, Запорожья, Балашова, Кирова, Семипалатинска (Казахстан). Среди авторов статей – д.б.н. Г.С. Розенберг и д.б.н. Г.П. Краснощеков, д.б.н. В.И. Попченко, д.б.н. П.И. Мороз, д.г.н. В.З. Макаров, д.б.н. С.А. Сергейчик, д.с./х.н. В.Г. Шаталов, д.с./х.н. В.К. Попов, д.б.н. В.П. Бессонова, д.б.н. В.А. Болдырев, д.б.н. К.Ф. Хмелев, д.б.н. В.И. Матвеев, д.б.н. Э.А. Головкин, д.б.н. А.С. Прокушкин, д.б.н. М.С. Панин, д.с./х.н. П.И. Мороз и др.

Возникшие «нэзалэжные» границы и развал советской системы обрушили разом все! О том, чего мы достигли тогда, теперь можно только вспоминать. Опять, чтобы опубликовать научный сборник или книжку, надо где-то находить деньги или вкладывать свои «кровные»...

10. КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ! ИЛИ:

ПОДБОР, РАССТАНОВКА И ВОСПИТАНИЕ

И.В. Сталин утверждал и словом, и делом: «Кадры решают все!» После его кончины (1953 г.) в практической деятельности руководителей (от первичной трудовой ячейки до правительства страны) важнейшим делом считались: «подбор, расстановка и воспитание кадров». И это правильно! «Беда, коль сапоги начнет тачать пирожник, а пироги печи – сапожник».

Как отмечалось, приехав в Куйбышев из Днепропетровска, я обнаружил абсолютное отсутствие кафедры ботаники, но наличие двух принятых на работу кадров-«ботаников» (Д.М. Пирогова, Т.И. Плаксина), а также обязательное, неотвратимое (из целевой для КуГУ аспирантуры) прибытие еще двоих (О.А. Мозговая, Т.А. Овчинникова). Таким образом, «подбор кадров» уже был осуществлен. Мне же предстояли их «расстановка и воспитание». Дело это оказалось весьма и весьма сложным, тем более, что все «подобранные» не мною «кадры» были уже дюже «воспитанными», причем каждый «кадр» – по-своему: «уникально» и «неповторимо». Ничего общего в их воспитании не было и в помине. Будучи «дипломированными» кандидатами наук, они считали себя вправе «на полную свободу действий», ни с кем не считаясь, никого не спрашиваясь. Абсолютные «права человека»: «Заботься о себе!», «Ведь я этого достойна!» Являясь заведующим подразделением ботаники «на общественных началах», я практически мог управлять ими только «методом просьб» и «методом уговоров». Это получалось вначале только в отношении Д.М. Пироговой и О.А. Мозговой. Легко и просто было иметь дело с В.Г. Терентьевым. Т.А. Овчинникова пришла на работу в университет, когда я был в Киеве, в докторантуре. За 2 года моего отсутствия О.А. Мозговая, «выдрав» на кафедре ботаники «всю власть» в свои

«кулаки», невероятно стравила и озлобила «коллежанок» и, приступив с 1 сентября 1977 года к обязанностям «избранного по конкурсу заведующего», я оказался в ситуации «осажденной крепости»: дисциплина отсутствует полностью, все злы друг на друга, наушничают, сплетничают, «разносят» свои «жалобы», «домыслы» по другим кафедрам, бегают к декану, к проректорам, пишут «кляузы» ректору. Не терпят ни малейшего замечания, все встречают «в штыки».

Знаете ли Вы, мои дорогие, что такое гнев и ненависть рассерженной женщины? Одной? А если их аж четыре!? И каждая мнит себя самой умной и самой достойной!? Все бы ничего и справиться с такой ситуацией в Днепропетровском университете было бы легко. Там дисциплина любого преподавателя или сотрудника – непререкаемый закон! Никто в ректорате не будет решать никакой вопрос без санкции заведующего кафедрой. Каждый сотрудник работает на кафедре 6 часов в день. Опоздание на работу или уход с работы без разрешения заведующего кафедрой – наказываются. Невыполнение указаний и распоряжений заведующего кафедрой – такое серьезное нарушение дисциплины, что если заведующий подаст докладную ректору, то результат будет всегда один: письменная объяснительная сотрудника и последующий приказ об объявлении ему выговора. И никаких «дискуссий»! Кратко, четко, ясно, неизбежно. Поэтому никто и никогда не противоречит заведующему и, упаси Бог, не «воюет» с ним.

Однако я был уже не в Днепропетровске, а в Куйбышеве-Самаре, и «здешние нравы» совсем не совпадали с моими днепровскими представлениями «о добре и зле». Первая же моя попытка пресечь преждевременные окончания учебных занятий одной из «коллежанок», вызвала в ответ письменную «кляузу» ее в ректорат с невероятным нагромождением «обвинений в несправедливости». И что же? В Днепропетровском университете просто отправили бы сию недовольную к заведующему кафедрой, а если бы она «заартачилась», то «схлопотала» бы себе выговор в приказе, а через два таких выговора – увольнение с работы. И все. В Куйбышевском университете решили иначе: «создать комиссию» и проверить всю работу заведующего кафедрой «по организации учебной, научной, методической и прочей деятельности». Вот эта-то комиссия и помешала мне самый первый раз выехать по вызову в Киев для доклада по заверченной докторской диссертации. Комиссия проверяла все тщательнейшим образом, но никаких изъянов собственно в деятельности кафедры и ее заведующего не выявила. Отметила она лишь «ненормальные взаимоотношения между преподавателями» и «неумение» зав. кафедрой «сглаживать» и «гасить» «конфликты». Мир любой ценой! «Генеральный Комиссар» (*) так и сказал мне: «Хотите спокойно работать – делайте все, чтобы ничто не выходило за пределы кафедры!» И этот ложный, вредный для настоящего дела принцип лежит в основе «жизнеустройства» до сих пор, и у нас, на ряде кафедр и сейчас «все спокойно» только внешне, а внутри никем неразрешаемый раздрай.

Моего хорошего друга, тоже заведующего кафедрой, но планового института, доцента (сейчас – профессор, доктор сельскохозяйственных наук) Виктора Ксенофонтовича Медведева один его «прибамбасный» преподаватель «жрал» при таком же, как и в случае со мной, попустительстве и «лживом миротворчестве» до тех пор, пока сей «питон» не написал «кляузу» в Москву, в Минвуз на сам ректорат. Вот только после этого его мгновенно выгнали из института. Так что все это типично.

Я же ради повышения качества всех форм деятельности кафедры терпеливо и постепенно, но неуклонно «подтягивал» требования и к учебной, и научно-методической, и научно-исследовательской, и организационной, и воспитательной работе. «Коллежанкам» это порой сильно не нравилось, и тогда они «испытанным способом» «насылали» на меня очередную комиссию. В целом я «пережил» аж 5 комиссий, но ни одна из них так и не нашла существенных недостатков в учебной, научно-исследовательской и иной собственно работе кафедры и ее заведующего, но все они «смаковали» то, что «дамы» наши фактически не подчиняются мне. Это именовали «конфликтом», а не нарушениями дисциплины. Увы!

Только ректор проф. В.В. Рябов, будучи очень умным человеком и талантливым руководителем, наконец, понял и поддержал меня. Сначала он «внедрил» к нам на кафедру своего «доверенного человека», который, оценив всю обстановку, представил ему объективную информацию, затем, включив меня в две возглавляемые им комиссии, проверил мои «личные» и «деловые» качества. Как результат, особо скандальная Д.М. Пирогова 15 июня 1979 года уволилась «по собственному желанию», Т.И. Плаксину в 1982 году перевели на 2 года на должность старшего научного сотрудника, предоставив ей возможность доказывать свою научную состоятельность как «ботаника» путем написания докторской диссертации.

Пришедшие на кафедру Н.В. Прохорова, Л.М. Кавеленова, С.А. Сачков, наряду с В.Г. Терентьевым, стали моей опорой и сильной свежей «струей», стремительно смывающей затхлую «болотную жижу» зазнайства, наглости, бессовестности и никчемности. «Водоем» нашей кафедры очистился и заполнился незамутненной «ключевой водой». Я стремился не только всех преподавателей, но и лаборантов направлять в научное творчество. Это касалось О.В. Лыковой, Г.И. Соболева, Ю.Н. Журавлева, работавших лаборантами после окончания университета. По семейным причинам они перешли на другую работу, но Г.И. Соболев и Ю.Н. Журавлев все-таки стали кандидатами биологических наук.

С.А. Сачков тоже поначалу работал у нас старшим лаборантом. Его интересовали чешуекрылые Самарской Луки. Будучи активным натуралистом, он сам установил связь с Зоологическим институтом АН СССР в Ленинграде. Я же, способствуя работе, ежегодно включал его в нашу Комплексную биогеоэкологическую экспедицию, чтобы он получал полевое довольствие (командировочные). Он помогал нам вывезти оборудование в Красносамарское лесничество и обратно, находясь весь период экспедиции на Самарской Луке и собирая научный материал по теме своей диссертации. Кроме того, я оплачивал за счет хоздоговорных средств его ежегодные поездки в Ленинград, где он избрал себе научного руководителя. Собирал он материал необыкновенно (1983-1996 гг.) долго (аспирант делает это за 2-3 года), а его ленинградский руководитель все требовал новых и новых сборов. Не знаю, сколько десятилетий потребовалось, если бы я не «сел» Сергею Анатольевичу «на шею»? Только моя «пила» заставила Сергея Анатольевича сосредоточиться и написать текст диссертации, которая вышла добротной и получила высокую оценку при защите в диссертационном совете Зоологического института АН СССР (*Сачков С.А. Эколого-фаунистический обзор чешуекрылых (Lepidoptera) Самарской Луки: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – СПб., 1996. – 18 с.*).

Для того, чтобы Сергей Анатольевич написал докторскую диссертацию, мне опять пришлось много упрашивать, «уламывать», агитировать, «подталкивать» его. А он все «упирался», что рано, что не дорос и т.п. Но, слава Богу, все-таки свершилось, и С.А. Сачков стал доктором биологических наук по специальностям «Экология» и «Энтомология», успешно защитив свою диссертацию в совете Института экологии Волжского бассейна РАН (*Сачков С.А. Фауногенез и экологическая характеристика чешуекрылых (Lepidoptera) Жигулевской возвышенности: Автореф. дис. ... д-ра. биол. наук. – Тольятти, 2002. – 36 с.*). Я был очень рад. Эта защита послужила «путеводным маяком» для Л.М. Кавеленовой и Н.В. Прохоровой.

Людмила Михайловна Кавеленова в начале работы на нашей кафедре была направлена мною в Киев для освоения методов биохимического анализа растительных выделений в лаборатории аллелопатии Центрального республиканского ботанического сада АН УкрССР. А.М. Гродзинский предложил ей поступить к нему в заочную аспирантуру. Я поддержал это. Все исследования по теме Л.М. Кавеленова выполняла на нашей кафедре. Я всячески способствовал ей и оплачивал поездки в Киев за счет хоздоговорных средств. Диссертацию Л.М. Кавеленова успешно защитила в Минске, в совете Института экспериментальной ботаники АН БелССР (*Кавеленова Л.М. Физиолого-биохимические аспекты аллелопатической толерантности растений: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Минск, 1990. – 16 с.*).

Она достаточно энергично сориентировалась, наметила направление исследований по докторской диссертации и, оперативно собрав фактический материал, успешно ее написала и защитила по специальности «Экология» в совете Института экологии Волжского бассейна РАН (*Кавеленова Л.М. Экологические основы теории и практики системы фитомониторинга урбосреды в условиях лесостепи: Автореф. дис. ... д-ра. биол. наук. – Тольятти, 2003. – 36 с.*).

Наталья Владимировна Прохорова постоянно (на протяжении 27 лет) была ответственным исполнителем наших хоздоговорных тем. В период с 1991 по 2000 год мы изучали загрязненность почв и растений тяжелыми металлами. Материалы данных работ и послужили основой для написания Н.В. Прохоровой сначала кандидатской (*Прохорова Н.В. Распределение тяжелых металлов в почвах и растениях в зависимости от экологических особенностей лесостепного и степного Поволжья (на примере Самарской области): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1996. – 22 с. (03.00.16 – экология)*), а затем – докторской диссертации (*Прохорова Н.В. Экологические принципы биогеохимического анализа ландшафтов лесостепного и степного Поволжья: Автореф. дис. ... д-ра. биол. наук. – Тольятти, 2005. – 36 с. (03.00.16 – экология)*).

Я, как уже сообщалось, защитил свою докторскую диссертацию по специальности «Экология» в 1986 году (*Матвеев Н.М. Роль растительных выделений в формировании лесных сообществ в степной зоне: Автореф. дис. ... д-ра. биол. наук. – Тарту, 1985. – 47 с.*), а Т.И. Плаксина по специальности «Ботаника» в 1994 году (*Плаксина Т.И. Флора Волго-Уральского региона: Автореф. дис. ... д-ра. биол. наук. – М., 1994. – 48 с.*). Подчеркну, что я способствовал работе Т.И. Плаксиной, а когда она представила диссертацию, собрал заседание кафедры с широким приглашением сотрудников нашего факультета, пединститута и др., выступил с положительной оценкой, а

впоследствии – отправил в диссертационный совет хвалебный отзыв на автореферат ее диссертации.

Следует отметить, что, искренне поверив в Бога, Тамара Ивановна Плаксина неузнаваемо изменилась. Сейчас это – тактичный, вежливый, внимательный и благожелательный и к сотрудникам, и к студентам человек. Она ладит со студентами, окружена аспирантами, много ездит в разные районы, находя местообитания редких видов растений, пишет и публикует статьи и монографии, пользуется уважением на кафедре.

Зато главный, неутомимый «поджигатель» всех раздоров на кафедре О.А. Мозговая, постоянно провоцируя «травлю» того или иного сотрудника, слегка «мутила» нормальные взаимоотношения в коллективе (слава Богу! ее никто не поддерживал). Что ее к этому побуждало, мне неизвестно. Я предоставил ей, надеясь на ее добропорядочность, отдельную лабораторию – 36 м² (никто, кроме нее, в ней не работал), изолированный кабинет (18 м²), специального лаборанта и полную свободу действий: твори, «цвети» и «пахни». Ни у кого на кафедре таких идеальных условий никогда не было и нет. И что же?

Объявляя везде себя «крупнейшим ботаником», по сравнению с которым все ее коллеги – «серые мыши», она за весь период работы на кафедре не обследовала флористического состава ни одного конкретного, даже очень маленького участка, не осуществила серьезного изучения ни одного растительного сообщества. Главный ее труд – статья «Сосудистые растения Куйбышевской области» (1979) была написана так. Дала Ольга Афанасьевна студентам во время занятий по «Большому спецпрактикуму» задание: просмотреть опубликованные определители растений и выписать из них те виды, которые указаны для Куйбышевской области. Получился список, который, будучи обобщенным ее дипломником, и составил «Знаменитую статью». Ни тебе многолетних разездов по территории огромной области (5,4 млн. га), ни тебе тысячекилометровых пешеходных маршрутов, ни сбора растений, ни их гербаризации и определения! Зачем, если все можно «извлечь» из опубликованных трудов настоящих натуралистов-ученых? Все ее 44 публикации (по состоянию на 2005 год) – списывание с курсовых и дипломных работ студентов (мой аспирант Е.С. Корчиков тоже опубликовал 44 работы, но не «за все жизнь», а за 5 лет!). Закончила она тем, что занялась опубликованием статей, написанных путем «высасывания» фактического материала из монографий Т.И. Плаксиной, пединститутских ботаников и опять-таки всю «черновую» работу выполняли студенты. Объяснить ей, что плагиат – преступление, невозможно.

Полностью прекратив выезды в нашу экспедицию, «внушая» всем и вся, что «круглосуточно» работает со студентами (в отличие от недостойных ее коллег по кафедре), О.А. Мозговая и производственную практику (70 дней по 6 часов в сутки), и выполнение дипломных работ подшефных студентов «сосредоточила» на 6 сотках личной дачи, как будто бы это реально возможно среди грядок с огурцами, помидорами и капустой...

«Плоды пошлой профанации», не имеющие никакого отношения ни к экологии, ни к ботанике, ни к охране природы стали представляться в ГАК как «гениальные шедевры», по сравнению с которыми по-настоящему серьезные дипломные работы, выполненные под руководством профессоров Л.М. Кавеленовой, Н.В. Прохоровой и др. «объявлялись» «заевшейся женой завкафедрой зоологии» недостойными внимания. Чтобы «загасить» эти «всплески

самоедства» декан Г.Л. Рытов стал так составлять график защит дипломных работ, чтобы О.А. Мозговая «гастролировала соло», без коллег по кафедре. Я же вынужден был как член ГАК ежегодно «переживать» патологическое самолюбование этой дамы – то ли микробиолога (по диплому Саратовского университета), то ли ботаника (по диплому кандидата наук), то ли садовода-огородника (по любимому занятию на 6 сотках). И никто из членов ГАК, в том числе и председатель (всегда сторонний для университета человек), никогда «не возражали» против совершенно явной «низкопробщины», «испекаемой» под руководством «жены завкафедрой зоологии», который как член ГАК непременно выступал и расхваливал «ее пироги». И это все тоже из «местных нравов»: главное – «не разжигать», а «гасить»! Сплошь одни «пожарники»!

Но случилось так, что весной 2008 года «досточтимый Муж» после пьянки на своей кафедре в полубессознательном состоянии попал под машину и оказался в больнице. Его жена, явившись на другой день на факультет, принялась яростно обвинять принимавших участие в «возлияниях», что ее мужа специально напоили и толкнули под машину, так как хотели его «убить». Это так гнетуще повлияло на всех наших «пожарников» (гасить пожар, попустительствуя поджигателю, можно у соседа, а у себя – больно сильно обжигает!), что истерично требующая безусловного переизбрания доцентом на новый срок работы «непревзойденная» как «ученый» и «педагог» «пенсионерка с 15-летним стажем» была «отозвана» единогласным «нет» и на заседании кафедры, и на заседании ученого совета биологического факультета.

Однако «высокие пожарники», уволив ее «по собственному желанию», тут же «трудоустроили» доцентом на кафедре зоологии под руководством «Мужа», где уже «функционировала» и «Дочь» («Папа, мама, я – наша дружная семья!»). Кафедра зоологии под воздействием «лютой семейственности» «затряслась» так, что затурканные, запуганные «ученики» отчаянно восстали против «Шефа»! Новый ректор (профессор И.А. Носков) создал комиссию... Итог таков: «Мужа» изгнали с поста завкафедрой «по собственному желанию», «Жену» окончательно «проводили на пенсию», а «Дочь» оставили «писать докторскую», хотя ученый совет факультета своим единогласным решением не рекомендовал этого делать в связи с наличием «дурно пахнущих» «документов». Но в соответствии с «местными обычаями» «пожар загасили», а «тлеющие головешки» остались. Не вспыхнут ли, однако?

Зачем я все это рассказываю? Только для того, чтобы показать, что любое «умиротворение» скандального, недисциплинированного человека, увы, не «гасит» ничего, а только поощряет и делает его абсолютно не управляемым и наглым, в особенности, когда он находит поддержку от тех, кто должен был бы его и осудить, и осадить. А вот там, где поддержкой и поощрением пользуются только дисциплинированные, честно выполняющие свои обязанности работники, а «ловкачи и трюкачи» «стоят в углу», там и «конфликтов» нет, и все дела процветают. «И жизнь – хороша, и жить – хорошо!»

Ну а каков итог моей деятельности «по подбору, расстановке и воспитанию»...? На кафедре сейчас сформировался очень дружный, работоспособный, талантливый коллектив единомышленников, выполняющий учебную, научно-методическую, научно-исследовательскую, воспитательную, организационную функции на самом высоком, истинно классически-

университетском уровне. В коллективе (2009 год) – 8 преподавателей, в учебно-вспомогательном составе – 8 сотрудников.

Профессор Тамара Ивановна Плаксина – доктор биологических наук (03.00.05 – ботаника), автор около 300 научных и научно-методических публикаций (2 монографии) по флористическому биоразнообразию Волго-Уральского междуречья. Подготовила 3 кандидатов наук (03.00.05 – ботаника), руководит диссертационными изысканиями 3 аспирантов. Член докторского диссертационного совета при Оренбургском госпедуниверситете, член-корреспондент Российской академии естественных наук (РАЕН). Читает курсы: «Местная флора и ее охрана», «Экологическая география растений», «Растительные ресурсы, их использование и охрана», проводит «Большой спецпрактикум» (систематика высших растений), учебную практику по ботанике (2 курс), производственную практику по специализации, руководит курсовыми и дипломными (квалификационными) работами студентов. Разрабатывает «Определитель растений Волго-Уральского междуречья». Крупнейший флорист региона.

Профессор Кавеленова Людмила Михайловна – доктор биологических наук (03.00.16 – экология), автор около 200 научных и научно-методических публикаций (2 монографии) в области аллелопатии, экологии и экофизиологии растений, фитоиндикации воздушной и почвенной среды. Подготовила 8 кандидатов наук (03.00.16 – экология), руководит работой 3 аспирантов. Член докторского диссертационного совета при Институте экологии Волжского бассейна (ИЭВБ) РАН, почетный доктор наук ИЭВБ РАН. Читает курсы: «Охрана окружающей среды», «Физиолого-биохимическая экология», «Методы контроля окружающей среды», «Математические методы экологических исследований», «Почвоведение с основами растениеводства», «Основы экологии», «Проблемы экологической безопасности». Руководит производственной практикой, курсовыми и дипломными (квалификационными) работами студентов. Является научным руководителем тематики ботанического сада, разрабатываемой по грантам и темплану Минвуза. Заместитель декана по научной работе. Часто выступает официальным оппонентом по докторским и кандидатским диссертациям. Пользуется всеобщим уважением студентов, преподавателей и сотрудников факультета. В высшей степени умный и эрудированный, энергичный и всесторонне развитый специалист: биохимик, физиолог и эколог растений, почвовед, агрохимик, фитоценолог.

Профессор Прохорова Наталья Владимировна – доктор биологических наук (03.00.16 – экология), автор более 160 научных и научно-методических публикаций (5 монографий) об экологической роли в развитии растений промышленных шламов, лазерного излучения, тяжелых металлов. Лауреат Самарской губернской премии в области науки и техники за цикл работ о роли тяжелых металлов в окружающей среде (2004 г.). Подготовила 4 кандидатов наук (03.00.16 – экология). Читает курсы: «Ботаника», «Фитомелиорация окружающей среды», «Урбоэкология», «Общее почвоведение с основами геологии», «Биогеохимия», «Новые информационные технологии». Руководит изысканиями 2 аспирантов (03.00.16 – экология), производственной практикой студентов, курсовыми и дипломными (квалификационными) работами. Выступает официальным оппонентом по докторским и кандидатским диссертациям. Очень много работает

со студентами. В высшей степени культурный, деликатный, доброжелательный, предельно честный и надежный во всех отношениях Человек, пользующийся большим авторитетом на факультете. Хороший оратор. Опытный, всесторонне развитый специалист: флорист, фитоценолог, анатом, физиолог, эколог растений, почвовед, агрохимик.

Профессор Сачков Сергей Анатольевич – доктор биологических наук (03.00.16 – экология, 03.00.08 – энтомология), автор около 150 научных и научно-методических публикаций по морфологии и экологии чешуекрылых Самарской области. Подготовил 4 кандидатов наук (03.00.16 – экология), руководит изысканиями 1 аспиранта. Лауреат Самарской губернской премии в области науки и техники за издание научного бюллетеня «Самарская Лука» (2000 г.). Член докторского диссертационного совета при Саратовском государственном университете (03.00.16 – экология). Часто и с удовольствием выступает официальным оппонентом по докторским и кандидатским диссертациям. Великолепный оратор. Победитель (3-е место) в конкурсе «Лучший лектор» Самарского госуниверситета (2007 г.). Читает курсы: «Ботаника», «Основы физической географии», «Экология насекомых», проводит «Большой спецпрактикум» (фитопатология), учебную практику по ботанике (1 курс). Организатор и руководитель межкафедральной научной лаборатории систематики животных и фаунистики, курирует работу Жигулевской биостанции кафедры, в создании которой ему принадлежит ведущая роль. Руководит курсовыми и дипломными (квалификационными) работами студентов. Любимец и украшение любой компании.

Доцент Овчинникова Татьяна Анатольевна – выпускница и воспитанница (аспирантура) Московского госуниверситета, кандидат биологических наук (03.00.13 – физиология растений), автор более 60 научных и научно-методических публикаций по экологии микроорганизмов (водоросли, грибы, бактерии) в воздушной и почвенной среде. Читает курсы: «Физиология растений», «Экология почв и почвенных микроорганизмов», руководит учебной практикой по ботанике (1 курс вечернего отделения), курсовыми и дипломными (квалификационными) работами студентов.

Ассистент Авдеева-Власова Наталья Валерьевна – кандидат биологических наук (03.00.16 – экология). Выпускница и воспитанница (работа в научно-исследовательской группе, аспирантура) кафедры. Автор около 30 научных и научно-методических публикаций по комплексному изучению лесных фитоценозов (видовой и экобиоморфный состав древостоя и травостоя, фитомасса, подстилка, почва, распределение тяжелых металлов) в степном Заволжье. Читает курсы: «Основы экологии», «Охрана окружающей среды». Проводит лабораторные занятия по дисциплинам: «Общее почвоведение с основами геологии», «Почвоведение с основами растениеводства», «Большой спецпрактикум». Руководит производственной практикой по экологии растительных сообществ (3 курс), курсовыми и дипломными (квалификационными) работами студентов.

Ассистент Легоньких-Кузовенко Оксана Анатольевна – кандидат биологических наук (03.00.05 – ботаника). Выпускница и воспитанница (аспирантура) кафедры. Автор 15 научных и научно-методических публикаций по изучению флоры Сыртового Заволжья. Читает курсы: «Ботаника», «Основы

экологии». Проводит лабораторные занятия и учебную практику по ботанике. Руководит курсовыми и дипломными (квалификационными) работами студентов.

К сожалению, все мои попытки «обогащить кафедру» молодыми преподавателями-мужчинами оказались неудачными. Причина проста: после «убийства СССР» зарплата начинающего университетского преподавателя не обеспечивает его физического существования на «этом свете».

Ассистент Здеветский Андрей Георгиевич – выпускник и воспитанник (аспирантура, ассистентура) кафедры, кандидат биологических наук (03.00.16 – экология). Автор 14 научных публикаций по изучению физиолого-биохимических и экологических свойств древесных растений в условиях лесостепной и степной зоны. Ушел с кафедры на другую, более высокооплачиваемую работу.

Ассистент Кочетков Илья Анатольевич – воспитанник (аспирантура, ассистентура) кафедры, кандидат биологических наук (03.00.16 – экология). Автор 10 научных публикаций по изучению биологической активности почв в лесных фитоценозах степного Заволжья. Ушел с кафедры на высокооплачиваемую работу.

Ассистент Козлов Александр Николаевич – воспитанник (аспирантура, ассистентура) кафедры. Мы его специально готовили в качестве почвовед и агрохимика. Автор 12 научных публикаций по изучению влияния флористического и экобиоморфного состава фитоценозов на физико-химические свойства почв в степном Заволжье. Хороший знаток компьютера и компьютерных технологий. Ушел с кафедры на «большую зарплату».

В учебно-вспомогательном персонале первым кандидатом биологических наук (03.00.16 – экология) стал наш старший лаборант Игорь Николаевич Гореславец. Поступив учиться на 1 курс специальности «Биология», он не совладал с высшей математикой и был отчислен из университета. Я взял его на кафедру в качестве материально ответственного лаборанта, и он проработал в этой должности не менее 10 лет. Заметив, что И.Н. Гореславец страстно интересуется энтомологией (прибыв в экспедицию, бросает «все», хватается сачок и бежит в лес), я решил восстановить его в студенты. Место нашлось на вечернем отделении. Взяв у декана доц. Е.И. Теньгаева зачетку И.Н. Гореславца и «хвостовку», я направился к нашему математику доц. В.М. Долгополову. «Знаете ли Вы, – обратился я к Вячеславу Михайловичу, – что великий Дарвин был троичником?» «И Лобачевский – тоже!» – отвечив доцент математики. «Есть у нас на кафедре лаборант, который круглосуточно готов изучать стафилинид, это – хищные жуки, поедающие «жуководерья»». Давайте поможем ему выучиться», – попросил я. Вячеслав Михайлович сказал: «Пусть он сам ко мне придет!» Так И.Н. Гореславец снова стал студентом. Дипломная работа его, написанная на основе многолетнего собственного полевого материала, была великолепна!

Потом лаборант И.Н. Гореславец стал соискателем, сдал экзамены кандидатского минимума (я опять добился, чтобы «любители зарабатывать» за курсы не «ощипывали» его, «как кура»), написал и успешно защитил кандидатскую диссертацию, посвященную экологической характеристике стафилинид Самарской области. Он автор 10 научных публикаций, лауреат Всероссийской премии имени И.И. Спрыгина за цикл работ по фауне, экологии и проблемам охраны редких видов коротконадкрылых жуков. Увы! Но он тоже ушел с кафедры на более высокооплачиваемую работу...

Здесь я хочу оговориться, что отчисление студентов из университета за неуспеваемость по общенаучным дисциплинам (для биологов – по физике, химии, математике и т.п.) чаще всего совершенно не оправданно. И это я утверждаю как всегдашний «отличник». Это я так, к сведению. А вот известный профессор Р., назвав одного студента «идиотом» и «дебилем», отбил у него вообще интерес к математике. Я думаю, что коль сей «гений» математики не способен даже «просто научить» обучаемых им своему предмету, то он, по крайней мере, мягко выражаясь, элементарно не умен. «Крепче» выразаться противно! Кстати, «дебил» и «идиот» в срок обучения в аспирантуре выполнил и успешно защитил добротную кандидатскую диссертацию, а затем опубликовал фундаментальную научную монографию!

В одном из ведущих Институтов Российской академии наук (РАН) в наши дни в высшей степени активно трудится в должности заместителя директора по научной работе молодой доктор наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, автор около 500 научных публикаций, в том числе ряда фундаментальных монографий, воспитатель многих кандидатов наук. Он недолгое время являлся студентом нашего Самарского университета и был безжалостно отчислен из него за «двойку» по физике. Как хорошо, что «путевку в жизнь» этому достойному человеку дал другой самарский ВУЗ!

Еще один эпизод из жизни «звезд науки». Мой подшефный соискатель, изучавший экологию пауков (помните «Муху-цокотуху»?), целый год ездил на оплачиваемые им курсы по философии из Жигулевска в Самарский университет. Но, сдавая кандидатский экзамен, получил «двойку». Удивленный таким оборотом дела, пошел я к экзаменаторам. Меня приняла сидящая «нога на ногу» в короткой юбочке преподавательница. «Почему же Вы поставили «двойку» моему натуралисту? Он изучает хищных пауков», – спросил я. «Он не знает ответа на элементарный вопрос», – ответствовала ломающая человеческую судьбу. «А какой это вопрос?» – допытывался я. Данный вопрос: «Что такое культура?» – раздраженно «выдавила» сверкающая обнаженными «прелестями» «суперкультура». Сдержался я. «А что такое культура? Скажите мне. Я тоже этого не знаю!» – взмолился я. «Культура – это обобщенный опыт общества!» – изрекла «жрица» «богословия» наших дней! «Я думаю, что такого ответа у нас в университете не даст никто: ни доценты, ни профессора, хотя они давно имеют ученые степени в отличие от «пришибленного» Вами соискателя. Зачем специалисту по паукам Ваши никому не нужные заумности?» – сказал я. Но «суперкультура» презрительно не ответила.

Вышел я в коридор, опросил с десятков знакомых мне профессоров и ни один не знал ответа на вопрос, которым «богословы» в недавнем прошлом изощрявшиеся в «избиении» студентов по догмам «научного коммунизма», безжалостно ломающие судьбы людей (сам я был свидетелем, как за «двойку» по научному коммунизму отчислили из университета студентку – мать троих детей), «срезали» моего соискателя, посвятившего науке 20 лет.

Пауковед мой диссертацию свою, слава Богу, написал и успешно защитил. Но горький осадок от контактов с нашими «богословами» у него, наверное, все-таки остался. Вот так и «живут» наши дела, хорошие или плохие, добрые или злые. Живут они в памяти людей! И передаются из памяти одного человека к другому. Помните об этом, друзья мои! И не творите зла, оно может вернуться к вам! А

догмы ваших нынешних «наук», за незнание которых вы «сворачиваете шею» экзаменуемым, могут быть «прокляты» завтра как «лженауки». Научный коммунизм – тому пример. И звезды (Маркс, Ленин и др.) тоже меркнут.

Ну, а теперь – по теме. В нынешнем учебно-вспомогательном составе нашей кафедры трудятся три кандидата наук.

Инженер и ассистент Аксютина-Макарова Юлия Владимировна – кандидат биологических наук (03.00.16 – экология), воспитанница (работа инженером, аспирантура) кафедры, ученица проф. Н.В. Прохоровой. Автор 23 научных и научно-методических публикаций по изучению накопления тяжелых металлов в различных тканях и органах растений. Хозяйка (материально ответственное лицо) кафедры. Продолжает научные исследования, участвует в учебном процессе.

Инженер Трофимова Татьяна Александровна – кандидат биологических наук (03.00.16 – экология), ученица проф. С.А. Сачкова. Автор 18 научных публикаций по изучению фауны чешуекрылых Южного Урала. Продолжает научные исследования в лаборатории систематики животных и фаунистики.

Главный специалист биостанции Терентьев Валентин Григорьевич – кандидат сельскохозяйственных наук («лесоводство и агролесомелиорация»), доцент по кафедре ботаники. С 1974 по 1988 год работал доцентом. Дендролог, почвовед. Воспитанник известного исследователя Генковских водораздельных лесополос Германа Павловича Шестоперова. Имеет многолетний опыт чтения лекций по курсам: «Лесоводство», «Агролесомелиорация», «Почвоведение», «Парковедение и зеленое строительство». Автор проекта центрального парка в г. Кинеле. Автор более 50 научных и научно-методических публикаций по изучению развития древостоя в естественных и искусственных лесах степного Заволжья в зависимости от почвенно-грунтовых условий. Руководит производственной практикой студентов. Внес большой вклад в создание полевой базы Красносамарского биомониторингового стационара кафедры.

На кафедре также работают очень перспективные, активно занимающиеся наукой молодые естествоиспытатели.

Вехник Владимир Петрович – заведующий Жигулевской биостанцией. Он является выпускником кафедры зоологии и экологии Днепропетровского государственного университета. Изучает экологию летучих мышей. Автор около 100 научных публикаций. Завершает работу над кандидатской диссертацией. Содержит хозяйство биостанции, организует проведение полевых практик по ботанике.

Корчиков Евгений Сергеевич – ассистент и инженер биостанции. Является выпускником и воспитанником (аспирантура, работа лаборантом) нашей кафедры. Активно исследует флору сосудистых растений Красносамарского лесного массива и лишенофлору (лишайники) Самарской области. Кандидат биологических наук (03.00.16 – экология, 03.00.05 – ботаника). Автор 44 научных публикаций. Активно участвует в учебном процессе, руководит учебной и производственной практикой, курсовыми и дипломными (квалификационными) работами студентов. Очень много делает по поддержанию в порядке лабораторий кафедры и Красносамарского стационара.

Ивашкина-Вехник Виктория Александровна – сотрудник Жигулевской биостанции. Выпускница кафедры зоологии. Исследует биологию и экологию

сони. Автор около 130 научных публикаций. Завершает работу над кандидатской диссертацией. Следит за санитарным и противопожарным состоянием биостанции, участвует в организации учебных практик студентов.

Лаборантами на нашей кафедре работают также О. Калашникова, Т. Кудашкина и Н. Колошко. Они обслуживают учебные занятия в лабораториях.

Все работающие на кафедре экологии, ботаники и охраны природы – это замечательные, умные, добрые, благожелательные люди, являющиеся увлеченными наукой учеными-естествоиспытателями и талантливыми воспитателями студенческой молодежи. Наша кафедра в настоящее время – это самая высококвалифицированная (5 докторов наук, все преподаватели имеют ученую степень, в учебно-вспомогательном персонале – 3 кандидата наук!) естественнонаучная кафедра не только в Самарском госуниверситете и в Самарской области, но и широко вокруг нее! На биологическом факультете она выполняет особо заметную роль и выступает «притягательным центром» для многих сотрудников. Здесь всяк найдет понимание, помощь и поддержку...

Наша кафедра широко известна и авторитетна в стране. Для нас стало обычным делом выступать ведущей организацией по диссертациям, защищаемым в советах ВУЗов и НИИ Москвы, Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Ижевска, Казани, Саратова, Йошкар-Олы, Брянска, Саранска, Оренбурга, Воронежа и др. К нам на отзыв поступают авторефераты диссертаций с Украины, из Белоруссии, Молдавии и из многих городов необъятной России. По случаю 70-летия я получил 67 приветствий и поздравлений от профессоров и руководителей кафедр из 62 городов, в том числе – с Украины (Киев, Львов, Днепрпетровск, Харьков) и из Белоруссии (Минск).

И это тоже показатель отнюдь не моего тщеславия, а признания правильности пути, по которому я шел целых 37 лет, терпеливо, вопреки «укрошению строптивного», «подбирая», «расстанавливая» и «воспитывая». А кадры, действительно, решают все! Под лежащий же камень вода не канет...

11. УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС В ДЕЙСТВИИ

Итак, с 1973-1974 учебного года наше «подразделение ботаники» начало осуществлять специализацию «Ботаника», готовя студентов для работы геоботаниками в институте «Росгипрозем», с которым был заключен соответствующий договор. Я уже подчеркивал, что подготовка специалистов в классическом университете предусматривает непрерывное научное творчество каждого студента с первого до последнего дня обучения. В Днепрпетровском университете это так и было. Набор студентов в нем на 1 курс осуществлялся по специальностям: «Ботаника», «Зоология», «Гидробиология», «Микробиология», «Физиология растений», «Физиология человека и животных», «Биофизика», «Биохимия». И с первого дня обучения каждый студент включался в научную работу в составе исследовательского кружка при соответствующей кафедре.

В Куйбышевском, как и во многих других советских провинциальных университетах, набор студентов происходил на общую специальность «Биология» (хотя быть специалистом по всей современной биологии вообще не способен ни один человек – «ячеек памяти» в голове не хватит). На 1-3 курсах все студенты изучают одни и те же общенаучные дисциплины и только на 3 курсе по личному выбору подразделяются по специализациям (по кафедрам) и у них появляются

специальные дисциплины, практикумы, практики, курсовые работы. Сложность задач, стоящих передо мной, заключалась еще и в том, что читать лекции, проводить лабораторные занятия, практики по спецдисциплинам нашей специализации «Ботаника» должны были не просто преподаватели (как в «кулинарном техникуме»!), озвучивающие учебник по едва понятному им предмету, а ученые, разрабатывающие научные проблемы данной дисциплины. Иного в настоящем классическом университете не бывает и быть не должно.

А что реально имелось у нас? Как уже отмечалось, Д.М. Пирогова являлась физиологом растений, геоботанические проблемы ее не волновали, а соответствующие спецдисциплины – ей были не ведомы. Т.И. Плаксина знала биохимию полиплоидных форм шелковицы, умела собирать гербарий и определять сосудистые растения. Ее можно было использовать как руководителя практик по ботанике и как флориста. Но в ту начальную пору она считала себя «перегруженной» и от спецкурсов отказывалась, «мотаясь» по своим научным устремлениям от биохимии (Баку) до флористики (Жигулевский заповедник). И был я тогда один-одинешенек, а не «семеро» как положено «вяцким».

И пришлось мне читать спецдисциплины и на 3 курсе («Экология растений») и на 4 курсе («Геоботаника», «Геоботаническое картографирование», «География растений», «Большой спецпрактикум», «Основы химического взаимодействия растений»), руководить всеми курсовыми работами. Однако я не отчаивался. И знаний, и сил хватало на все.

В начале второго семестра (февраль 1974 г.) на работу был принят В.Г. Терентьев. Имея большой опыт в изучении почвы и лесонасаждений, он взял на себя ряд спецкурсов («Лесоводство», «Агроресомелиорация», «Большой спецпрактикум (почвоведение)») и руководство несколькими курсовыми работами. В штате нашего «подразделения ботаники» стало 4 преподавателя. Для официального создания кафедры не хватало одного. В 1974-1975 учебном году появился и пятый – О.А. Мозговая. Она окончила Саратовский университет по специальности «Микробиология», поработала ботаником в Башкирском заповеднике, окончила аспирантуру при МГУ и выполнила кандидатскую диссертацию по геоботаническому обследованию горных хвойных лесов Башкирского заповедника. Я был рад ее появлению, надеясь, что она в Москве прошла добротную геоботаническую выучку. Теперь, как я полагал, мы хорошо и правильно «поведем вперед» специализацию студентов. О.А. Мозговая согласилась взять на себя спецкурсы «Геоботаника», «Геоботаническое картографирование», «Луговедение», «Большой спецпрактикум (по систематике растений)», ряд курсовых и дипломных работ.

Д.М. Пирогова и Т.И. Плаксина, отказываясь от спецдисциплин, все же подключились (первая – больше, вторая – меньше) к руководству курсовыми и даже дипломными работами, и «лед тронулся, господа присяжные заседатели»!

Как уже отмечалось, мы имели договор с институтом «Росгипрозем» на подготовку геоботаников (на 10 лет), базу для производственных практик в Красносамарском лесничестве, лабораторное помещение, минимальное учебное оборудование, единую тему научно-исследовательских работ, научную комплексную биогеоэкологическую экспедицию и 5 штатных единиц преподавателей. «Подразделение...» было подготовлено к официальному (приказом Минвуза РСФСР) превращению в кафедру ботаники...

Приступив к работе в должности заведующего кафедрой ботаники с 1 сентября 1977 года, я целенаправленно начал «вправлять» проводимые на кафедре учебные занятия «в университетское русло». Прежде всего, надо было добиться, чтобы по всем учебным дисциплинам преподаватели разработали четкие и грамотные рабочие программы. За период пребывания в докторантуре я собрал много разных программ на ботанических кафедрах университетов (Днепропетровский, Киевский, Львовский, Московский, Ленинградский, Уральский, Саратовский, Белорусский). Отъезжающих на факультеты повышения квалификации в МГУ и ЛГУ преподавателей я озадачивал брать там программы по нашим учебным дисциплинам. Постепенно по всем общенаучным («Ботаника», «Физиология растений», «Почвоведение с основами растениеводства», «Экология, биогеоценология и охрана природы») и спецдисциплинам («Экология растений», «Геоботаника», «Луговоеведение», «Лесоводство», «География растений», «Степное лесоведение», «Основы химического взаимодействия растений» и др.) мы разработали и апробировали рабочие программы.

Очень важно было также обеспечить студентов учебниками. В этом деле нам хорошо помогла университетская библиотека. Следовало также иметь научную литературу по тематике кафедры, чтобы ее могли использовать и преподаватели, и студенты при выполнении курсовых и дипломных работ. Выписывая и покупая новые книги по аллелопатии, степному лесоведению и др., лично я приобретал по 2 экземпляра и один передавал в библиотеку.

Хоздоговорные исследования, которые мы вели непрерывно в течение 27 лет, начиная с 1977 года, давали финансовые средства для закупки учебной и научной литературы, приборов, инструментов, реактивов, используемых и в научной, и в учебной работе.

Отмечу, что в 1977-1978 учебном году наш факультет оказался в помещениях во вновь построенном корпусе на ул. акад. Павлова, 1. Кафедра ботаники располагалась теперь на третьем этаже и имела 7 помещений. К сожалению, неразумность тактики Д.М. Пироговой и Т.И. Плаксиной привели к потере к. 301 (36 м²) и к. 309 (78 м²). Но все же, теперь у нас была возможность создавать специализированные научно-учебные лаборатории. Постепенно мы оборудовали лаборатории физиологии растений, экологии почв и растений, аллелопатии, систематики растений, учебный гербарий.

Большую трудность представляла организация научно-исследовательской деятельности студентов, так как это было невыполнимо без активного творчества преподавателей, а последние заявляли либо, что «для этого нет условий» (Д.М. Пирогова), либо, что «неприлично в своих целях эксплуатировать студентов» (Т.И. Плаксина), либо, что «в университете главное – учить студентов, а не диссертации писать» (О.А. Мозговая). Поэтому первые наши курсовые и дипломные работы, конечно же, не отличались ни высокой актуальностью, ни значительной научной новизной. Они были и эпизодичны, и фрагментарны по содержанию и, скажем прямо, весьма «незадачливы» по форме.

Мы же в В.Г. Терентьевым активно работали в комплексной экспедиции, вместе со студентами ежегодно собирали в Красносамарском лесу обширный новый научный материал, публиковали статьи в научной печати, выступали с докладами на конференциях, широко внедряли свои результаты в учебный процесс. Видя все это «встрепенулись» и наши «коллежанки». С каждым годом «процесс

пошел» все легче, проще, шире, дальше. Возрастало и качество курсовых и дипломных работ. «Новое мышление» «брало верх».

Для правильной организации лабораторных занятий, как свидетельствовал мой опыт работы в Днепропетровском университете, нужны были «инструкции» (методические указания) по всем темам и по всем учебным предметам. Дело этого тоже оказалось весьма «скрипуче-резинистое». «Зачем, – восклицали единодушно мои «коллежанки», – ведь есть же учебники в библиотеке!?» Доказать, что в каждом университете в зависимости от географических особенностей края есть своя специфика при изучении ботаники, фитоценологии и др., было крайне трудно. «Ленив и неповоротлив русский человек и не способен ни логически мыслить, ни последовательно действовать!» – писал И.С. Тургенев – великий знаток человеческой природы.

Первым на мой «призыв» откликнулся В.Г. Терентьев, который написал по предложенной мной схеме методические указания для лабораторных занятий по почвоведению (*Терентьев В.Г. Лабораторный практикум по спецкурсу «Почвоведение».* – Куйбышев, 1977. – 31 с.), затем – Т.И. Плаксина (*Плаксина Т.И. Систематика низших растений: Метод. указания к лабор. занятиям.* – Куйбышев, 1977. – 15 с.), Д.М. Пирогова (*Пирогова Д.М. Анатомия растений: Метод. указания.* – Куйбышев, 1977. – 28 с.). Постепенно у нас появились методические указания по всем разделам ботаники, по физиологии растений и др. Всего за период 1977-1980 гг. было написано и опубликовано 8, за 1981-1990 гг. – 10, за 1991-1995 гг. – 11, за 1996-2000 гг. – 17, за 2001-2005 гг. – 12, за 2006-2008 гг. – 29 пособий. Лабораторные занятия по всем общебиологическим и спецдисциплинам были обеспечены методическими пособиями.

Научно-методическая работа на кафедре существенно активизировалась и количественно, и качественно, когда в наш коллектив влились «свежие силы» – Наталья Владимировна Прохорова, Людмила Михайловна Кавеленова, Сергей Анатольевич Сачков. Они окончили наш факультет, и я, пользуясь вакансиями по хоздоговорным темам, устраивал их на работу. Н.В. Прохорова прошла специализацию по ботанике, сначала трудилась младшим, затем – старшим научным сотрудником по хоздоговорам, потом – стала ассистентом. Л.М. Кавеленова специализировалась по биохимии, и ее оставляли для работы на кафедре биохимии лаборантом при условии, что не прибудет целевой аспирант Н.А. Трещанина. Я же «переманил» Людмилу Михайловну к себе на кафедру, устроив ее по хоздоговору младшим научным сотрудником, в надежде, что она будет разрабатывать проблемы аллелопатии (биохимический состав растительных выделений). Позднее она также стала ассистентом. С.А. Сачков специализировался по зоологии. Отслужив в Армии, он пришел ко мне. Я, «выбив» его через заведующего облОНО из школьной системы, устроил старшим лаборантом на кафедру. Позднее он тоже стал нашим ассистентом.

Отмечу, что жизнь заставляла гибко менять направления специализации студентов на кафедре. Сначала исчезла потребность в геоботаниках. Институт «Росгипрозем» все свои филиалы в 25 областях (Пензенская, Оренбургская, Ульяновская, Кировская и др.) превратил в самостоятельные учреждения, и каждая область стала обеспечивать их «своими», «домашними» кадрами. Некоторое время мы еще готовили для нашего Куйбышевского «Гипрозема» почвоведов, но потребность в них тоже скоро иссякла.

Поскольку мы (я, В.Г. Терентьев, Н.В. Прохорова, Л.М. Кавеленова, сотрудники ботанического сада) с 1977 года вели научные разработки по озеленению цехов, промплощадок, санитарно-защитных и жилых зон заводов (ВАЗ, ЗИМ, Металлист и др.), хорошо знали и литературу, и методы, и результаты этого направления, то специализацию студентов пришлось «поворачивать» в данном аспекте, изыскав соответствующие заявки на специалистов такого профиля. Чтобы иметь гарантию трудоустройства наших выпускников, я решил существенно трансформировать весь комплекс спецдисциплин и официально сменить специализацию студентов. После документальной проработки и подготовки советы факультета и университета утвердили по нашей кафедре новую специализацию – «Экология и охрана природы» (с 1988 г. – на вечернем отделении, с 1995 г. – на дневном отделении). Решением Ученого совета университета изменяется и название кафедры: с 1990 г. – кафедра ботаники и охраны природы (*), с 1993 г. – кафедра экологии, ботаники и охраны природы. Оговорюсь, что решением Ученого совета университета нашей кафедре было разрешено продолжать и специализацию «Ботаника» по индивидуальным планам работы студентов.

С введением на кафедре специализации «Экология и охрана природы» изменился и перечень наших спецкурсов. Из дисциплин ботанического цикла мы оставили для обеспечения учебной нагрузки наших «ботаников» (Т.И. Плаксина, О.А. Мозговая) «Фитоценологию», «Местную флору», «Географию растений», «Растительные ресурсы», но усилили в рабочих программах экологическую и природоохранную направленность. Так, в курсе «Фитоценология» предлагалось акцентировать особое внимание на синэкологию – экологию растительных сообществ (О.А. Мозговая), курсы «Местная флора и ее охрана», «Экологическая география растений», «Растительные ресурсы, их использование и охрана» (Т.И. Плаксина) также должны были приобрести «новое звучание». О.А. Мозговая, изучавшая при выполнении кандидатской диссертации лесные фитоценозы Башкирского заповедника, как я полагал, соответствовала спецкурсу «Фитоценология», а Т.И. Плаксина, всю свою университетскую жизнь исследующая флору Волго-Уральского междуречья, могла проводить занятия по предложенным ей спецдисциплинам.

Наш физиолог растений Т.А. Овчинникова, исследующая развитие почвенных водорослей, бактерий, грибов, освоила спецкурс «Экология почв и почвенных микроорганизмов». Л.М. Кавеленова, имеющая опыт изучения физиолого-биохимических свойств растений, почвы, фитоиндикации воздушной и почвенной среды, взяла на себя разработку курсов «Почвоведение с основами растениеводства», «Проблемы экологической безопасности», «Охрана окружающей среды», «Методы контроля за состоянием окружающей среды», «Математические методы экологических исследований», «Физиолого-биохимическая экология». Изучающая аккумуляцию тяжелых металлов в почвах и растениях, влияние на растения промышленных шламов Н.В. Прохорова освоила курсы «Биогеохимия», «Новые информационные технологии», «Фитомелиорация окружающей среды», «Урбоэкология». Энтомолог С.А. Сачков разработал спецкурс «Экология насекомых». Ну а я взял на себя мои традиционные курсы: «Основы химического взаимодействия растений», «Экология растений», «Биогеоценология».

По всем спецдисциплинам мы разработали соответствующие рабочие программы, закупили в библиотеку учебники, создали на кафедре фонд научной литературы, компьютерные базы данных, геоинформационные системы. Все преподаватели активно включились в работу по разработке, написанию и опубликованию учебных пособий по дисциплинам кафедры.

Выдержали многолетнюю проверку временем и переиздание следующие из них.

Матвеев Н.М. Практикум по курсу «Основы химического взаимодействия растений». – Куйбышев, 1979. – 32с.

Матвеев Н.М., Терентьев В.Г. Малый лабораторный практикум по систематике высших растений. – Куйбышев, 1980. – 16с.

Матвеев Н.М., Кавеленова Л.М., Прохорова Н.В. Основы химического взаимодействия растений: Практикум. – Куйбышев, 1987. – 56с.

Матвеев Н.М., Терентьев В.Г., Филиппова К.Н., Демина О.Е. Изучение лесных экосистем степного Поволжья: Учебн. пос-е. – Куйбышев, 1990. – 48с.

Кавеленова Л.М. Малый практикум по почвоведению. – Самара, 1991. – 25 с.

Кавеленова Л.М. Методические указания к выполнению лабораторных работ по спецкурсу «Методы контроля за состоянием окружающей среды». – Самара, 1991. – 13 с.

Кавеленова Л.М. Математические методы в ботанических и экологических исследованиях: Метод. указания. – Самара: Самарский университет, 1994. – 32 с.

Кавеленова Л.М. Лабораторные работы большого спецпрактикума. – Самара: Самарский университет, 1995. – 31 с.

Прохорова Н.В., Кавеленова Л.М., Баданова О.В. Науки о Земле. Почвоведение с основами геологии: Метод. указания к лабор. занятиям. – Самара: Самарский университет, 1998. – 60 с.

Прохорова Н.В., Баданова О.В. Ботаника. Анатомия растений: Метод. указания к лабор. занятиям. – Самара: Самарский университет, 1998. – 48 с.

Кавеленова Л.М., Баданова О.В. Лабораторный практикум по курсу «Почвоведение с основами растениеводства». – Самара: Самарский университет, 2000. – 60 с.

Матвеев Н.М., Терентьев В.Г. Полевая практика по экологии растительных сообществ: Учебно-метод. пос-е. 2-е изд-е, перераб. и дополн. – Самара: Самарский университет, 2000. – 76 с.

Прохорова Н.В. Ботаника. Морфология растений: Учебн. пос-е. – Самара: Самарский университет, 2001. – 50 с.

Кавеленова Л.М., Прохорова Н.В. Практикум по почвоведению с основами геологии: Учебн. пос-е. – Самара: Самарский университет, 2001. – 64 с.

Кавеленова Л.М. Лабораторные работы большого спецпрактикума: Учебн. пос-е. – Самара: Самарский университет, 2001. – 50 с.

Матвеев Н.М., Аксютин Ю.В. Научно-учебно-методические материалы по специализации «Экология и охрана природы». – Самара: Самарский университет, 2002. – 82с.

Прохорова Н.В., Козлов А.Н. Геоинформационные системы: Учебн. пос-е. – Самара: Самарский университет, 2002. – 32 с.

Легоньких О.А., Прохорова Н.В. Ботаника. Систематика низших растений. Водоросли: Метод. рекомендации. – Самара: Самарский университет, 2006. – 32 с.

Появились среди наших учебных пособий и такие, которые прошли апробацию в Московском университете и были рекомендованы Учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию Минвуза РФ для использования в университетах России.

Матвеев Н.М. Биоэкологический анализ флоры и растительности (на примере лесостепной и степной зоны): Учебн. пос-е. (Гриф УМО). – Самара: Самарский университет, 2006. – 311с.

Кавеленова Л.М. Проблемы экологической безопасности: Лабор. практикум. (Гриф УМО). – Самара: Самарский университет, 2007. – 98с.

Прохорова Н.В., Кавеленова Л.М. Науки о Земле. Почвоведение с основами геологии: Учебн. пос-е. (Гриф УМО). – Самара: Самарский университет, 2007. – 98 с.

Прохорова Н.В., Кавеленова Л.М. Науки о Земле. Практикум по общему почвоведению с основами геологии: Учебн. пос-е. (Гриф УМО). – Самара: Самарский университет, 2008. – 96 с.

Прохорова Н.В. Ботаника. Морфология и анатомия растений: Учебн. пос-е. (Гриф УМО). – Самара: Самарский университет, 2008. – 98 с.

Наша кафедра первой в университете разработала четкие требования и правила написания и оформления курсовых и дипломных работ.

Для того, чтобы исключить субъективизм при оценке курсовых работ студентов и «уравновесить», унифицировать данную оценку, я разработал специальный «бюллетень», заполняемый каждым преподавателем индивидуально после просмотра (прочтения) переплетенной и доложенной на заседании кафедры работы (см. бюллетень). На титульном листе курсовой работы я проставлял карандашом ее номер. Преподаватели, читая текст, оценивали его по пунктам бюллетеня, обводя кружком свою оценку. Заполненные бюллетени опускались в урночку. Сотрудник, разбиравший из урночки бюллетени, рассчитывал (по номерам) среднеарифметические оценки по отдельным пунктам и в целом. После идентификации фамилий студентов составлялась общая «оценочная таблица» (см. табл. 11.1). Не скажу, что абсолютно все мои «коллежанки» были рады этому новшеству, но я преодолел их многолетнее «торможение» успешно.

Кто-то может сказать, что сие – «бюрократизм» или иной какой-то «-изм», однако качество выполняемых на нашей кафедре курсовых работ резко «пошло в гору», исчезли разногласия, грубые споры, взаимные обиды преподавателей. Они стали внимательнее, добросовестнее относиться к работе с текстом курсовой студентов, осваивая и для себя лично много казавшихся неважными «мелочей» (правила оформления таблиц, рисунков, приложений, ссылок, описаний литературных источников и т.д.). Естественно, существенно улучшилось и качество дипломных работ студентов.

Вообще, если бы моя воля («Если бы я был директор!»), то я обязательно ввел бы такую «прямую, тайную и равную» оценку и дипломным работам. Ведь ученая степень присваивается на основе тайного голосования членов диссертационного совета! Почему же члены Государственной аттестационной комиссии не могут тайно (самостоятельно и не взирая на лица, то есть на научных

ОЦЕНКА КУРСОВОЙ РАБОТЫ № _____

1. Актуальность (по степени изученности и новизны): **0 3 4 5**
2. Полнота проработки литературного материала (по числу источников, русских, иностранных, по журналам, монографиям, Internet, по последнему 10-летию...): **0 3 4 5**
3. Качество использованных методов (по числу, по трудоёмкости, по современности, по адекватности): **0 3 4 5**
4. Качество математической обработки данных (по числу и адекватности статистических показателей): **0 3 4 5**
5. Использование современных информационных технологий (геоинформационные системы, компьютерные программы): **0 – нет, 5 – да**
6. Трудоёмкость выполненного исследования (по затраченному времени):
0 3 4 5
7. Объём собственных данных (по числу таблиц, рисунков, приложений):
0 3 4 5
8. Полнота анализа и обсуждения фактического материала (таблиц, рисунков, и др.): **0 3 4 5**
9. Правильность оформления иллюстративного материала (таблиц, рисунков, приложений): **0 – нет, 5 – да**
10. Правильность оформления списка литературы: **0 – нет, 5 – да**
11. Правильность оформления ссылок на цитируемые источники: **0 – нет, 5 – да**
12. Обоснованность выводов: **0 3 4 5**
13. Грамотность формулировок выводов (выводы – не аннотация!): **0 – нет, 5 – да**
14. Оценка за доклад: **0 3 4 5**

**Выбранную оценку обвести кружком, например: ③,
"0"-оценка отрицательная**

Таблица 11.1

Оценки за курсовые работы студентов, специализирующихся на кафедре экологии, ботаники и охраны природы (3 курс, очное отд.)

Ф.И.О.	Актуальность	Полнота проработки литературного материала	Качество использованных методов	Качество математической обработки данных	Использование современных информационных технологий	Трудоёмкость выполненного исследования	Объём собственных данных	Полнота анализа и обосуждения фактического материала	Правильность оформления иллюстративного материала	Правильность оформления списка литературы	Правильность оформления ссылок на цитируемые источники	Обоснованность выводов	Грамотность формулировок выводов	Оценка за доклад	Средний балл	Итоговая оценка
Гафиятова Э.А.	5	4,83	4,83	5	5	5	4,83	4,83	5	5	5	4,83	5	5	4,94	5
Ермолаева А.Л.	4,83	4,17	4,83	4,83	4,17	4,83	4,83	5	5	4,17	5	4,83	5	4,67	4,73	5
Полтавец О.В.	4,6	4	4,4	4,8	5	4,6	4,8	4,4	4	5	4,8	4,6	5	4,8	4,63	5
Гурьянова Т.М.	4,83	4,17	4,67	4,67	5	4,83	4,83	4,83	5	5	5	4,83	5	4,67	4,81	5
Петрова Е.А.	5	4,5	5	5	5	4,83	4,83	5	5	5	5	5	5	5	4,94	5
Кудрявцева Е.А.	4,6	4,4	5	5	5	5	5	4,6	4	5	5	5	5	5	4,83	5
Жандарова М.А.	5	4,2	4,2	4,6	4	4,8	4,8	4,2	3	5	5	4,6	5	4,8	4,51	5
Луенко А.В.	5	4,2	4,2	4,2	5	4,2	4,4	4,4	5	4	5	4,6	5	4,6	4,56	5
Калашников Е.В.	4,83	3,83	4,5	3,83	5	4,17	4,33	4,33	4,17	3,33	4,17	4,67	5	4,5	4,33	4
Попова И.А.	4,5	4,33	3,5	1,67	3	3,5	3,17	4,33	4,67	4,67	4,67	3,5	3,83	4,17	3,82	4
Данилина Т.А.	4,33	3,83	1,67	1,67	3	3,17	1,17	2,5	4,67	2,17	4,67	3,5	3	4	3,1	3
Баранова О.С.	3	3,17	1,67	1,67	3	3,33	2,17	2,17	3	3	3	1,67	1,33	3,17	2,52	3

руководителей и заведующих кафедрами – членов ГАК) и лично выставить дипломнику оценку по всем «свойствам» его дипломной работы и в целом? Много времени это не займет. Но исчезнут весьма и часто завышенные и, наоборот, – заниженные, то есть субъективные оценки. Уровень же дипломных работ «круто пойдет», но заслуженно – «вверх». А это ведь от нас и требуется!

Для подготовки специалистов по экологии и охране природы очень важна добротная практика студентов в полевых условиях, в природе. Поэтому я стремился к созданию соответствующих баз.

Учебно-научными полевыми базами кафедры являются: ботанический сад, Жигулевская биостанция и ее филиал – Красносамарский стационар. Они используются для учебных и производственных практик студентов, для научно-исследовательских работ преподавателей, сотрудников, аспирантов и соискателей.

Ботанический сад Самарского госуниверситета существует с 1932 года и, располагаясь в географическом центре г. Самары, занимает площадь 40 га. На его территории находятся два живописных пруда,

созданные за счет плотин в верховьях Постникова оврага, устье которого выходит к Волге. Почвенный покров образован суглинистым и глинистым обыкновенным черноземом. Большую часть территории занимают, кроме упомянутых прудов, дендрарий, в котором обитает более 700 видов и форм древесных, кустарниковых, лиановых растений различного географического происхождения (Северная и Южная Америка, Африка, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия и др.), плодовый сад, коллекционные участки роз и иных цветочно-декоративных видов, питомник, альпийские горки, аллеи. Имеется великолепная оранжерея с отделами тропических и субтропических растений, комплекс теплиц с огромным разнообразием выращиваемых в них видов.

В живой коллекции ботанического сада обитает более 3 тысяч таксонов растений, что позволяет осуществлять здесь учебную и производственные практики студентов, а также выполнять разнообразные курсовые, дипломные (квалификационные) работы и диссертационные изыскания.

Научно-производственный коллектив ботанического сада укомплектован воспитанниками кафедры: В.В. Корнева (зав. оранжерей), М.Н. Соболева (цветочно-декоративные культуры), И.В. Рузаева (розарий), Т.М. Жавкина (лиановые растения), А.В. Помогайбин (орехоплодные растения).

Ботанический сад имеет статус памятника природы, входит в объединения Совета ботанических садов Урала и Поволжья, Совета ботанических садов России, а также Международного совета ботанических садов по охране растений Мира (центр – в Англии).

Здесь разрабатывается финансируемая Минвузом РФ тема: «Изучение закономерностей адаптационных процессов растений при интродукции в условиях Среднего Поволжья». По данной тематике защищены 3 кандидатские диссертации (С.А. Розно, А.В. Помогайбин, И.В. Рузаева), готовятся к защите еще три.

Возглавляет ботанический сад директор, воспитанница кафедры, кандидат биологических наук Розно Светлана Алексеевна (тел. (846) 334-43-82; e-mail: sambg@ssu.samara.ru). Адрес: 443086, г. Самара, Московское шоссе, 363.

Жигулевская биостанция кафедры располагается в пос. Бахилова Поляна на территории Жигулевского природного заповедника имени И.И. Спрыгина в

северной части Самарской Луки. Она представляет собой одноэтажное деревянное строение с надворными постройками, где проживают, организуют свой быт и обучаются студенты в период учебных практик.

Окрестности биостанции – р. Волга, Жигулевские горы и широкие доли (называемые здесь «оврагами») заняты разнообразными по флористическому составу дубравами, сосняками, лугами, каменистыми степями, озерами и др. Здесь много эндемичных, редких и оригинальных видов растений. Удивительны и неповторимы по красоте ландшафты Самарской Луки – уникального в природном отношении своеобразного «полуострова», образованного крутой излучиной Волги.

Заведующий биостанцией воспитанник кафедры зоологии и экологии Днепропетровского госуниверситета Вехник Владимир Петрович (тел. (84862) 5-31-38, 5-31-22; e-mail: zhr@mail.samtel.ru).

Красносамарский стационар Самарского университета располагается в лесном массиве (13554 га) в пределах Красносамарского лесничества (0,25% от территории Самарской области) в долине среднего течения р. Самары (Волжской) в подзоне разнотравно-типчачково-ковыльных степей обыкновенного чернозема. Объектами мониторинговых исследований (с мая 1974 г. по настоящее время) служат разнообразные по мезорельефу, почвам, породному составу краткопоемные и внепоемные естественные и искусственные лесные сообщества. Важнейшие направления работ различных специалистов отражены в таблице. Природной базой для них служат 44 стационарные пробные площади (по 2500 м²), заложенные в 1974-1976 гг. в типичных для условий степной зоны лесных биогеоценозах (дубняки, липовые дубравы, березовые и осиновые колки, ольшаники, осокорники, ивняки, искусственные сосновые лесонасаждения и др.).

На незанятых лесом участках широко представлены разнообразные по видовому составу и структуре степные, луговые, кустарниковые, низинно-болотные, солонцово-солончаковые сообщества, озера, река, которые также служат объектами изучения. Таким образом, в Красносамарском лесном массиве выражены все основные типы экосистем, свойственные природе степной зоны. Здесь сосредоточено очень большое флористическое и фаунистическое биоразнообразие, если учесть, что данный «лесной островок» окружен бескрайними, ныне почти сплошь распаханными степными ландшафтами. От видового разнообразия флоры и фауны всей территории Самарской области (5,4 млн. га) в Красносамарском лесном массиве отмечено: сосудистых растений – 46,1%; рыб – 51,6%; амфибий и рептилий – 40%; млекопитающих – 51,3%; птиц – 44%; чешуекрылых – 21,8%. Здесь зафиксировано к настоящему времени 254 вида беспозвоночных гидробионтов и 1136 видов насекомых, около 100 видов лишайников.

Если в знаменитом Бузулукском бору (110,6 га) отмечено 363 вида сосудистых растений (Симонова, 2003), то в Красносамарском лесничестве по самым скромным подсчетам обитает 600 видов, то есть на 237 видов больше.

На основе полученных на стационаре материалов, сотрудниками, преподавателями и аспирантами биологического факультета Самарского университета опубликовано в различных изданиях более 300 статей, издано 12 выпусков научного сборника «Вопросы лесной биогеоценологии, экологии и охраны природы в степной зоне» (Куйбышев-Самара, 1976-1991 гг.), 3 выпуска

сборника «Вопросы экологии и охраны природы в лесостепной и степной зоне» (Самара, 1995-1999 гг.), 6 учебно-методических пособий (табл. 11.2).

Данные материалы были использованы при выполнении 5 докторских (Н.М. Матвеев, 1985; С.А. Сачков, 2002; Л.М. Кавеленова, 2003; Д.П. Мозговой, 2005; Н.В. Прохорова, 2005) и 8 кандидатских (О.П. Лаврова, 1999; И.В. Дюжаева, 2000; И.А. Кочетков, 2000; А.В. Бурдаев, 2002; О.А. Карпова, 2004; Н.В. Авдеева-Власова, 2004; И.Н. Гореславец, 2004; Е.С. Корчиков, 2009) диссертаций, а также для монографии (Н.М. Матвеев, 1994).

За 35-летний (1974-2009 гг.) период существования Красносамарского стационара около 700 студентов-биологов прошли на нем производственную практику, освоив разнообразные методы ботанических, зоологических, фитоценологических, лесоводственных, почвенных, экологических исследований. Здесь выполнено более 1000 курсовых и 700 дипломных работ по специализациям «Ботаника», «Зоология», «Экология и охрана природы». Многие студенческие работы опубликованы.

Красносамарский стационар представляет собой классическую полевую базу. Здесь, в палаточном городке при минимуме удобств (навес со столами, скамейками и печкой, колодец, погреб и т.п.), студенты, аспиранты и преподаватели, живя единой семьей, проходят ежегодную своеобразную профессионально-прикладную практику, после которой «дети степных сел» умеют пилить и колоть дрова, а «дети городов» – обходиться колодезной водой и готовить пищу не на газе, а на огне пылающих в печи дров. Теплая быстрая речка и лесные родниковые озера так хороши для купания и рыбалки! И невозможно забыть дом-палатку, «ресторан под кленами» с вкусной пищей, приготовленной твоими друзьями, лунные звездные ночи, наполненные ароматом цветущей липы, трели соловья и нежный щебет птиц на рассвете, переливающиеся волны ковыля и разноцветье трав, тенистые дубравы и бронзовоствольные боры!

За счет средств хоздоговорных научно-исследовательских работ кафедра оснащена современными приборами, персональными компьютерами, включенными в сеть «Internet», специальными компьютерными программами, позволяющими преподавателям, аспирантам и студентам осуществлять всестороннюю математическую обработку фактического материала, компьютерное картирование и многое другое. Активно используются на кафедре геоинформационные системы (ГИС). Учебные лаборатории кафедры оснащены необходимыми приборами (климакамера «Фойтрон», центрифуги, термостаты, сушильные шкафы, муфельные печи, фотоэлектроколориметры, аналитические весы и др.), стеклянной посудой и химическими реактивами.

Преподаватели и сотрудники кафедры осуществляют большую работу по повышению квалификации учителей (по линии СИПКРО), организуют и руководят научно-исследовательскими работами учащихся университета Наяновой, медицинского лицея-колледжа, гимназии № 1 и др., проводят олимпиады и научные конференции школьников.

Кафедра поддерживает тесные творческие связи с Главным ботаническим садом РАН, Казанским, Удмуртским, Марийским, Уральским, Пермским, Нижегородским, Томским, Саратовским, Воронежским, Московским, Днепропетровским и др. университетами, институтом экологии и эволюции РАН, институтом экологии

**Важнейшие направления исследований
на Красносамарском биогеоценологическом стационаре
Самарского государственного университета в 1974-2008 гг.**

№ п/п	Направление исследований	Исполнители*
1	2	3
1	Типология естественных и искусственных лесных биогеоценозов и их экоморфная и биоморфная структура.	Н.М. Матвеев и др. (1976, 1980, 1990); Н.М. Матвеев, В.Г. Терентьев (1988); Н.М. Матвеев (1994); Н.В. Авдеева-Власова (2004).
2	Почвенный покров и особенности почвообразовательного процесса в различных типах естественных и искусственных лесных биогеоценозов.	В.Г. Терентьев (1976, 1983, 1990); И.А. Кочетков (1998, 1999, 2000); Н.В. Авдеева-Власова (2004); А.Н. Козлов (2005, 2007).
3	Рост, развитие, продуктивность и экофизиологические особенности древостоя в зависимости от лесорастительных условий.	В.Г. Терентьев, Н.В. Асеев (1976); В.Г. Терентьев, А.Н. Жирова (1977); В.Г. Терентьев (1982, 1983, 1985); Н.М. Матвеев, В.Г. Терентьев (1986); А.Г. Здетоветский (2000); Л.М. Кавеленова (2003); Н.В. Авдеева-Власова (2004).
4	Видовой состав и продуктивность травостоя в лесных сообществах разных типов.	О.А. Мозговая (1977); О.А. Мозговая, Н.А. Кулагина (1988); Н.М. Матвеев и др. (1980, 1990); Н.В. Авдеева-Власова (2004).
5	Естественное возобновление древесных и кустарниковых пород в зависимости от типологических особенностей лесонасаждений.	В.Г. Терентьев, О.В. Лыкова (1978); Н.М. Матвеев, Е.В. Новикова (1988); Н.М. Матвеев и др. (1989); Н.В. Авдеева-Власова (2004).
6	Экоморфный и биоморфный анализ флоры Красносамарского лесного массива и отдельных типов растительных сообществ (лесных, степных, луговых, кустарниковых).	Н.М. Матвеев и др. (1985); Н.М. Матвеев, Ж.Т. Горшкова (1991); Н.М. Матвеев (1991, 2002, 2003); Н.В. Авдеева-Власова (2004).
7	Особенности фитогенного поля дуба черешчатого и сосны обыкновенной в степном Заволжье.	О.В. Лаврова, Н.М. Матвеев (1996, 1997); О.В. Лаврова (1999).
8	Биоэкологические особенности видовых ценопопуляций растений в условиях степного Заволжья.	О.А. Мозговая (1978, 1979); О.А. Мозговая, Н.В. Прохорова (1980); Н.М. Матвеев (1985); О.А. Левковская (2001, 2002); М.А. Дивнова (2001, 2002, 2003); О.А. Карпова, Н.М. Матвеев (1999, 2002); О.А. Карпова (2001, 2002, 2003, 2004); Н.М. Матвеев и др. (2004).

*Примечание. Ссылки сделаны только на основные публикации.

Продолжение табл. 11.2

1	2	3
9	Аллелопатическая активность различных видов растений и динамика напряженности аллелопатического режима в лесных биогеоценозах в зависимости от условий эдафотопы.	Н.М. Матвеев (1976-1991, 1994); Л.М. Кавеленова и др. (1989); Л.М. Кавеленова (1990); Н.В. Прохорова (1990); Н.В. Прохорова, Е.А. Столяр (1991); Л.М. Кавеленова, Н.В. Прохорова (1991); Л.Н. Волкова, Л.М. Кавеленова (1996); Н.М. Матвеев (1996); О.П. Гамзаян, Н.В. Прохорова (1996).
10	Влияние экологических факторов на биологическую активность почвы и развитие почвенной микрофлоры в лесных биогеоценозах степного Заволжья.	Т.А. Овчинникова (1980); Ю.Н. Журавлев (1982); Т.А. Овчинникова и др. (1982); Т.А. Овчинникова (1982, 1983, 1985, 1989); Т.А. Овчинникова, Е.А. Михайлюк (1996); И.А. Кочетков, Л.М. Кавеленова (1999, 2000); И.А. Кочетков (1998, 2000).
11	Распределение тяжелых металлов в блоке «почва -растения» в лесных биогеоценозах в зависимости от условий эдафотопы.	Н.В. Прохорова и др. (1998, 1999); Н.В. Авдеева, Н.В. Прохорова (2001, 2002); Н.В. Авдеева-Власова (2000, 2003, 2004).
12	Фитоиндикация условий экотопы и биотопы в лесных биогеоценозах лесостепного и степного Поволжья и разработка системы фитомониторинга.	Л.М. Кавеленова (1994, 1995, 1999, 2001, 2003).
13	Особенности межвидовой и внутривидовой структуры территориальных групп грызунов и трофические связи их с автотрофными видовыми ценопопуляциями в лесных биогеоценозах разных типов.	Д.П. Мозговой (1977, 1978, 1985); И.В. Дюжаева и др. (1982, 1983); М.Г. Сатыева, И.В. Дюжаева (1995).
14	Промысловые позвоночные как структурный компонент лесного биогеоценоза.	В.М. Шапошников (1976, 1977, 1978).
15	Орнитофауна степных лесов.	Ю.К. Рощевский (1976); Ю.К. Рощевский и др. (1977); Ю.К. Рощевский, С.А. Маслов (1978); Ю.К. Рощевский (1980); Ю.К. Рощевский, И.П. Лебяжинская (1980).
16	Энтомофауна как структурный компонент лесных биогеоценозов в степном Заволжье.	В.В. Матросов (1978); С.А. Сачков (1982, 1988, 1989, 1990, 1991, 1999); И.В. Дюжаева (1999); И.Н. Гореславец (1998, 1999, 2002, 2003, 2004).
17	Почвенные моллюски как структурный компонент лесных биогеоценозов степного Заволжья.	Ю.В. Сачкова (2003, 2004).

Волжского бассейна РАН, институтом водных проблем РАН, Зоологическим институтом РАН, институтом экологии Карпат, Центральным ботаническим садом НАН Украины, Центральным ботаническим садом и институтом экспериментальной ботаники НАН Белоруссии, с Национальным научным центром «Харьковский физико-технический институт», с высшими учебными заведениями г. Самары и Самарской области.

На протяжении длительного периода времени кафедра сотрудничает с Жигулевским заповедником, Управлением лесами Самарской области, Кинельским лесхозом, Красносамарским лесничеством, Приволжским Центром мониторинга загрязнения окружающей среды, Самарским областным советом Всероссийского общества охраны природы, Управлением по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор) по Самарской области, с Администрацией города Новокуйбышевска, Кинельского района, Департаментом экологии и благоустройства г. Самары, Администрациями районов г. Самары и др.

Кафедра поддерживает творческие связи с Британским музеем (Лондон), Национальным музеем естественной истории (Париж), Музеем Александра Кенига (Бонн), Мельбурнским университетом (Австралия), Гарьянским аграрным университетом (Индия) и др.

Воспитанники кафедры работают преподавателями в школах, средних и высших учебных заведениях, в научно-исследовательских институтах, заповедниках, ботанических садах, в цехах и отделах по охране окружающей среды, ряд из них стали кандидатами (Авдеева-Власова Н.В., Легоньких-Кузовенко О.А., Гореславец И.Н., Соболев Г.И., Солдатенков Н.В., Кузьмина Г.С., Елизаров А.В., Здетовский А.Г., Кочетков И.А., Лаврова О.П., Павловский В.А., Широков А.И., Журавлёв Ю.Н., Розно С.А., Аксютин-Макарова Ю.В., Козлов А.Н., Корчиков Е.С.) и докторами наук (Сачков С.А., Кавеленова Л.М., Прохорова Н.В.).

12. НАУЧНАЯ РАБОТА

Настоящий (классический) Университет – это «храм Науки». Деятельность всех выдающихся отечественных ученых была непременно связана с Университетом. Из биологов – это, например, С.Г. Навашин, В.А. Догель, И.И. Мечников, С.А. Северцов, Д.Н. Кашкаров, И.П. Павлов, К.А. Тимирязев, В.Н. Сукачев, В.Н. Беклемишев, К.Ф. Рулье, С.И. Коржинский, В.В. Алехин, А.Я. Гордягин, А.П. Шенников и др. Поэтому университетская кафедра должна включать в свой состав не просто преподавателей, добросовестно озвучивающих учебники (это делают школьные учителя), но – активных ученых, обучающих и воспитывающих студентов на основе совместного (с ними) научного творчества.

Университетский заведующий кафедрой обязан руководить научной работой своего коллектива и лично сам «не пасти задних». При этом возможны два варианта. По первому из них каждый преподаватель совершенно самостоятелен в выборе направления, времени, места и форм работы. Заведующий кафедрой выполняет роль «счетовода-учетчика», то есть подает в ректорат «Отчет...», в котором просто суммирует результаты научной деятельности членов кафедры. Он не «руководит», а «руками водит» – «руковод» (по меткому выражению проф. П.С. Кабытова). В периферийных, провинциальных ВУЗах часто преобладают такого рода «руководы». При них процветает «многоотемье» и «мелкотемье».

По второму варианту заведующий кафедрой не «числится», а

«функционирует» как организатор научной работы: определяет единое ее направление и конкретное участие (соответствующий раздел общей темы), место, время, формы каждого исполнителя, контролируя и помогая ему идеями и всем прочим. Так поставлено дело в солиднейших университетах (Московский, Петербургский, Томский и др.). Это же я наблюдал и в моем родном Днепропетровском университете. И я пошел именно данным, хорошо знакомым и понятным мне путем.

28 ноября 1973 года «подразделение ботаники» по моему предложению избрало общую для всех тему научно-исследовательской работы (НИР) «Физиолого-биохимические и экологические основы устойчивости растений в условиях степной зоны Поволжья», совет химико-биологического факультета утвердил ее (13.12.1973 г.). Данная тема «устраивала» всех исполнителей (Д.М. Пирогова, В.Г. Терентьев, О.А. Мозговая), подходила на том этапе и мне. Я был утвержден научным руководителем. На ее выполнение (№ госрегистрации 74057729) было выделено на 1974-1980 гг. 10000 руб. В ту пору такой объем финансирования значил очень многое (около 12820 долларов США).

Как уже сообщалось, в летний период 1974 года мы впервые работали в составе нашей экспедиции в Красносамарском лесничестве. Для экспедиции по моей инициативе на 1974-1980 гг. была утверждена под моим руководством специальная тема «Комплексное изучение природы и динамики лесных биогеоценозов степного Поволжья с целью повышения их продуктивности и управления биологическими процессами» (№ госрегистрации 77071992).

Однако эти темы НИР считались «инициативными» и мне необходимо было повысить их статус до «важнейших». И вот удача. Научно-технический совет Минвуза СССР по моему ходатайству включает нашу НИР в программу «Охрана окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов. Проблемы охраны лесов». Наша тема – 3.1. «Разработка теоретических основ рационального использования лесов. Комплексное изучение природы и динамики естественных и искусственных лесных биогеоценозов степного Поволжья и разработка приемов повышения их устойчивости, продуктивности и средозащитных функций». Ее статус – «важнейшая». Сроки выполнения: 1976-1980 гг. Объем финансирования – 10000 руб. В НИР, кроме меня как руководителя, участвуют В.Г. Терентьев, О.А. Мозговая, Д.М. Пирогова, Т.А. Овчинникова и О.Н. Лыкова (ст. лаборант). Оговорюсь, что ни одна из биологических кафедр нашего факультета «важнейших» тем НИР тогда не имела. Мы же с этого момента постоянно разрабатывали по госбюджету только «важнейшую тематику», и это служило объективным подтверждением правильности того пути, по которому я направлял в науке свой коллектив.

В связи с успешным выполнением нами НИР приказом Минвуза РСФСР №599 от 15.10.1981 г. предложенную мной тему 2.18. «Комплексное исследование функционирования лесных биогеоценозов степного Поволжья и прогнозирование путей их средозащитного влияния в связи с взаимодействием с агропромышленными комплексами» включили в план НИР Минвуза РСФСР по комплексной научно-технической программе (КНТП) «Человек и окружающая среда. Проблемы охраны природы» на 1981-1985 гг. с объемом финансирования 25000 руб. (около 32000 долларов США).

В 1986-1990 гг. тема нашей кафедры – «Комплексные исследования пространственно-функциональной структуры, продуктивности и средозащитной роли лесных биогеоценозов степного Поволжья и разработка оптимальных конструкций искусственных лесных экосистем в условиях антропогенного воздействия» была включена в координационный план АН СССР по направлению 2.33.7.1. «Структурно-функциональная организация и устойчивость биогеоценозов разных природных зон и горных поясов и закономерности их развития», а также – в план Минвуза РСФСР по КНТП «Человек и окружающая среда».

В последующие годы наша госбюджетная тематика связана с основным научным направлением университета «Охрана окружающей среды и выявление природных ресурсов в Среднем Поволжье». Она включается в тематический план Минвуза России и получает госбюджетное финансирование, чем положительно выделяется среди кафедр факультета:

а) 1996-2003 гг. «Проблемы охраны природных экосистем и биомониторинг в условиях лесостепной и степной зоны»;

б) 2004-2008 гг. «Биомониторинг природных экосистем в условиях лесостепной и степной зоны».

Объем финансирования за 1996-2003 гг. – 258530, за 2004-2008 гг. – 556150 руб.

В 1983 году решением Куйбышевского облисполкома нашей кафедре была поручена разработка «Региональной программы «Экология и природоохранные мероприятия к плану экономического и социального развития Куйбышевской области на 1986-2000 гг.». Я являлся не только ее руководителем, но и ответственным исполнителем. Помогли мне четко сориентироваться сотрудник областной плановой комиссии Игорь Олегович Родимов и начальник Приволжского управления по гидрометеорологии и контролю окружающей среды Юрий Тимофеевич Желтиков. Они дали мне перечень всех областных организаций, связанных с эксплуатацией природных ресурсов, их адреса и фамилии руководителей.

Составив четкие анкеты-вопросники с учетом нужных мне сведений (фактов и цифр), я развез их во все необходимые ведомства с письмом ректора КуГУ проф. В.В. Рябова, в котором содержалась строгая и недвусмысленная ссылка (с цитатами) на соответствующее решение Куйбышевского облисполкома. Руководители некоторых ведомств, увидев письмо нашего ректора, «крутили важными носами» (дескать: «А кто такой для меня ректор КуГУ?»), но я «очень-очень вежливо, но нахально» обращал их внимание на цитаты из решения облисполкома и уже от имени облисполкома подчеркивал необходимость ответа на «мою анкету» в установленный срок, так как не только я, но и они обязаны выполнить «важнейшее задание Правительства области» и аккуратно, и в срок. Записав телефоны «керівника» я вежливо кланялся и уходил из кабинета. И если начало моей встречи с некоторыми из руководителей ведомств было «сумрачно-неприятным» (ходят тут всякие!), то расставание, как правило, – «улыбчиво-доброжелательным».

Периодически позванивая по телефону, справляясь о делах (и о здоровье), я от всех руководителей ведомств получил заполненные фактическим материалом анкеты. Обобщив и тщательно проанализировав данные о состоянии водоемов,

подземных вод, воздуха, почвы, сельскохозяйственных угодий, лесов, степей, лугов, болот, животного мира, городских территорий, зеленых насаждений и т.д., я написал и напечатал на машинке фундаментальный отчет, представив его заказчику после предварительного заслушивания и утверждения соответствующей комиссией.

Это была большая и очень трудоемкая работа. Ее никто не финансировал. Но выполненная мною на общественных началах «Региональная программа «Экология...» являлась одной из самых первых в России такого рода разработок, и сие было, во-первых, престижно, а, во-вторых, я приобрел в лице руководителей областных ведомств большое число «влиятельных знакомых», что в те «застойные годы» было весьма нужным для кафедры делом: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей!»

Приступив к выполнению должности заведующего кафедрой ботаники с 1 сентября 1977 года, я в целях финансовой независимости нашего коллектива заключил первый хозяйственный договор на выполнение НИР «Исследование устойчивости растений и подбор ассортимента для внутрицехового озеленения Волжского автомобильного завода» (ВАЗ). Объем финансирования – 60000 руб. (около 85700 долларов США). Сроки выполнения: 1977-1979 гг. Это было важно не только для кафедры, но и для ботанического сада, где имелся «разношерстный» кадровый состав, на деле занимающийся выращиванием растений, продажей семян, цветочной рассады и ... склоками. Тогдашний директор ботсада Виктор Иванович Савинов (по образованию сельхозовец, агроном) руководил совершенно неясной ему проблемой интродукции и акклиматизации растений так. «Поставьте, – говорил он «научным» сотрудникам, – на стол микроскоп, положите рядом линейку и работайте!»

Один лишь Сергей Иванович Потапов, собравший большую коллекцию лиановых растений, более-менее понимал свои научные задачи, но и он вместо изучения показателей роста, развития, физиолого-биохимического состояния видов, увлекался рассказами о внешней декоративности лиан, выступая с яркими докладами на научных конференциях и на телевидении.

В хоздоговорной работе на ВАЗе от ботсада участвовали В.И. Савинов, С.И. Потапов, Р.Г. Абалымова, наша выпускница М.Н. Чехова (ныне – Соболева), от кафедры – я, В.Г. Терентьев, м.н.с. Л.Н. Михайлов, м.н.с. Н.В. Прохорова, м.н.с. А.Н. Асеев. Работу мы выполнили успешно, создав на ВАЗе систему внутрицехового озеленения на главном конвейере.

В связи с «неодолимым давлением» через обком КПСС первого секретаря Похвистневского райкома КПСС Юрия Михайловича Сизова биологов нашего университета обязали выполнить НИР «Изучение механизма биологического действия лазерного излучения». Заказчиком выступало Куйбышевское конструкторское бюро автоматических систем (ККБАС), сроки выполнения 1980-1985 гг., объем финансирования 125000 руб. Общий научный руководитель – доктор медицинских наук, проф. Н.А. Меркулова, но каждая кафедра имела свою тему и научного руководителя. Деньги делились поровну. Я руководил темой: «Изучение механизма действия лазерного излучения на древесные растения и их клетки». В работе участвовали: В.Г. Терентьев, А.Н. Асеев, Н.В. Прохорова.

Увы, но вопреки «яростным» утверждениям Ю.М. Сизова, при облучении

гелий-неоновым лазером семян и проростков древесных растений никакой достоверной стимуляции в их развитии установить нам не удалось. «Отрицательный научный результат – тоже результат». Вот это-то фактологическое доказательство и содержал наш окончательный научный отчет, принятый и утвержденный заказчиком.

Юрий Михайлович Сизов, имевший ученую степень кандидата сельскохозяйственных наук, продолжал «давить» на нас, требуя продолжения исследований. Он наладил в Похвистнево большую лазерную установку, на которой облучал все высеваемые в его районе семена культурных растений. Однажды через отдел науки обкома КПСС он организовал наш выезд (из КуГУ – я, В.М. Еськов, проректор В.Н. Алимбиев) в Похвистнево, где показал нам лазерную установку, облучающую семена сельскохозяйственных культур, сделал доклад с таблицами в своем кабинете, а затем – вывоз всех собравшихся за город, в «резиденцию». Там развернулось «богатое питием и мировым закусоном» застолье. Потом была баня с парной и вениками, а затем – опять застолье. Домой, в Куйбышев, всех нас привезли «тепленькими». Так я «прочувствовал», как «отдыхает» куйбышевская «номенклатура». Я рассказывал ранее, как это происходило на Днепропетровщине. Разница есть, но небольшая: там пился «пролетарский напиток», здесь – «горькая» местного разлива.

Спустя некоторое время, нам пришел научный отчет работы с участием Ю.М. Сизова из сельхозинститута, в котором утверждалось благотворное влияние лазерного облучения на развитие сельскохозяйственных культур. Проф. Н.А. Меркулова поручила мне составить рецензию на данный отчет за подписями всех научных руководителей по «лазерной теме». Изучив отчет, мы нашли в нем только таблицы со среднеарифметическими величинами, которые были статистически недостоверными, а все заключения по ним – необоснованными.

Из четырех подписей, «заделанных» под рецензией (проф. Н.А. Меркулова, проф. Л.Ф. Мавринская, проф. М.М. Серых, доц. Н.М. Матвеев), согласился расписаться только я один. Остальные – уклонились под разными благовидными предлогами. Заверив свою подпись (остальные фамилии рецензентов «красовались» без подписей) печатью, я отправил и рецензию, и отчет исполнителям.

Не знаю, было ли это как-то связано между собой, но вскоре меня вызвал проректор по науке доц. В.Н. Алимбиев и передал задание отдела науки обкома КПСС проверить, правда ли, что сахарная свекла после облучения ее семян лазером развивается лучше, как утверждает Ю.М. Сизов. Я позвонил Юрию Михайловичу и попросил его прислать мне небольшой мешочек облученных лазером и мешочек необлученных семян свеклы. Он «щедро прислал» два огромных мешка семян. Высеянные на делянках в ботсаду семена и облученные, и необлученные дали растения, которые достоверно не отличались друг от друга ни по массе, ни по сахаристости. По требованию проректора доц. В.Н. Алимбиева я написал письменный отчет об этом эксперименте и передал его ему.

Став «Большим Областным Начальником» (БОНОм) Ю.М. Сизов (одно время он даже «высветился» как руководитель Самарского научного центра РАН) продолжал «выдавливать» КуГУ в НИР по лазеру, но ККБАС работы финансировать отказывался. Наши же кафедры были согласны на «лазерные

денежки». Помочь вызвался проф. Геннадий Иванович Быховцев. Он договорился о финансировании наших НИР с одним из московских институтов, где он раньше работал. Руководители кафедральных «лазерных тем» отрядили в Москву для заключения хоздоговора проф. Л.Ф. Мавринскую. Вернувшись с переговоров из Москвы, Людмила Федоровна привезла задание – составить детальный план работы, ее направлений и т.д. Составили развернутый по срокам, по формам, по оплате и т.п. документ и снова делегировали проф. Л.Ф. Мавринскую в московский институт. А там произошло следующее. Просмотрев составленный план работ, «специалисты из Москвы» спросили: «И что? Все это Вы можете сделать!?» «Так мы же – университет!» – гордо ответила Людмила Федоровна. Увы, но «университет» и «универмаг» сильно отличаются друг от друга, хотя их названия и начинаются на «уни». Дальше разговаривать с «провинциалами» москвичи сочли неуместным. Ведь если «Москва слезам не верит», то еще меньше ценит она периферийный апломб и экстравагантность. А наша Людмила Федоровна в избытке обладала и тем, и другим. Так и «потух лазер» на факультете...

Наша же кафедра в это время уже работала с заводом им. Масленникова (ЗИМ) по хоздоговору Б-1/83 «Исследование средозащитной и фитомелиоративной роли растений в условиях металлообрабатывающих заводов и разработка возможных способов применения минеральных и органических отходов производства в лесном хозяйстве и зеленом строительстве». Сроки выполнения 1983-1985 гг., объем финансирования 67500 руб.

В работе участвовали сотрудники кафедры и ботанического сада. Мы широко использовали опыт, полученный при выполнении хоздоговора на ВАЗе. Особенно благотворно это проявлялось в ботаническом саду. В.И. Савинова на посту директора сменили воспитанники кафедры Александр Николаевич Асеев, а затем – Светлана Алексеевна Розно. Мы активно «внедряли» в ботсад наших учеников: М.Н. Чехова-Соболева стала заведовать отделом цветоводства, Валентина Викторовна Викулина-Корнева – оранжереей, Ирина Васильевна Теличко-Рузаева – розарием, Татьяна Михайловна Жавкина – коллекцией лиановых растений. Исчезли «обывательские замашки» и склоки. Сформировался дружный и активно функционирующий научный коллектив.

С 1977 года ботанический сад приобрел утвержденный ученым советом химико-биологического факультета и ректором «Устав...», определил свою госбюджетную научную тематику в Координационных планах совета ботанических садов СССР и Совета ботанических садов Урала и Поволжья. Участие в хоздоговорных НИР обучало правилам сбора, анализа, обобщения научных материалов, написания статей и отчетов. Как научный руководитель ботанического сада я стремился к повышению, прежде всего, уровня научно-исследовательских работ, к росту квалификации всех сотрудников.

В 1986-1990 гг. кафедра и ботанический сад осуществляют хоздоговорную НИР с КМПО «Металлист» по теме: «Разработка оптимальной фитомелиоративной системы промышленного предприятия, его санитарно-защитной и жилой зон с эффективным средозащитным воздействием» (Б-1/86). Объем финансирования 150000 руб.

В это же время мы выполняем хоздоговорную НИР с КМЗ им. Ленина «Изучение почвенного покрова на территории Куйбышевского металлургического

завода им. В.И. Ленина». Объем финансирования 80000 руб.

В 1991 году начинается наше творческое сотрудничество с Государственным комитетом экологии («Госкомэкология») по Самарской области (председатель – Василий Алексеевич Павловский). Кафедра разрабатывает большую (1991-1995 гг.) хоздоговорную НИР «Загрязненность почв и растений Самарской области тяжелыми металлами». Мы обследуем естественный растительный и почвенный покровы последовательно во всех административных районах по провинциям: Правобережье, Низменное Заволжье, Высокое Заволжье, Сыртовое Заволжье. Очень кстати оказалась научная конференция в Днепропетровске, где мы с Н.В. Прохоровой установили деловой контакт с Харьковским физико-техническим институтом, сотрудники которого вызвались определять тяжелые металлы в наших образцах на ультрасовременной установке «Элеан». Дружба и сотрудничество с харьковчанами на взаимовыгодных условиях продолжается и поныне.

Названная работа была выполнена нами успешно, получила высокую оценку заказчика и свое продолжение на 1996-2000 гг. по теме: «Накопление тяжелых металлов в растениях Самарской области и пути повышения качества растениеводческой продукции».

По нашему заказу Институт географии РАН разработал для нас компьютерную геоинформационную систему, и мы теперь составляли электронные карты распределения различных «тяжелых» элементов как в почвенном покрове, так и в посевах отдельных сельскохозяйственных культур. Ответственным исполнителем НИР являлась Наталья Владимировна Прохорова.

Общий объем финансирования этих хоздоговорных НИР за 1991-2000 гг. превысил 1 млрд. рублей (цены – инфляционные). Это давало возможность нам приобретать новое научное оборудование, компьютеры, различные материалы, ездить в научные командировки и т.п.

В период с 1994 по 1998 год по хоздоговору с «Госкомэкологией» мы выполняем большую и разноплановую НИР «Природные экосистемы Самарской области», к участию в которой я приглашаю ботаников (во главе с доц. А.А. Устиновой) и зоологов (во главе с доц. М.С. Гореловым) Самарского пединститута.

Дружно трудясь 5 полевых сезонов, наш коллектив всесторонне обследовал флористический и фаунистический состав степных, луговых, лесных, низинно-болотных сообществ во всех административных районах Самарской области, выделяя местообитания редких видов и новые памятники природы. Общий объем финансирования этой НИР превысил в тогдашних инфляционных ценах 1 млрд. рублей.

В 1996 году по заданию «Госкомэкологии» мы выполнили хоздоговорную НИР «Изучение степени загрязненности почв и культурных растений тяжелыми металлами в посевах коллективного сельскохозяйственного предприятия имени Калягина Кинельского района Самарской области». Объем финансирования 250 млн. рублей (инфляционные цены).

В 1999-2002 гг. наша хоздоговорная НИР – «Разработка карты загрязнения тяжелыми металлами территории г. Отрадного». Объем финансирования 250 тыс. рублей. Заказчик – «Госкомэкология».

По заявке администрации Кинельского района Самарской области (зам. главы

– Михаил Юрьевич Шинкевич) мы выполнили хоздоговорную НИР (1999-2000 гг.; объем финансирования 90 тыс. рублей) на тему: «Экологическое обоснование статуса Красносамарского лесничества как особо охраняемой природной территории».

Таким образом, непрерывно, четверть века (1977-2002 гг.) наша кафедра успешно осуществляла востребованные в Куйбышевской-Самарской области хоздоговорные научно-исследовательские работы. И я лично являлся и организатором, и руководителем, и одним из исполнителей всех без исключения разработок. Активно помогали мне Валентин Григорьевич Терентьев, Людмила Михайловна Кавеленова и, особенно, – Наталья Владимировна Прохорова – самая верная моя ученица и воспитанница.

Я в высшей степени благодарен за понимание и поддержку председателю Госкомитета экологии по Самарской области Василию Алексеевичу Павловскому и заведующему отделом охраны почв, растительного и животного мира названного комитета Александру Ивановичу Иванову – замечательному воспитаннику Тимирязевской сельскохозяйственной академии, штурману авиации, умному, добропорядочному человеку и квалифицированному специалисту-экологу (жаль, что так рано ушел в мир иной этот чудесный Человек!). И может быть, на что я в тайне надеюсь, именно сотрудничество с нами вдохновило воспитанника биологического факультета пединститута, агрономического факультета сельхозинститута и еще многих других факультетов Василия Алексеевича Павловского сначала защитить диссертацию на соискание ученой степени кандидата биологических наук, а затем (внимание!) – доктора технических наук! С таким я еще никогда не встречался!

В последнее 10-летие добрую инициативу все чаще проявляют и мои коллеги – доктора наук. Так, Людмила Михайловна Кавеленова активно «внедряется» в научную деятельность ботанического сада. Под ее руководством в ботсаду осуществляются НИР по тематическому плану Федерального агентства по образованию РФ.

Проф. Л.М. Кавеленова была инициатором работы, выполненной кафедрой по программе «Развитие научного потенциала высшей школы» по теме: «Перспективные направления использования Красносамарского полигона биомониторинговых исследований в целях профессиональной подготовки биологов» в 2005 г. на сумму 240,3 тыс. руб.

В 2008 г. проф. Наталья Владимировна Прохорова по моему предложению возглавила работу по хоздоговору с Министерством природных ресурсов Самарской области на тему: «Анализ состояния флористического биоразнообразия особо ценного Красносамарского лесного массива в целях научного обоснования проведения мероприятий по его охране и рациональному использованию» (объем финансирования – 600 тыс. руб.).

Выполненная несколько раньше (в 2005 г.) хоздоговорная с администрацией г. Новокуйбышевска НИР «Комплексная биоэкологическая оценка современного состояния почвенной среды г. Новокуйбышевска и оптимальные приемы ее фитомелиорации» (объем 300 тыс. руб.) явилась своеобразным «заключительным аккордом» в совместном научном творчестве кафедры и явно выросшего «из коротких штанишек» ботанического сада.

За период своего функционирования (1973-2008 гг.) наш кафедральный коллектив опубликовал в научной печати в общей сложности 1404 работы, в том числе 9 фундаментальных монографий.

Как видно из рис. 12.1, суммарная научная продуктивность кафедры неуклонно возрастала. При этом доля моего личного участия как заведующего кафедрой составляла от 16,3 до 37,2%, в среднем за весь характеризуемый период 21,4%, что свидетельствует (учтены публикации 11 сотрудников) со всей очевидностью: я не ленился и «не пас задних». «От ворон отстал, а к павам не пристал!» – это не про меня.

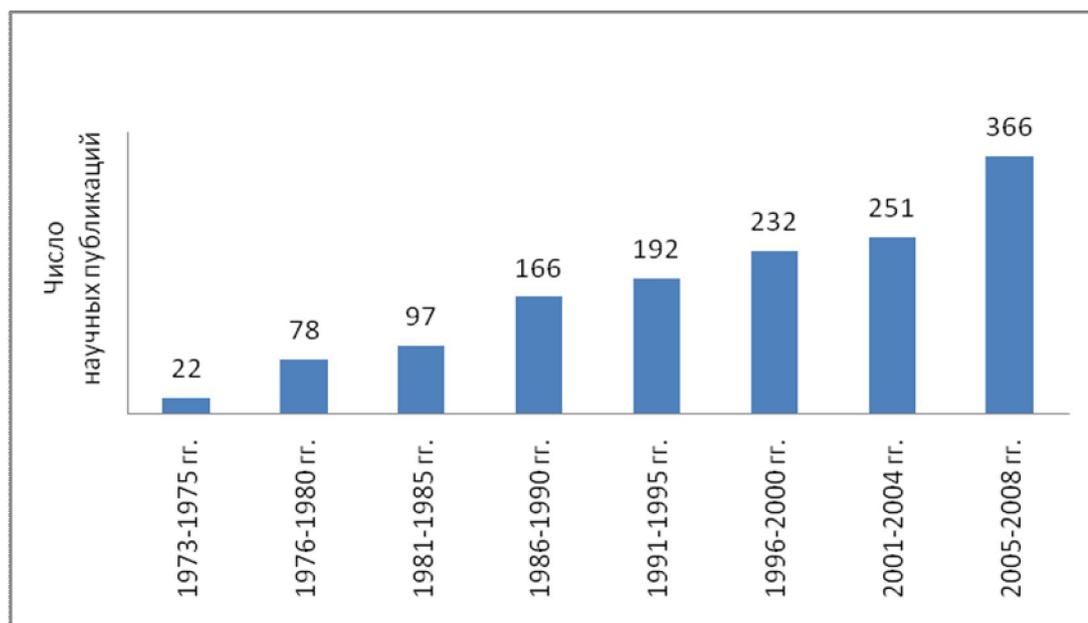

Рис. 12.1. Динамика научных публикаций сотрудников кафедры экологии, ботаники и охраны природы

Я стремился к тому, чтобы все преподаватели при выполнении НИР активно привлекали студентов и дневного, и вечернего отделений. Наши студенты год от года все качественнее трудились над разработкой тем курсовых и дипломных работ, которые в классическом университете как по форме, так и по содержанию фактически представляют собой минидиссертации. Чтобы это понималось всеми, я написал и опубликовал правила выполнения и оформления курсовых и дипломных работ, взяв за образец «Правила оформления диссертаций» из «Бюллетеня Высшей Аттестационной Комиссии при Совете Министров СССР» (Матвеев Н.М. Учебно-методический план для студентов 3-5 курсов специализации «Ботаника» / Куйбыш. гос. ун-т. – Куйбышев, 1984. – 64 с.). Данная работа в переработанном виде публиковалась и впоследствии (Матвеев Н.М. Учебно-исследовательская и научно-исследовательская работа студентов по специализациям «Ботаника», «Экология и охрана окружающей среды»: Учебн. пособие / Куйбыш. гос. ун-т. – Куйбышев, 1990. – 35с. Матвеев Н.М., Панкратов Т.А. Учебно-методические материалы по специализации «Экология и охрана природы». – Самара: Самарский университет, 1997. – 72с. Выполнение и оформление курсовых и дипломных работ по специальности 011600 «Биология» / Матвеев Н.М., Подковкин В.Г.,

Сергеева Л.И. и др. – Самара: Самарский университет, 1998. – 23с.).

Это способствовало и «повышению квалификации» преподавателей, ибо, увы, в большинстве своем они неважно владели правилами оформления научного текста, списка литературы, ссылок, таблиц, рисунков, приложений и т.п. Всего за 1975-2009 гг. на кафедре выполнено более 650 дипломных работ (минидиссертаций). Все они посвящены актуальным темам, связанным с госбюджетной и хоздоговорной тематикой кафедры, характеризуются научной новизной, несомненной теоретической и практической значимостью. По материалам исследований студентами опубликовано более 150 научных работ.

Наша кафедра хорошо известна в России, на Украине, в Белоруссии, в Молдавии и др. Мы регулярно по запросам различных диссертационных советов выступаем ведущей организацией по кандидатским и докторским диссертациям. Так, только за последние 15 лет кафедра дала положительные заключения по 11 кандидатским (Ксения Александровна Первушина, Юлия Григорьевна Поцепай, Кристина Григорьевна Грищенко, Оксана Владимировна Седова, Ольга Николаевна Торгашкова, Надежда Владимировна Егорова, Галина Николаевна Родионова, Галина Афанасьевна Кондрашкина, Наталья Венедиктовна Налимова, Наталья Алексеевна Юрицина, Екатерина Васильевна Талипова) и 5 докторским (Александр Владимирович Лазарев, Ирина Евгеньевна Автухович, Максим Анатольевич Сафонов, Гюльнара Орудж Кзы Османова, Нина Васильевна Благовещенская) диссертациям. Все они были успешно защищены в диссертационных советах.

Наши доктора наук (Т.И. Плаксина, Л.М. Кавеленова, Н.М. Матвеев, Н.В. Прохорова, С.А. Сачков) активно выступают официальными оппонентами по защищаемым в разных диссертационных советах диссертациям, дают много отзывов на авторефераты диссертаций. На протяжении последних 10 лет они состояли членами диссертационных советов при СамГУ (Н.М. Матвеев, Л.М. Кавеленова, Т.И. Плаксина, С.А. Сачков), при Институте экологии Волжского бассейна РАН (Н.М. Матвеев, Л.М. Кавеленова), при Саратовском госуниверситете (С.А. Сачков), при Оренбургском госпедуниверситете (Т.И. Плаксина). В настоящее время входят в состав диссертационных советов: Н.М. Матвеев и Л.М. Кавеленова (при Институте экологии Волжского бассейна РАН), С.А. Сачков (при Саратовском госуниверситете и Самарской госсельхозакадемии), Т.И. Плаксина (при Оренбургском госпедуниверситете).

За успехи в научно-исследовательской деятельности наши сотрудники награждены Самарской Губернской премией в области науки и техники (Н.В. Прохорова, Н.М. Матвеев, С.А. Сачков), премией имени И.И. Спрыгина (И.Н. Гореславец – ст. лаборант, В.А. Ивашкина – сотрудник биостанции), Почетной грамотой Президиума Русского ботанического общества (Т.И. Плаксина), Благодарностью Министра образования РФ (Н.В. Прохорова), Почетной грамотой Министерства природных ресурсов РФ (В.П. Вехник – заведующий биостанцией), дипломом «Эколидер-2004» (Г.П. Лебедева – аспирантка), премией имени Ф.Л. Штильмарка (В.А. Ивашкина – сотрудник биостанции). Коллектив кафедры за успехи в экологических исследованиях и в подготовке специалистов-экологов награжден Почетной грамотой Министерства природных ресурсов Самарской области (2005 г.) и дипломом «Эколидер-2006».

Решением ученого совета Института экологии Волжского бассейна РАН проф. Л.М. Кавеленовой и мне присвоено почетное звание «Доктор Honoris Causa». К моему 70-летию решением ученого совета Самарского госуниверситета мне присвоено звание «Почетный профессор Самарского государственного университета».

Что нас ждет впереди?

13. ПЕРВЫЙ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ЭКОЛОГИЯ»

В 1993 году я начал хлопоты по организации диссертационного совета. Это было важно для укрепления специализации студентов по экологии и охране природы, осуществляемой на нашей кафедре, а также и уже действующей у нас аспирантуры по экологии и ботанике.

Диссертационный совет К 063.94.04 был создан при Самарском государственном университете приказом ВАК РФ № 37 от 8 февраля 1994 года и откорректирован приказом № 344/37 от 7 мая 1996 года (это – первый в нашем университете совет на биологическом факультете). Ему было предоставлено право присуждения учёной степени кандидата биологических наук по специальности 03.00.16 – экология. В состав совета (табл. 13.1) вошли ведущие научно-педагогические работники Самарского государственного университета (5 человек), Самарского государственного педагогического университета (3 человека), Самарского государственной сельскохозяйственной академии (2 человека), а также – научные сотрудники института экологии Волжского бассейна РАН (4 человека). Среди них было: докторов биологических наук – 8, докторов географических наук – 1, кандидатов биологических наук – 5; по учёному званию – 2 профессора, 6 доцентов, 6 старших научных сотрудников. По научной специальности (в соответствии с защищёнными диссертациями) в составе диссертационного совета представлены: экологи – 2, ботаники – 4, зоологи – 4, геоботаники – 1, энтомологи – 1, биохимики – 1, физиологи растений – 1.

Таким образом, исходя из классических представлений об экологии как науке о взаимоотношениях между живыми организмами и средой их обитания, можно заключить, что по своему составу диссертационный совет обладал потенциальной способностью достаточно квалифицированно оценивать диссертационные работы по экологии животных и по экологии растений на уровне особей (аутэкология), популяций (демэкология), фитоценозов и ценокомплексов животных (синэкология). Однако для этого самим членам совета предстояло существенно откорректировать и, в ряде случаев, изменить свою профессиональную подготовку. Дело в том, что в преобладающем большинстве высших учебных заведений России (университеты и педагогические институты) на биологических факультетах ботаники занимаются изучением морфологии, систематики растений и флоры, а зоологи – морфологии, систематики животных и фауны. Данные исследования, как правило, проводятся без учёта конкретных абиотических, биотических и биогенных факторов соответствующего аэротопа и эдафотопы, вне связи с тем или иным ландшафтом и экосистемой (или биогеоценозом).

В Самарском государственном университете на кафедре экологии, ботаники и охраны природы, начиная с 1974 года, проводились комплексные биомониторинговые исследования в лесных биогеоценозах степного Заволжья

(Красносамарский стационар) и к моменту организации диссертационного совета был накоплен практический опыт по изучению экологии особей, видовых ценопопуляций, сообществ растений, энтомокомплексов, экологии почв и почвенных микроорганизмов в природных условиях. Поэтому в последующем данная кафедра являлась научно-методической базой для предварительной экспертизы всех без исключения диссертаций, поступающих в диссертационный совет для защиты. При этом одному из ведущих доцентов кафедры, наиболее сведущему в теме рассматриваемой диссертации, поручалось изучить её и сформулировать конкретные замечания по ней. Затем созывалось расширенное заседание кафедры экологии, ботаники и охраны природы, на которое приглашались преподаватели и сотрудники кафедры зоологии и ботанического сада Самарского государственного университета, преподаватели и сотрудники кафедры ботаники и кафедры зоологии Самарского госпедуниверситета, члены диссертационного совета, студенты и все желающие. На данном заседании соискатель докладывал материал своей диссертации, ему задавали вопросы, делали замечания, неофициальный оппонент оглашал своё заключение. По итогам такой экспертизы соискатель оформлял начисто свою диссертацию.

Данная процедура, как известно, не предусмотрена «Положением о диссертационном совете», но она и не запрещена. Наш опыт показывает, что такого рода апробация диссертационного изыскания полезна во многих отношениях. Во-первых, соискатель при столь тщательной и многосторонней оценке своего труда познаёт очень много новых идей, различных теоретических, методологических и методических подходов именно «экологического характера». Это – хороший «заряд бодрости» на будущее. Во-вторых, члены диссертационного совета, преподаватели, сотрудники биологических кафедр, студенты и все присутствующие знакомятся с новым трудом и его оценкой при обсуждении «с позиций экологии», а не ботаники, зоологии, микробиологии, гидробиологии и иных традиционных в высших учебных заведениях биологического профиля наук. Это ненавязчиво, но с живым интересом повышает их «экологическую квалификацию».

Конечно же, «каждый специалист подобен флюсу» и поэтому трудно флориста или фауниста полностью перевоспитать в эколога растений или в эколога животных, ещё сложнее превратить их в демэкологов, синэкологов или биогеоценологов. Но другого пути в большинстве российских высших учебных заведений нет. Ведь не секрет, что поступающие в ВАК РФ защищённые в различных диссертационных советах по специальности 03.00.16 – экология диссертации и в настоящее время без особого труда можно относить к таким классическим биологическим специальностям, как 03.00.05 – ботаника, 03.00.08 – зоология, 03.00.09 – энтомология, 03.00.18 – гидробиология, 03.00.07 – микробиология и др.

Удалось ли нам достигнуть желаемого результата? Если отбросить всякие амбиции и спекуляции, то следует признать, что успехи не очень значительны. Но всё же, если вначале на предварительных слушаниях и на заседаниях диссертационного совета соискателю не только публика, но и члены диссертационного совета задавали «флористико-фаунистические» вопросы, то в последующем тон и вопросов, и выступлений всё больше приобретали

Таблица 13.1

Состав диссертационного совета К 063.94.04 по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата биологических наук по специальности 03.00.16 – экология при Самарском государственном университете

Ф.И.О.	Место работы	Учёная степень и научная специальность по защищённой диссертации	Учёное звание
1. Матвеев Н.М. (председатель)	Самарский государственный университет (СамГУ)	Д-р биол. наук, 03.00.16 – экология	Профессор по кафедре ботаники
2. Тузовский П.В. (зам. председателя)	Институт экологии Волжского бассейна РАН (ИЭВБ РАН)	Д-р биол. наук, 03.00.08 – зоология	Ст. научн. сотр. по специальности «Зоология»
3. Мозговой Д.П. (учёный секретарь)	СамГУ	Канд. биол. наук, 03.00.08 – зоология	Доцент по кафедре зоологии
4. Голуб В.Б.	ИЭВБ РАН	Д-р биол. наук, 03.00.05 – ботаника	Ст. научн. сотр. по специальности «Ботаника»
5. Макурина О.Н.	СамГУ	Канд. биол. наук, 03.00.04 – биохимия	Доцент по кафедре биохимии
6. Матвеев В.И.	Самарский государственный педагогический университет (СамГПУ)	Д-р биол. наук, 03.00.05 – ботаника	Профессор по кафедре ботаники
7. Овчинникова Т.А.	СамГУ	Канд. биол. наук, 03.00.12 – физиология растений	Доцент по кафедре ботаники и охраны природы
8. Попченко В.И.	ИЭВБ РАН	Д-р биол. наук, 03.00.08 – зоология	Ст. научн. сотр. по специальности «Зоология»
9. Розенберг Г.С.	ИЭВБ РАН	Д-р биол. наук, 03.00.05 – ботаника	Ст. научн. сотр. по специальности «Ботаника»
10. Симонов Ю.В.	СамГПУ	Канд. биол. наук, 03.00.08 – зоология	Доцент по кафедре зоологии
11. Устинова А.А.	СамГПУ	Канд. биол. наук, 03.00.16 – экология	Доцент по кафедре ботаники
12. Плаксина Т.И.	СамГУ	Д-р биол. наук, 03.00.05 – ботаника	Доцент по кафедре ботаники
13. Калёнов Г.С.	Самарская государственная сельскохозяйственная академия (СГСХА)	Д-р геогр. наук, 11.00.11, 11.00.01 – геоботаника	Ст. научн. сотр. по специальности «Ботаника»
14. Каплин В.Г.	СГСХА	Д-р биол. наук, 03.00.09 – энтомология	Ст. научн. сотр. по специальности «Биогеография и география почв»

экологическую направленность. Всё чётче экологический характер приобретали формулировки тем, цели и задач, результаты, выводы диссертаций.

Мы все: соискатели и научные руководители, преподаватели, сотрудники биологических кафедр самарских высших учебных заведений и члены диссертационного совета учились друг у друга, осваивали экологию как особую науку и теоретически, и практически. Именно в этом автор видит главный результат 7-летней (1994-2000 гг.) деятельности первого в Самарской области диссертационного совета по специальности 03.00.16 – экология.

Всего в данном диссертационном совете было защищено 25 кандидатских диссертаций с утверждением без единого замечания в ВАК РФ (табл. 13.2): в 1995 – 1, в 1996 – 1, в 1997 – 3, в 1998 – 5, в 1999 – 5, в 2000 году – 10. Из них в СамГУ выполнено 7, в СамГПУ – 4, в ИЭВБ РАН – 6, в СамСХА – 1 диссертация. Своей слаженной, чёткой, активной деятельностью диссертационный совет всё заметнее завоёвывал авторитет в соседних регионах. В нём были защищены диссертации, выполненные в Саратовском государственном университете – 4, в Мордовском государственном университете – 1, в Марийском государственном университете – 1, в университете «Семей» (Казахстан) – 1.

В качестве научных руководителей выступили: д.б.н., проф. Н.М. Матвеев (по 6 диссертациям), д.б.н., проф. Г.С. Розенберг (по 5 диссертациям), д.б.н., проф. В.И. Матвеев (по 4 диссертациям), д.б.н., проф. Г.В. Шляхтин (по 4 диссертациям), д.б.н., проф. В.Б. Голуб (по 1 диссертации), д.б.н., проф. Н.Ф. Санаев (по 1 диссертации), д.б.н., проф. Б.И. Колупаев (по 1 диссертации), д.б.н., проф. В.Г. Каплин (по 1 диссертации), д.б.н., проф. В.Е. Васьковский и д.х.н., с.н.с. В.М. Дембицкий (по 1 диссертации), к.с.-х.н., проф. М.С. Панин (по 1 диссертации).

Особое внимание диссертационный совет уделял выбору ведущих организаций в зависимости от темы диссертации. В качестве таковых утверждались: Институт биологии внутренних вод РАН (по 2 диссертациям), Институт водных проблем РАН (по 3 диссертациям), Зоологический институт РАН (по 1 диссертации), Российский институт защиты растений (по 1 диссертации), Центр международного сотрудничества по проблемам окружающей среды (по 1 диссертации), Нижегородский госуниверситет (по 4 диссертациям), Казанский госуниверситет (по 3 диссертациям), Саратовский госуниверситет (по 3 диссертациям), Воронежский госуниверситет (по 1 диссертации), Башкирский госуниверситет (по 1 диссертации), Ульяновский госпедуниверситет (по 2 диссертациям), Воронежская государственная лесотехническая академия (по 1 диссертации), Самарский НИИ сельского хозяйства РАСХН (по 1 диссертации), Мордовский НИИ сельского хозяйства РАСХН (по 1 диссертации) (табл. 13.2). При этом достигался положительный эффект в нескольких направлениях.

1. Диссертация получала, во-первых, стороннюю, а, во-вторых, самую квалифицированную оценку наиболее авторитетного в соответствующей отрасли экологической науки учреждения.

2. Диссертационный совет оказывался гарантированно защищён от элементов субъективности, которые нередко проявляются, когда ведущая организация находится в том же городе или области, что и диссертационный совет.

3. Положительная оценка диссертации со стороны ведущей организации

сигнализировала не только о научной добросовестности соискателя и научного руководителя, но и о правильности предварительной экспертизы диссертации в диссертационном совете.

4. Использование в качестве ведущих организаций наиболее солидных классических университетов и институтов РАН, РАСХН и др. несомненно повышало статус и диссертационного совета, способствовало расширению его известности и авторитета.

При выборе официальных оппонентов диссертационный совет соблюдал следующие принципы.

1. В целях исключения субъективности первым оппонентом утверждался доктор наук из числа иногородних специалистов в той отрасли экологии, с которой связана рассматриваемая диссертация.

2. Вторым оппонентом назначался доктор наук из состава диссертационного совета, который лучше всего ориентировался в теме диссертации.

3. В тех случаях, когда рассматривалась диссертация, выполненная за пределами Самарской области, мы допускали утверждение официальными оппонентами по ней докторов наук из состава диссертационного совета, а также – профессоров и ведущих доцентов с биологических кафедр самарских высших учебных заведений – специалистов по профилю диссертации.

4. Если же ни в составе диссертационного совета, ни на биологических кафедрах вузов Самарской области, ни в Институте экологии Волжского бассейна РАН нужных специалистов по профилю рассматриваемой диссертации не было, оба официальных оппонента утверждались из числа иногородних специалистов – докторов наук.

За период функционирования нашего диссертационного совета по защищаемым в нём диссертациям официальными оппонентами выступили: д.б.н., проф., заслуженный деятель науки РФ Е.В. Кучеров (Уфа), д.б.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки РФ С.А. Мамаев (Екатеринбург), д.б.н., проф. В.А. Болдырев (Саратов), д.б.н., проф. Е.Л. Любарский (Казань), д.б.н., проф., заслуженный деятель науки РФ

В.В. Туганаев (Ижевск), д.б.н., проф. Г.И. Маркевич (Борок), д.б.н., проф. В.П. Воробьёв (Саратов), д.б.н., проф. И.М. Кержнер (Санкт-Петербург), д.б.н., проф., заслуженный деятель науки РФ Г.В. Шляхтин (Саратов), д.б.н., проф. Г.А. Ануфриев (Нижний Новгород), д.б.н., проф. В.Н. Башкин (Пушино), д.б.н., проф. Б.П. Чураков (Ульяновск), д.б.н., проф. В.Д. Фёдоров (Москва), д.б.н., проф. Ф.Х. Хазиев (Уфа), из членов диссертационного совета – д.б.н., проф. Г.С. Розенберг, д.б.н., проф. В.И. Попченко, д.б.н., проф. В.Г. Каплин (табл. 13.2).

Достаточно серьёзное внимание мы уделяли также рассылке авторефератов представленных к защите в диссертационный совет диссертаций. Предварительно мы обратились письмом на биологические факультеты классических университетов с просьбой проинформировать диссертационный совет о кафедрах экологического профиля, их руководителях и ведущих специалистах. Затем был составлен и утверждён типовой лист рассылки авторефератов, в который, кроме обязательных, рекомендованных ВАК РФ адресов, были включены адреса членов диссертационного совета, институтов РАН биологического профиля, биологических факультетов классических университетов. По каждой конкретной

Таблица 13.2

Общие сведения о диссертациях, защищённых в диссертационном совете К 063.94.04

№	Диссертант (год защиты)	Организация, где выполнена диссертация	Научные руководители	Ведущая организация	Официальные оппоненты
1	2	3	4	5	6
Диссертации по экологии растений и растительных сообществ					
1	В.В. Соловьёва (1995)	Самарский государственный педагогический университет (СамГПУ), г. Самара	В.И. Матвеев – д.б.н., проф.	Институт биологии внутренних вод РАН (п. Борок)	Е.В. Кучеров – д.б.н., проф., заслуженный деятель науки РФ (г. Уфа) С.А. Мамаев – д.б.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки РФ (г. Екатеринбург)
2	В.А. Павловский (1997)	Самарский государственный университет (СамГУ), г. Самара	Н.М. Матвеев – д.б.н., проф.	Самарский НИИ сельского хозяйства РАСХН (г. Безенчук)	В.А. Болдырев – д.б.н., проф. (г. Саратов) В.И. Матвеев – д.б.н., проф. (г. Самара)
3	А.В. Елизаров (1997)	Институт экологии Волжского бассейна РАН (ИЭВБ РАН), г. Тольятти	Г.С. Розенберг – д.б.н., проф.	Нижегородский государственный университет (г. Н. Новгород)	В.Г. Мордкович – д.б.н., проф. (г. Новосибирск) Г.С. Калёнов – д.г.н., проф. (п. Усть-Кинельский)
4	С.В. Саксонов (1998)	СамГПУ, г. Самара	В.И. Матвеев – д.б.н., проф.	Ульяновский государственный педагогический университет (г. Ульяновск)	Е.Л. Любарский – д.б.н., проф. (г. Казань) Г.С. Калёнов – д.г.н., проф. (п. Усть- Кинельский)
5	Т.М. Лысенко (1998)	ИЭВБ РАН, г. Тольятти	В.Б. Голуб – д.б.н.	Башкирский государственный университет (г. Уфа)	В.В. Туганаев – д.б.н., проф. (г. Ижевск) В.И. Матвеев – д.б.н., проф. (г. Самара)
6	А.Е. Митрошенкова (1999)	СамГПУ, г. Самара	В.И. Матвеев – д.б.н., проф.	Казанский государственный университет (г. Казань)	Е.В. Кучеров – д.б.н., проф., заслуженный деятель науки РФ (г. Уфа) Г.С. Розенберг – д.б.н., проф. (г. Тольятти)

Продолжение табл. 13.2

7	О.П. Лаврова (1999)	СамГУ, г. Самара	Н.М. Матвеев – д.б.н., проф. Л.М. Кавеленова – к.б.н., доц.	Нижегородский государственный университет (г. Н. Новгород)	В.А. Болдырев – д.б.н., проф. (г. Саратов) Г.С. Розенберг – д.б.н., проф. (г. Тольятти)
8	Т.Н. Гудошникова (1999)	Мордовский государственный университет, г. Саранск	Н.Ф. Санаев – д.б.н., проф.	Мордовский НИИ сельского хозяйства РАСХН (г. Саранск)	В.И. Матвеев – д.б.н., проф. (г. Самара) Л.М. Кавеленова – к.б.н., доц. (г. Самара)
9	А.А. Семёнов (2000)	СамГПУ, г. Самара	В.И. Матвеев – д.б.н., проф.	Институт биологии внутренних вод РАН (п. Борок)	С.А. Мамаев – д.б.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки РФ (г. Екатеринбург) Г.С. Калёнов – д.г.н., проф. (п. Усть- Кинельский)
10	О.В. Костецкий (2000)	Саратовский государственный университет (СГУ), г. Саратов	Г.В. Шляхтин – д.б.н., проф.	Воронежский государственный университет (г. Воронеж)	В.И. Матвеев – д.б.н., проф. (г. Самара) Л.М. Кавеленова – к.б.н., доц. (г. Самара)
11	А.Г. Здетовский (2000)	СамГУ, г. Самара	Н.М. Матвеев – д.б.н., проф. Л.М. Кавеленова – к.б.н., доц.	Воронежская государственная лесотехническая академия (г. Воронеж)	Е.Л. Любарский – д.б.н., проф. (г. Казань) В.И. Матвеев – д.б.н., проф. (г. Самара)
Диссертации по экологии беспозвоночных, позвоночных животных и зоокомплексов					
12	А.Г. Кашин (1997)	ИЭВБ РАН, г. Тольятти	В.Е. Васьковский – д.б.н., проф. В.М. Дембицкий – д.х.н., с.н.с.	Нижегородский государственный университет (г. Н. Новгород)	Г.И. Маркевич – д.б.н., проф. (п. Борок) В.Г. Подковкин – д.б.н., проф. (г. Самара)
13	В.В. Пискунов (1998)	СГУ, г. Саратов	Г.В. Шляхтин – д.б.н., проф. А.В. Беляченко – к.б.н., доц.	Институт водных проблем РАН (г. Москва)	В.Г. Каплин – д.б.н., проф. (п. Усть-Кинельский) С.И. Павлов – к.б.н., доц. (г. Самара)
14	Е.А. Сапрыкина (1998)	Марийский государственный университет, Йошкар-Ола	Б.И. Колупаев – д.б.н., проф.	Казанский государственный университет (г. Казань)	В.И. Попченко – д.б.н., проф. (г. Тольятти) Ю.Л. Герасимов – к.б.н., доц. (г. Самара)

Продолжение табл. 13.2

15	Ю.А. Малинина (1999)	СГУ, г. Саратов	Г.В. Шляхтин – д.б.н., проф. С.С. Мосияш – к.б.н.	Институт водных проблем РАН (г. Москва)	В.П. Воробьев – д.б.н., проф. (г. Саратов) В.И. Попченко – д.б.н., проф. (г. Тольятти)
16	Л.Н. Жичкина (2000)	Самарская государственная сельскохозяйственная академия СГСХА), п.Усть-Кинельский Самарской области	В.Г. Каплин – д.б.н., проф.	Российский институт защиты растений (г. Москва)	И.М. Кержнер – д.б.н., проф. (г. Санкт-Петербург) В.И. Попченко – д.б.н., проф. (г. Тольятти)
17	И.В. Дюжаева (2000)	СамГУ, г. Самара	Г.С. Розенберг – д.б.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки РФ С.А. Сачков – к.б.н., доц.	Зоологический институт РАН (г. Санкт-Петербург)	В.Г. Каплин – д.б.н., проф. (п. Усть-Кинельский) С.И. Павлов – к.б.н., доц. (г. Самара)
18	М.В. Ермохин (2000)	СГУ, г. Саратов	Г.В. Шляхтин – д.б.н., проф.	Институт водных проблем РАН (г. Москва)	В.И. Попченко – д.б.н., проф. (г. Тольятти) Ю.Л. Герасимов – к.б.н., доц. (г. Самара)
19	Е.В. Быков (2000)	ИЭВБ РАН, г. Тольятти	Г.С. Розенберг – д.б.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки РФ	Нижегородский государственный университет (г. Н. Новгород)	Г.В. Шляхтин – д.б.н., проф. (г. Саратов) С.И. Павлов – к.б.н., доц. (г. Самара)
20	Ю.П. Краснобаев (2000)	СамГУ, г. Самара	Н.М. Матвеев – д.б.н., проф. С.А. Сачков – к.б.н., доц.	Казанский государственный университет (г. Казань)	Г.А. Ануфриев – д.б.н., проф. (г. Н. Новгород) В.Г. Каплин – д.б.н., проф. (п. Усть-Кинельский)
21	О.В. Леонтьева (2000)	ИЭВБ РАН, г. Тольятти	Г.С. Розенберг – д.б.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки РФ В.Ф. Феоктистов – к.б.н.	Ульяновский государственный педагогический университет (г. Ульяновск)	В.Г. Каплин – д.б.н., проф. (п. Усть-Кинельский) В.П. Ясюк – к.б.н., доц. (г. Самара)

Диссертации по проблемам взаимодействия между эдафотопом и растениями					
22	Н.В. Прохорова (1996)	СамГУ, г. Самара	Н.М. Матвеев – д.б.н., проф.	Саратовский государственный университет (г. Саратов)	В.Н. Башкин – д.б.н., проф. (г. Пушино) Г.С. Розенберг – д.б.н., проф. (г. Тольятти)
23	Н.М. Воривохина (1998)	Государственный университет «Семей», г. Семипалатинск, Казахстан	М.С. Панин – к.с/х.н., проф.	Саратовский государственный университет (г. Саратов)	Г.С. Розенберг – д.б.н., проф. (г. Тольятти) Н.В. Прохорова – к.б.н., доц. (г. Самара)
24	И.А. Кочетков (2000)	СамГУ, г. Самара	Н.М. Матвеев – д.б.н., проф. Л.М. Кавеленова – к.б.н., доц.	Саратовский государственный университет (г. Саратов)	Б.П. Чураков – д.б.н., проф. (г. Ульяновск); В.К. Медведев – д.с/х.н., проф. (г. Самара)
Диссертации по проблемам экологического прогнозирования					
25	О.М. Голинец (1999)	ИЭВБ РАН, г. Тольятти	Г.С. Розенберг – д.б.н., проф., член-корр. РАН, заслуженный деятель науки РФ	Центр международного сотрудничества по проблемам окружающей среды РАН (г. Москва)	В.Д. Фёдоров – д.б.н., проф. (г. Москва) Ф.Х. Хазиев – д.б.н., проф. (г. Уфа)

диссертации в данный лист рассылки дополнительно включались адреса официальных оппонентов, ведущей организации, а также – учёных-специалистов по профилю диссертации.

Это способствовало тому, что в оценке диссертационного труда соискателя по автореферату всегда участвовали многочисленные специалисты из ведущих академических институтов и университетов России. Мы отправляли авторефераты крупным специалистам также на Украину (Днепропетровский национальный университет, Киевский национальный университет, Центральный ботанический сад НАН Украины и др.) и в Белоруссию (Центральный ботанический сад, Институт экспериментальной ботаники НАН Белоруссии и др.) и, как правило, получали квалифицированные отзывы украинских и белорусских учёных.

С учётом того, что биологи Самары не избалованы новейшей научной информацией, мы стремились к тому, чтобы на защитах диссертаций, кроме членов диссертационного совета, всегда присутствовала заинтересованная публика: преподаватели и сотрудники биологических кафедр самарских вузов, студенты, специалисты. Это способствовало, во-первых, созданию торжественной творческой обстановки, ставящей под негласный контроль и соискателя, и научного руководителя, и членов диссертационного совета, а, во-вторых, существенно расширяло круг вопросов соискателю. В дискуссии по рассматриваемой диссертации принимали активное участие не только члены диссертационного совета (всегда не менее трёх докторов наук), но и присутствующие специалисты из публики.

Мы стремились постоянно к тому, чтобы выступающие, отбросив «пустословие», столь обычное в такой обстановке (и не только у нас), сосредотачивали своё внимание на актуальности, научной новизне, обоснованности и достоверности положений и выводов диссертации, причём, не только на её достоинствах, но и, обязательно, на недостатках. И это удавалось нам: чем дальше, тем больше.

Автор хорошо знаком с практикой работы целого ряда диссертационных советов, в которых с соискателя требуют буквально всё: разносить авторефераты и собирать на заседание членов совета, писать тексты отзывов на свою диссертацию от оппонентов, составлять текст заключения и т.д. Мы стремились максимально облегчить соискателю подготовку к защите, не отвлекая его на неположенные ему дела, создавая ему обстановку искреннего радушия и тёплого гостеприимства. И в этом несомненна заслуга не только руководства и членов диссертационного совета, преподавателей и сотрудников кафедры экологии, ботаники и охраны природы, но также – ректора (проф. Л.В. Храмков, затем – проф. Г.П. Яровой) и проректора по научной работе (проф. В.И. Астафьев). Однако в ряде случаев по независимым от нас причинам отдельные соискатели всё же сталкивались с деспотической грубостью чиновницы («Пусть побегают!»), которой ректорат Самарского госуниверситета поручал приём личных документов соискателя, подготовку и отправку материалов по состоявшейся защите в ВАК РФ. Увы, «в каждом монастыре – свои законы!» И можно только сожалеть, что некоторые соискатели унесли в своих воспоминаниях неприятные впечатления и о Самарском университете, и о городе Самаре. Ведь общеизвестно, что по дурному поступку каждого из нас люди плохо судят и о коллективе, где мы работаем, и о нашем

учреждении, и о нашем городе.

Что же касается самого диссертационного совета, то в нём работали исключительно грамотные и культурные люди, сочетающие в себе высокий профессионализм, требовательность и неизменную благожелательность. Заседания диссертационного совета всегда проходили в творческой обстановке, с активным участием всех присутствующих в объективной и всесторонней оценке рассматриваемой диссертации.

К сожалению, в конце 2000 года, на пике своей активности, наш диссертационный совет прекратил своё существование в связи с утверждением ВАК РФ нового «Положения о диссертационном совете». С 2001 года в Самарской области начали функционировать 2 диссертационных совета по защите диссертаций по специальности 03.00.16 – экология (докторский – в Институте экологии Волжского бассейна РАН и кандидатский – в Самарском госуниверситете). В Самарском госуниверситете диссертационный совет К212.218.02 имел право осуществлять присуждение учёной степени кандидата биологических наук по специальностям 03.00.13 – физиология человека и животных и 03.00.16 – экология, а также – кандидата химических наук по специальности 03.00.16 – экология. За 2001-2007 гг. в нём защищены 27 диссертаций по экологии (биологические науки), что составляет 56 % от всех рассмотренных данным советом диссертаций.

По проблемам экологии растений и растительных сообществ в нашем диссертационном совете было защищено 11 диссертаций (табл. 13.2). Так, В.В. Соловьёва (1995) в своей диссертации впервые всесторонне исследовала растительность искусственных водоёмов речного, овражного, копаного происхождения, отметив её низкую видовую насыщенность (всего 184 вида сосудистых растений с «ядром» из 29 видов). Наиболее разнообразны по флористическому составу фитоценозы в водоёмах, созданных в долинах рек. Растительность исследованных автором водоёмов подразделена на 18 формаций, среди которых дифференцированы 43 ассоциации. Установлено, что развитию водной растительности способствуют небольшие амплитуды тектонических движений, сглаженные формы рельефа речных долин, высокий уровень залегания водоносных горизонтов. Наибольшей устойчивостью по отношению к антропогенным факторам обладают гелофиты и гигрогелофиты. Материалы диссертации внедрены в администрации г. Самары, а также – в Самарском госпедуниверситете (используются в учебном процессе). Они опубликованы в 24 научных работах автора.

В.А. Павловский (1997) впервые в условиях Самарской области определил фоновый уровень содержания тяжёлых металлов (Fe, Mn, Rb, Sr, Ti, As, Cd, Co, Cr, Cu, Ni, Zn, Pb, V, Hg) в фитомассе 12 сельскохозяйственных растений (пшеница озимая, пшеница яровая, ячмень, овёс, кукуруза, просо, гречиха, горох, подсолнечник, свёкла, суданская трава). Выявлена зависимость аккумуляции тяжёлых металлов от биоэкологических свойств видов растений и от важнейших абиотических факторов. Разработаны изолинейные компьютерные карты распределения тяжёлых металлов в посевах сельскохозяйственных культур на территории Самарской области. Материалы диссертации внедрены в управлении сельского хозяйства Самарской области и в учебный процесс в Самарском

государственном университете. Они опубликованы в 9 научных работах автора.

А.В. Елизаров (1997) изучил закономерности строения и динамику степных экосистем на стыке трёх концепций общей экологии: сукцессии, разнообразия и устойчивости. Использован биогеографический принцип градиента континентальности. Материалы диссертации внедрены в проект экологического каркаса Самарской области и в проекте сети особо охраняемых природных территорий Самарской области. Они опубликованы в 11 научных работах автора.

В диссертации С.В. Саксонова (1998) впервые осуществлено эколого-ландшафтно-флористическое районирование, дана детальная характеристика выделенных флористических районов и экобиоморфного состава флоры Самарской Луки. Выявлена динамика флоры в связи с исчезновением или внедрением видов растений. Определена устойчивость флористических комплексов к антропогенному воздействию. Материалы диссертации внедрены при разработке ТЭО национального парка «Самарская Лука», переданы в фондовые гербарии Жигулёвского госзаповедника, Самарского краеведческого музея, Московского госуниверситета, Главного ботанического сада РАН, Ботанического института РАН. Научные положения диссертации опубликованы в 33 работах автора.

Т.М. Лысенко (1998) впервые осуществила инвентаризацию флоры галофитов и разработала классификацию галофитных сообществ Самарской области по принципам Браун-Бланке. Материалы диссертации опубликованы в 10 работах автора, внедрены в учебный процесс (Самарский госпедуниверситет) и в практику научных исследований (Жигулёвский госзаповедник, Институт экологии Волжского бассейна РАН).

Впервые в условиях Самарской области детально охарактеризованы факторы экологической среды и флористический состав растительных группировок в карстовых воронках в диссертации А.Е. Митрошенковой (1999). Автором выделено 38 синтаксонов растительности, характерных для различных типов карстовых образований. Материалы диссертации опубликованы в 14 работах автора и внедрены в учебный процесс в Самарском госпедуниверситете, а также – в Госкомитете по охране окружающей среды Самарской области.

О.П. Лаврова (1999) впервые в степной зоне детально исследовала особенности трансформации светового, теплового, водного режимов воздушной и почвенной среды, биологическую активность, содержание водорастворимых и аллелопатически активных веществ в почве в фитогенных полях дуба черешчатого и сосны обыкновенной. Выявлены факторы, оказывающие наибольшее влияние на напряжённость фитогенных полей дуба и сосны. Установлены смены экоморф и возрастных состояний видов травянистых растений в специфических зонах фитогенных полей дуба и сосны. Материалы диссертации опубликованы автором в 8 работах и внедрены в парках г. Самары и г. Нижнего Новгорода, в учебный процесс в Самарском госуниверситете и в Самарском госпедуниверситете.

Т.Н. Гудошникова (1999) впервые всесторонне изучила рост, развитие, продуктивность, выживаемость 16 новых сортообразцов люпина жёлтого и люпина узколистного в почвенных и климатических условиях Мордовии. Автором определены взаимосвязи между исследуемыми растениями и ведущими абиотическими факторами экологической среды. Отобраны сортообразцы люпина, перспективные для выращивания на территории Мордовии. Материалы

диссертации внедрены в Мордовском НИИ сельского хозяйства, в Мордовском государственном университете (в учебный процесс) и опубликованы в 10 работах автора.

В диссертации А.А. Семёнова (1999) впервые исследовано влияние Куйбышевского обводнительно-оросительного канала на растительность и флористический состав фитоценозов на прилегающих территориях. Дана геоботаническая характеристика разнообразных сообществ, изучены динамические процессы в них под влиянием природных и антропогенных факторов. Материалы диссертации опубликованы в 12 работах автора и внедрены в Госкомитете по охране окружающей среды Самарской области, в институте «Средволгогипроводхоз», в Самарском госпедуниверситете (в учебный процесс).

О.В. Костецкий (2000) впервые изучил воздействие кожно-резорбтивных отравляющих веществ (люизит, иприт, иприто-люизитная смесь) на прорастание семян и рост пшеницы, конопли, подсолнечника. Установлено, что наиболее уязвимы при этом листья, цветки, верхушки стеблей растений (при паро-аэрозольном действии). При обработке паро-аэрозольной фазой люизита и иприта естественного растительного покрова (нонея тёмно-бурая, лапчатка серебристая, хориспора нежная, вероника весенняя, вероника дубравная, тысячелистник благородный, земляника зелёная и др.) установлено, что ювенильные растения повреждаются сильнее, чем генеративные. По материалам диссертации автором опубликовано 10 работ, они внедрены на опытно-промышленном военном предприятии и в Саратовском государственном университете (в учебный процесс).

В диссертации А.Г. Здетовского (2000) содержится новая информация о видовом и экобиоморфном составе городских и пригородных лесов, развивающихся в лесостепной зоне в условиях усиленного антропогенного пресса. Автором изучены морфологические и физиолого-биохимические механизмы адаптации древесных видов-аборигенов и интродуцентов. Дана комплексная оценка термоклиматического, солевого, водного, светового режимов, кислотности, богатства почвы азотом в пригородных и городских лесах. Исследованы оводнённость, водоудерживающая способность, содержание хлорофилла, каротиноидов, зольных веществ в листьях древесных растений в зависимости от условий местообитания. Дана сравнительная оценка экологических ареалов различных древесных видов. Материалы диссертации отражены в 14 научных публикациях автора и внедрены в администрации г. Самары и в Самарском государственном университете (в учебный процесс).

По проблемам экологии беспозвоночных, позвоночных животных и зоокомплексов в диссертационном совете было защищено 10 диссертаций.

А.Г. Кашиным (1997) впервые изучено влияние солёности воды на липидный состав беспозвоночных (губок, моллюсков, ракообразных), осуществлено сравнение липидов пресноводных и родственных морских организмов. Установлено совпадение адаптационных и эволюционных изменений у двустворчатых и брюхоногих моллюсков по их липидному составу. По материалам диссертации автором опубликовано 12 работ, они внедрены в учебный процесс в Самарском государственном университете.

В.В. Пискунов (1998) впервые всесторонне исследовал орнитофауну в пойме Волгоградского водохранилища, изучив особенности состава и структуру орнитокомплексов в разнообразных биотопах, а также сезонную и многолетнюю

динамику птичьего населения, его реакции на антропогенные факторы. Автором установлена зависимость численности видов в орнитокомплексах от размеров островов и рассчитано соответствующее математическое уравнение. Материалы диссертации опубликованы автором в 14 работах, внедрены в «Красной книге Саратовской области» и в учебный процесс в Саратовском и Самарском госуниверситетах.

В диссертации Е.А. Сапрыкиной (1998) содержится новейшая информация о выживаемости, плодовитости, реакции обеспечения кислородом дафний шести поколений при повышенных температурах водной среды и различной интенсивности их воздействия. Установлено, что при отравлении родительских пар тяжёлыми металлами и пестицидами в шести поколениях токсический эффект проявляется в первых поколениях дафний в чистой воде. В последующих поколениях возможна обратимость реакции интоксикации. Материалы диссертации внедрены в Госкомитете охраны окружающей среды Марий Эл и в Марийском госуниверситете (в учебный процесс). Они опубликованы в 14 научных работах автора.

На основании комплексного обследования 22 малых водоёмов на территории г. Саратова Ю.А. Малинина (1999) впервые выявила видовой состав, количественный рост и динамику свойственных для них гидрозоокомплексов. Последние оценены как биоиндикаторы качества воды. Осуществлено районирование г. Саратова по степени антропогенной нагрузки на поверхностные воды. Материалы диссертации внедрены в учебный процесс в Саратовском госуниверситете и в Саратовском государственном аграрном университете. Они опубликованы в 16 научных работах автора.

Л.Н. Жичкина (2000) впервые осуществила сопряжённый анализ развития популяций пшеничного трипса и его кормовых растений, пищевых связей личинок и имаго. Автором получены новые сведения о сезонной и многолетней динамике численности, биомассы, возрастных спектров популяций трипса, о зимовке и метаморфозе личинок, о влиянии агротехнических мероприятий на численность и распределение яиц, личинок, имаго пшеничного трипса в агрофитоценозах, о его вредности в условиях лесостепной части Самарской области. Материалы диссертации опубликованы в 5 работах автора и внедрены в учебный процесс в Самарской государственной сельскохозяйственной академии.

На основе многолетних полевых исследований И.В. Дюжаевой (2000) впервые дана оценка фауны хортобионтных полужёсткокрылых Самарской области (540 видов), у 277 видов исследована сезонная динамика численности и число генераций. Осуществлён зоогеографический анализ и выявлено ландшафтно-географическое распределение хортобионтных полужёсткокрылых. Для 502 видов определена встречаемость, для 288 видов – пищевая специализация и связь с различными органами сосудистых растений на территории Самарской области. Обнаружены редкие и нуждающиеся в охране виды. Материалы диссертации опубликованы автором в 9 работах и внедрены в национальном парке «Самарская Лука», в Жигулёвском госзаповеднике, использованы в «Красной книге Самарской области», при создании экспозиций в Самарском краеведческом музее.

М.В. Ермохин (2000) впервые изучил водную растительность, её флористический состав, особенности структуры макро- и микрозообентоса в

экотоне «вода-суша» на р. Медведице. Исследовано влияние паводков на размерно-возрастное разнообразие видовых популяций двустворчатых моллюсков, определена биоценотическая роль кулика-сороки в функционировании экотонных биокомплексов в зоне «вода-суша». Материалы диссертации внедрены в учебный процесс в Саратовском госуниверситете, использованы в «Красной книге Саратовской области». Они опубликованы в 9 работах автора.

В диссертационном изыскании Е.В. Быкова (2000) содержится новая информация о динамике экологических параметров гнездящихся птиц на разных стадиях рекреационной дигрессии лесных сообществ, в том числе – об изменении плотности населения различных видов птиц. Материалы диссертации опубликованы в 9 работах автора, использованы в «Красной книге Самарской области» и в экспертном заключении о природопользовании в национальном парке «Самарская Лука».

На основании многолетних полевых исследований Ю.П. Краснобаев (2000) впервые осуществил инвентаризацию фауны пауков на Самарской Луке (372 вида), её зоогеографический и экологический анализ. Автором изучена структура населения беспозвоночных различных ярусов в наземных фитоценозах и роль пауков в нём. Оценены различные факторы в формировании аранеокомплексов в разных типах фитоценозов. Материалы диссертации опубликованы в 12 работах автора, использованы в «Красной книге Самарской области», в «Летописи природы Жигулёвского госзаповедника», внедрены в учебный процесс в Самарском госуниверситете и Самарском госпедуниверситете.

О.В. Леонтьева (2000) впервые изучила комплексы жужелиц в склоновых биотопах в условиях Самарской области, выявив в них 130 видов, в том числе – 14 новых для Самарской области и один – для Высокого Заволжья. Автором проанализированы экологическая структура и спектры жизненных форм жужелиц в зависимости от условий местообитания, исследована динамика доминантных видов и комплексов жужелиц. Получены новые данные о взаимоотношениях хищных видов жужелиц. Материалы диссертации опубликованы в 11 работах автора, включены в «Красную книгу Самарской области», внедрены в учебный процесс в Самарском госуниверситете.

По проблемам взаимодействия между эдафотопом и растениями в диссертационном совете защищены 3 диссертации.

Н.В. Прохорова (1996) на основании многолетних полевых исследований впервые определила фоновые валовые концентрации тяжёлых металлов (Mn, V, Cr, Co, Ni, Cu, Zn, Pb, Ti, Fe, Sr, Rb) в почвенном покрове лесостепного и степного Поволжья (на примере Самарской области), а также отдельно – в Правобережье и Левобережье Волги, во всех подзонах степной зоны. Изучено латеральное и радиальное распределение валовых и кислоторастворимых (HNO_3) форм тяжёлых металлов в различных типах и подтипах почв в зависимости от экологических условий и физико-химических особенностей почв. Всесторонне исследована фитометаллоаккумуляционная способность большого числа видов сосудистых растений. Впервые осуществлено компьютерное изолинейное картирование содержания тяжёлых металлов в почвенном покрове Самарской области. Материалы диссертации опубликованы в 17 научных работах автора, внедрены в Госкомитете по охране окружающей среды Самарской области и в учебный

процесс в Самарском госуниверситете.

В диссертации Н.М. Воривохиной (1998) отражены новейшие сведения о содержании тяжёлых металлов (Mn, Zn, Pb, Cu, Cd) в почвах и растениях в окрестностях открытой угледобычи, о пространственном варьировании, корреляционной зависимости и распределении тяжёлых металлов в соответствующих почвах и в растениях загрязнённых ландшафтов Восточно-Казахстанской области (Казахстан). Автором впервые осуществлено картографирование изученной территории по суммарному загрязнению её тяжёлыми металлами. Материалы диссертации опубликованы в 10 научных работах автора, внедрены на предприятиях угледобычи Казахстана и в учебный процесс в университете «Семей» (Семипалатинск).

И.А. Кочетков (2000) всесторонне изучил каталазную, протеолитическую, уреазную, целлюлозоразрушающую активности, накопление в почве свободных аминокислот, ингибиторов роста, уровень микробиальной активности в различных генетических горизонтах почв в разнообразных типах естественных лесов степного Заволжья в зависимости от абиотических и биогенных факторов среды. Осуществлена сравнительная оценка биологической активности почв в естественных степных лесах и городских парках, созданных на основе естественных лесонасаждений. Выявлена значимость различных экологических факторов в формировании составляющих биологическую активность почв в естественных лесах степного Заволжья. Материалы диссертации внедрены в администрации г. Самары, а также в Самарском госуниверситете (в учебный процесс). Они опубликованы в 10 научных работах автора.

По проблемам экологического прогнозирования диссертационный совет рассмотрел только одну диссертацию (Голинец, 1999). Автор впервые доказал перспективность использования нового статистического метода для расчёта компонент влияния на величины критических нагрузок на 4 основных типа почв Европейской России, 6 типов почв Северо-Запада и 8 типов почв Сибири, а также – на экосистемы Куйбышевского водохранилища. Материалы диссертации включены в «Отчёт европейского Центра Координации Усилий» (ССЕ) за 1995 год и опубликованы в 8 работах автора.

За период деятельности диссертационного совета (1994-2000 гг.) существенно повысился статус работающих в нём учёных. В.Б. Голуб, В.И. Попченко, Ю.В. Симонов, А.А. Устинова, Т.И. Плаксина, Г.С. Калёнов, В.Г. Каплин утверждены в учёном звании профессора. Г.С. Розенберг стал профессором, член-корреспондентом РАН. В.И. Попченко и Г.С. Розенбергу присвоены почётные звания заслуженных деятелей науки РФ, Н.М. Матвееву – почётное звание заслуженного работника высшей школы РФ. Стали докторами биологических наук Д.П. Мозговой и О.Н. Макурина, а из соискателей – С.В. Саксонов и Н.В. Прохорова.

Если в начале функционирования нашего диссертационного совета на кафедре экологии, ботаники и охраны природы в Самарском госуниверситете работало только два профессора, доктора наук (Н.М. Матвеев и Т.И. Плаксина), то сейчас их – пять (защитили докторские диссертации и стали профессорами С.А. Сачков, Л.М. Кавеленова, Н.В. Прохорова), на кафедре биохимии не было ни одного профессора, доктора наук, сейчас их – четыре (защитили докторские диссертации

О.Н. Макурина, В.Г. Подковкин, Н.А. Клёнова, М.Ю. Языкова), появился доктор биологических наук в связи с защитой и на кафедре зоологии, генетики и общей экологии (Д.П. Мозговой). В 1994 году на биологическом факультете Самарского госуниверситета работал только один доктор биологических наук по специальности 03.00.16 – экология, сейчас их – пять, кроме того, в результате защит диссертаций появилось ещё семь кандидатов наук – экологов (Н.В. Авдеева, И.Н. Гореславец, А.Н. Козлов, Ю.В. Макарова, И.В. Дюжаева, Э.Д. Владимирова, С.А. Розно).

Нет сомнений в том, что опыт работы первого в Самарской области диссертационного совета по специальности «Экология» был востребован в деятельности докторского совета Д 002.251.01 в Институте экологии Волжского бассейна РАН и кандидатского совета К 212.218.02 в Самарском госуниверситете.

Список защищенных диссертаций

1. Быков Е.В. Анализ последствий рекреационного воздействия на гнездящихся птиц лесных экосистем: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 2000. – 20 с.
2. Воривихина Н.М. Аккумуляция тяжёлых металлов почвами и растениями под воздействием природных и техногенных факторов в районе угольного месторождения «Каражыра» (Республика Казахстан, Восточно-Казахстанская область): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1998. – 23 с.
3. Голинец О.М. Анализ неопределённости в вычислении критических нагрузок азота, серы и фосфора на различные экосистемы: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1999. – 21 с.
4. Гудошникова Т.Н. Эколого-биологические особенности люпина жёлтого и люпина узколистного при акклиматизации в условиях Мордовии: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1999. – 16 с.
5. Дюжаева И.В. Эколого-фаунистическая характеристика хортобионтных полужёсткокрылых (Heteroptera) лесостепного и степного Поволжья (на примере Самарской области): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 2000. – 21 с.
6. Елизаров А.В. Сукцессионная динамика разнообразия и устойчивости степных экосистем Евразии в зависимости от климатических условий: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1997. – 16 с.
7. Ермохин М.В. Экологическая структура маргинальных участков речных биоценозов в переходной зоне вода-суша: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 2000. – 18 с.
8. Жичкина Л.Н. Биология и экология пылевого трипса (*Harlothrips tritici* Kurd.) в агроценозах: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 2000. – 23 с.
9. Здеветовский А.Г. Биоэкологические особенности древесных растений пригородных и парковых лесонасаждений в Лесостепи (на примере г. Самары): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 2000. – 22 с.
10. Кашин А.Г. Влияние солёности среды обитания на состав липидов некоторых водных беспозвоночных: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1997. – 18 с.
11. Костецкий О.В. Воздействие токсических кожно-резорбтивных веществ на рост и развитие некоторых культурных и дикорастущих растений: Ав-

тореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 2000. – 22 с.

12. Кочетков И.А. Влияние экологических факторов на биологическую активность почв в лесных фитоценозах степного Заволжья: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 2000. – 21 с.

13. Краснобаев Ю.П. Экологические особенности формирования структуры аранеокомплексов в наземных экосистемах Самарской Луки: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 2000. – 19 с.

14. Лаврова О.П. Особенности фитогенного поля дуба черешчатого и сосны обыкновенной в условиях степной зоны: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1999. – 21 с.

15. Леонтьева О.В. Население жуужелиц (Coleoptera, Carabidae) в условиях склоновой комплексности ландшафта северо-востока Самарской области: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 2000. – 23 с.

16. Лысенко Т.М. Синтаксономия и экология галофитных растительных сообществ Самарской области: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 198. – 17 с.

17. Малинина Ю.А. Эколого-биологическая диагностика поверхностных вод крупного промышленного центра: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1999. – 22 с.

18. Митрошенкова А.Е. Влияние природных и антропогенных факторов на формирование растительного покрова карстовых форм рельефа Самарского Заволжья: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1999. – 18 с.

19. Павловский В.А. Аккумуляция тяжёлых металлов сельскохозяйственными растениями в зависимости от биоэкологических свойств и действия основных экологических факторов в условиях Самарской области (лесостепное и степное Поволжье): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1997. – 22 с.

20. Пискунов В.В. Влияние природных и антропогенных факторов на структуру и динамику сообществ птиц в пойменно-островных экосистемах Волгоградского водохранилища: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1998. – 22 с.

21. Прохорова Н.В. Распределение тяжёлых металлов в почвах и растениях в зависимости от экологических особенностей лесостепного и степного Поволжья (на примере Самарской области): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1996. – 22 с.

22. Саксонов С.В. Закономерности формирования флоры Самарской Луки под воздействием природных и антропогенных факторов: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1998. – 18 с.

23. Сапрыкина Е.А. Влияние температурного режима и некоторых антропогенных факторов водной среды на жизнедеятельность дафний: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1998. – 18 с.

24. Семёнов А.А. Влияние Куйбышевского обводнительно-оросительного канала на флору и растительность прилегающих к нему территорий: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1999. – 17 с.

25. Соловьёва В.В. Закономерности формирования растительного покрова малых искусственных водоёмов Самарской области под влиянием природных и антропогенных факторов: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Самара, 1995. – 20 с.

14. АСПИРАНТУРА

Неожиданная инициатива по организации аспирантуры на кафедре принадлежит Геннадию Ивановичу Соболеву – нашему выпускнику и воспитаннику. Он был моим дипломником, несколько лет проработал у нас на кафедре старшим лаборантом, но, женившись, перешел на работу на станцию садоводства, где ему дали квартиру. И вот однажды, явившись ко мне, он попросил взять его в аспирантуру. Я обратился к университетской заведующей аспирантурой Людмиле Анатольевне Кругловой и по ее рекомендации собрал и оформил все необходимые документы для открытия на нашей кафедре под моим руководством аспирантуры по специальностям «03.00.05 – ботаника» и «03.00.16 – экология». Документы отправили в Минвуз РФ и через некоторое время из Москвы пришло в университет положительное решение.

Появление аспирантуры давало право кафедре не только готовить аспирантов, но также – прикреплять соискателей и принимать у них кандидатские экзамены и по ботанике, и по экологии. Первым соискателем явилась Н.В. Прохорова, вторым – В.А. Павловский, затем – Ю.П. Краснобаев, Т.М. Жавкина, А.И. Широков, И.Н. Гореславец, Г.П. Лебедева, И.В. Любвина. Первым аспирантом была О.П. Лаврова, а за ней – А.В. Бурдаев, С.А. Розно, И.В. Рузаева, А.В. Помогайбин, И.А. Кочетков, А.Г. Здетоветский, Н.В. Авдеева, А.Н. Козлов. Все это были мои подшефные. Кроме того, я реально руководил работой аспирантов Самарского муниципального университета Наяновой (СМУН), так как они собирали свой материал в нашей экспедиции (О.А. Карпова) и в лабораториях кафедры (Л.С. Зотова).

После получения диплома доктора наук к руководству аспирантами подключилась проф. Т.И. Плаксина, которая подготовила к защите трех аспирантов (Е.И. Малиновская, О.А. Легоньких, И.В. Шаронова). Для того, чтобы обеспечить им впоследствии быстрое получение ученого звания профессора, я подключил к руководству диссертациями тогда еще доцентов Л.М. Кавеленову, С.А. Сачкова и Н.В. Прохорову. Перечислю диссертации наших аспирантов и соискателей.

1. *Авдеева Н.В. Сравнительная биоэкологическая характеристика липовых дубрав и искусственных сосняков в условиях степного Заволжья. 03.00.16 – экология. – Самара, 2004. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в СамГУ.*

2. *Бурдаев А.В. Структура населения жесткокрылых в южной части лесостепного Поволжья. 03.00.16 – экология. – Самара, 2002. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в СамГУ.*

3. *Гореславец И.Н. Эколого-фаунистическая характеристика стафилинид (Coleoptera, Staphylinidae) Самарской области. 03.00.16 – экология. – Самара, 2004. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в ИЭВБ РАН.*

4. *Здетоветский А.Г. Биоэкологические особенности древесных растений пригородных и парковых лесонасаждений в Лесостепи (на примере г. Самары). 03.00.16 – экология. – Самара, 2000. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев, Л.М. Кавеленова. Защищена в СамГУ.*

5. *Зотова Л.С. Влияние искаженного геомагнитного поля и различных режимов гипертермии на углеводный обмен крысы (Rattus rattus L.). 03.00.16 – экология. – Тольятти, 2001. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев, В.Г. Подковкин.*

Защищена в Институте экологии Волжского бассейна РАН (ИЭВБ РАН).

6. Карпова О.А. Особенности структуры и развития ценопопуляций ландыша майского в условиях степного Заволжья. 03.00.16 – экология. – Самара, 2004. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в СамГУ.

7. Козлов А.Н. Влияние флористического и биоэкоморфного состава растительных сообществ степного Заволжья на физико-химические свойства почв (на примере Красносамарского лесного массива). 03.00.16 – экология. – Самара, 2007. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в СамГУ.

8. Корчиков Е.С. Биоэкологическая характеристика лишайников пространственно изолированных территорий (на примере Самарской Луки и Красносамарского лесного массива в Самарской области). 03.00.16 – экология. – Самара, 2009. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в ИЭВБ РАН.

9. Кочетков И.А. Влияние экологических факторов на биологическую активность почв в лесных фитоценозах степного Заволжья. 03.00.16 – экология. – Самара, 2000. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев, Л.М. Кавеленова. Защищена в СамГУ.

10. Краснобаев Ю.П. Экологические особенности формирования структуры аранеокомплексов в наземных экосистемах Самарской Луки. 03.00.16 – экология. – Самара, 2000. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев, С.А. Сачков. Защищена в СамГУ.

11. Лаврова О.П. Особенности фитогенного поля дуба черешчатого и сосны обыкновенной в условиях степной зоны. 03.00.16 – экология. – Самара, 1999. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев, Л.М. Кавеленова. Защищена в СамГУ.

12. Лебедева Г.П. Экологические и биологические особенности орнитокомплексов Самарской Луки. 03.00.16 – экология. – Самара, 2007. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в СамГУ.

13. Легоньких О.А. Флора Общего Сырта в Самаро-Уральском междуречье. 03.00.05 – ботаника. – Самара, 2004. Научн. руководитель – Т.И. Плаксина. Защищена в Оренбургском госпедуниверситете (ОГПУ).

14. Лобачева А.А. Техногенная трансформация почвенно-растительного покрова в зоне влияния нефтеперерабатывающего предприятия. 03.00.16 – экология. – Самара, 2007. Научн. руководитель – Н.В. Прохорова. Защищена в СамГУ.

15. Любвина И.В. Эколого-фаунистическая характеристика короткоусых двукрылых (Diptera, Brachycera) Самарской Луки. 03.00.16 – экология. – Самара, 2007. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в СамГУ.

16. Макарова Ю.В. Гистохимическая оценка накопления и распределения тяжелых металлов в органах и тканях сельскохозяйственных растений в зависимости от условий произрастания. 03.00.16 – экология. – Самара, 2006. Научн. руководители – Г.С. Розенберг, Н.В. Прохорова. Защищена в ИЭВБ РАН.

17. Малиновская Е.И. Флора и растительность Самарской Луки. 03.00.05 – ботаника. – Самара, 2001. Научн. руководитель – Т.И. Плаксина. Защищена в Башкирском госуниверситете.

18. Матвеев В.Н. Биоэкологическая оценка вовлечения тяжелых металлов в основные трофические цепи и биогеохимический круговорот в условиях агрофитоценозов (на примере лесостепного Высокого Заволжья). 03.00.16 – экология. – Тольятти, 2004. Научн. руководитель – В.И. Попченко, Н.В. Прохорова. Защищена

в ИЭВБ РАН.

19. Павлов И.С. Экологическая характеристика соколообразных птиц экосистемах лесостепного и степного Поволжья (на примере Самарской области). 03.00.16 – экология. – Самара, 2009. Научн. руководитель – С.А. Сачков. Защищена в ИЭВБ РАН.

20. Павловский В.А. Аккумуляция тяжелых металлов сельскохозяйственными растениями в зависимости от их биоэкологических свойств и действия основных экологических факторов в условиях Самарской области (лесостепное и степное Поволжье). 03.00.16 – экология. – Самара, 1997. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в СамГУ.

21. Помогайбин А.В. Эколого-биологический анализ результатов интродукционных испытаний видов рода орех (*Juglans L.*) в Лесостепи Среднего Поволжья. 03.00.16 – экология. – Самара, 2008. Научн. руководитель – Л.М. Кавеленова. Защищена в ИЭВБ РАН.

22. Прохорова Н.В. Распределение тяжелых металлов в почвах и растениях в зависимости от экологических особенностей лесостепного и степного Поволжья (на примере Самарской области). 03.00.16 – экология. – Самара, 1996. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в Самарском госуниверситете (СамГУ).

23. Розно С.А. Эколого-биологический анализ итогов интродукции древесных растений в Лесостепи Среднего Поволжья. 03.00.16 – экология. – Самара, 2005. Научн. руководитель – Л.М. Кавеленова. Защищена в СамГУ.

24. Рузаева И.В. Биоэкологические особенности роз в условиях лесостепного и степного Поволжья. 03.00.16 – экология. – Самара, 2008. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в ИЭВБ РАН.

25. Трофимова Т.А. Фаунистическая и эколого-биологическая характеристика чешуекрылых (*Lepidoptera*) горной зоны Южного Урала. 03.00.16 – экология. – Самара, 2006. Научн. руководитель – С.А. Сачков. Защищена в ИЭВБ РАН.

26. Шаронова И.В. Флора Самаро-Кинельского междуречья. 03.00.05 – ботаника. – Самара, 2006. Научн. руководитель – Т.И. Плаксина. Защищена в ОГПУ.

27. Широков А.И. Экологические особенности, внутривидовая структура и динамика пихто-ельников липовых в условиях южной тайги Низменного Заволжья. 03.00.16 – экология. – Нижний Новгород, 1998. Научн. руководитель – Н.М. Матвеев. Защищена в Нижегородском госуниверситете.

При моем активном участии были завершены и защищены кандидатские диссертации преподавателей кафедры зоологии И.В. Дюжаевой и Ю.В. Сачковой. Ирина Викторовна начинала собирать материал в нашей экспедиции по мышевидным Красносамарского леса, опубликовала даже ряд статей, но затем почему-то сменила тему и стала изучать энтомофауну Самарской области. Шли годы. Юная красавица, целое лето «мотаясь» со своими подшефными студентами по территории огромной (около 5,4 млн. га) области, набирала все новый материал, постепенно старилась в ассистентах, ездила в Зоологический институт АН СССР в Ленинград, где наметила себе руководителя, но диссертации все не было, и конец не просматривался.

Будучи в ту пору председателем диссертационного совета, я уговорил И.В. Дюжаеву срочно писать текст диссертации по специальности «экология», прекратив бесплодные поездки в Ленинград. Побеседовав с директором ИЭВБ РАН, проф. Г.С. Розенбергом, который работал по совместительству профессором нашего университета, я попросил его взять на себя руководство диссертацией И.В. Дюжаевой. Поскольку же диссертантка хотела непременно иметь своим руководителем энтомолога, им стал наш уже кандидат биологических наук С.А. Сачков. И «лед тронулся». Ирина Викторовна написала по согласованному со мной плану текст, я его тщательно отредактировал. «Созревшая» диссертация И.В. Дюжаевой была успешно защищена в нашем совете. «Ленинградский шеф» оказал Ирине Викторовне поддержку.

Юлия Валерьевна Сачкова подобно И.В. Дюжаевой, много лет трудясь ассистентом на кафедре зоологии, все еще «цвела», собирала бесконечный материал по всей территории Самарской области о почвенных моллюсках, но без руководящей идеи, а потому – безгранично и бесконечно. Я предложил ей поработать на наших стационарных биомониторинговых площадях в Красносамарском лесничестве и использовать в качестве «экологической канвы» типологию степных лесов проф. А.Л. Бельгарда. И опять «лед тронулся».

Поработав в нашей экспедиции только два сезона (совмещая с руководством учебной практикой студентов по зоологии), Юлия Валерьевна по согласованному со мной плану написала текст, который я тщательно выправил и откорректировал. Диссертацию она защитила в ИЭВБ РАН. Руководителем выступил В.И. Попченко.

И И.В. Дюжаева, и Ю.В. Сачкова сейчас – доценты, а могли бы и на пенсию уйти в ассистентах...

В настоящее время (2009-2010 учебный год) на нашей кафедре трудятся 11 аспирантов, в том числе под руководством проф. Т.И. Плаксиной – 3, проф. Л.М. Кавеленовой – 2, проф. Н.В. Прохоровой – 1, проф. С.А. Сачкова – 1, под моим руководством – 4.

В связи со сломом всей сложившейся веками в нашем «несчастном Отечестве» системы образования, которая, четко отражая национальные традиции и обычаи, давала всесторонние, глубокие, прочные знания и в школах, и в техникумах, и в ВУЗах, нас ждут трудные времена. В школах, вместо экзаменов по всем изучаемым предметам, введен выпускной «единый госэкзамен» – ЕГЭ. Выпускник получает лист с вопросами и с несколькими готовыми ответами на каждый из них, из которых верным является лишь один. Надо угадать! И отметить верный ответ! Вот и все! Никакой подготовки к ответу и никакого рассказа!!! «Игра в наперсток на московских вокзалах!» – так охарактеризовал ЕГЭ глава правительства Москвы Ю.М. Лужков. И он прав. Выпускник школы должен иметь знания по всем изученным предметам и владеть этими знаниями и по гуманитарным, и по естественным наукам, как это и было в СССР. Сей ЕГЭ «уничтожил» советскую, лучшую в Мире школу. Учителя теперь вместо знаний по своему предмету дают своим ученикам предполагаемые вопросы и ответы ЕГЭ.

По данным А. Лиханова – председателя Российского детского фонда (// Наш современник, 2009, №11. С. 131-141) из школьников, сдававших ЕГЭ в 2008 году (1 097 690 человек), получили «двойки» по русскому языку и литературе 25.3, по математике – 23.5, по обоим этим предметам – 11%. «Отличников» по всей России

набралось 989 школьников, в том числе: по русскому языку и литературе – 620, по математике – 62, по физике – 86, по химии – 42 человека. 30 тысячам выпускников вместо аттестата вручены справки! о том, что они «прослушали курс» 11-летней школы! Этим ребятам навсегда закрыт путь к высшему образованию! «Ну, так кто же пойдет за клинским!?»

ВУЗы сейчас тоже не принимают у абитуриентов вступительные экзамены. Они их даже не видят. Абитуриент просто снимает копии со своего документа о сдаче ЕГЭ и, заверив их у нотариуса, рассылает почтой в несколько ВУЗов (число не ограничено). Где-нибудь его обязательно возьмут, а то и сразу в нескольких местах.

Поступающие в ВУЗы школьники почти сплошь не способны осваивать изучаемые предметы. Они не умеют грамотно писать, не знают азов не только математики, но даже – арифметики, косноязычны и т.д. Они любят только развлечения, курят, пьют пиво и не только, сквернословят, лишены уважения к старшим... Чтобы дать им знания по университетским предметам, надо сначала ликвидировать их школьную безграмотность.

Ломаются и ВУЗы. Вместо квалифицированных специалистов они будут готовить «бакалавров» (что-то вроде «выпускников кулинарного техникума»). Только немногие «бакалавры» по конкурсу смогут продолжить свое образование и стать «магистрами» (примерно на уровне нынешних «специалистов»). Следующая ступень – аспирантура. С сентября 2010 года все ВУЗы РФ будут набирать только «бакалавров». «Магистров» будут готовить лишь те ВУЗы, факультеты и кафедры, которые сумеют получить это право в Министерстве образования РФ. Условия очень жесткие. Наша кафедра – единственная на биологическом факультете Самарского университета, которая все требования удовлетворила и получила право готовить магистров по экологии. Осуществлен их первый набор на 2009-2010 учебный год. Однако уверенности в успехе данного дела, увы, нет. В Минвузе РФ и в ВАК идут бесконечные «реформы»: то сменяют правила организации диссертационных советов, то «корректируют» шифры специальностей, затрудняя подготовку аспирантов и соискателей, то утверждают перечень изданий для опубликования материалов диссертаций. Конца-края не видно...

15. ОБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕЛА

Как уже рассказано, в Днепропетровском университете в 1957-1972 гг. я приобрел неплохой опыт общественной работы. Устроившись в Куйбышевский-Самарский университет, я начал с того, что «принял на себя» руководство «очередью на ботаническом вокзале» и к сентябрю 1975 года «упорядочил» все необходимое для «официального рождения» кафедры ботаники.

С февраля 1974 г. меня избрали в состав партбюро (КПСС) университета и поручили руководить идеологическим сектором (секретарем партбюро был Федор Сергеевич Абдула). В этом качестве я «функционировал» до перехода в докторантуру и отъезда в Киев. После окончания докторантуры, осенью 1977 г. меня избрали секретарем партбюро (КПСС) химико-биологического факультета. В составе партбюро работали: В.П. Шашкина, В.Я. Сизоненко, М.М. Серых, А.М. Веселова, Л.Н. Михайлов, Л.М. Кавеленова, С. Ражева. Два раза в месяц мы проводили заседания партбюро, обсуждая на нем вопросы учебной, научной, воспитательной работы на факультете. Докладчиками выступали декан,

заведующие кафедрами, комсорг и профорг факультета. Один раз в месяц созывалось партийное собрание. На нем, как правило, рассматривались решения Пленумов ЦК КПСС, выступления Л.И. Брежнева, принципиальные вопросы из практики работы факультета. Докладчиком на этих собраниях чаще всего приходилось выступать мне. Я постоянно стремился к тому, чтобы и заседания партбюро, и партсобрания давали положительный эффект в работе факультета.

Сейчас широко распространено мнение о ненужности и даже «вредности» работы КПСС. Особенно «изгаляются» по этому поводу лица «творческой интеллигенции», многие из которых в те времена «с наслаждением» принимали ордена, почетные звания, премии от «Партии и Советского Правительства». Однако КПСС выполняла в высшей степени нужную для четкого, бесперебойного функционирования государственного механизма роль вдохновителя и организатора 380-миллионного советского народа. Ей хорошо помогали комсомол и профсоюз. Вот почему в СССР было все то (развитые промышленность, сельское хозяйство, наука, образование, здравоохранение, культура, спорт, мощные Армия и Флот на уровне мировой сверхдержавы!), о чем наша нынешняя несчастная Russia и мечтать не может.

Сейчас же нас «вдохновляют» и «организуют» «средства массовой информации», особенно телевидение, где высокооплачиваемые лицедеи зомбируют миллионы людей, превращая их в безвольных и бездумных биороботов, умеющих только жрать, пить пиво, развлекаться, чистить зубы пастой «Блендомед», использовать средства для волос, ресниц, от перхоти, откармливать кошек и собак, совокупляться всевозможными способами, воспринимать массовое убийство людей и страшные катастрофы как увлекательный многосерийный спектакль (шоу), быть толерантными (терпимыми) к выродкам, ворунам, моральным и физическим извращенцам и др. Вот и вымирает Russia почти по миллиону в год. А нас все пугают «сталинскими» репрессиями да еще тем, что «русский фашизм страшнее немецкого»!

С 1978 года я становлюсь членом научно-технического совета (НТС) Куйбышевской областной организации Всероссийского общества охраны природы (ВООП), председателем которого был в ту пору наш проф. М.М. Серых, а с 1981 года меня избирали членом президиума областной организации ВООП и я сменил М.М. Серых на посту председателя НТС. В этом качестве я проработал бессменно до развала СССР в 1991 году. Председателем президиума облорганизации ВООП являлся заместитель председателя Куйбышевского облисполкома Борис Алексеевич Трегубов, а его заместителями – последовательно: Матвей Ильич Абрамов, Александр Андреевич Парфенов, Александр Лаврентьевич Лазарев. Это были замечательные люди и талантливые руководители. На заседаниях НТС и президиума облсовета ВООП заслушивались отчеты и перспективные планы различных организаций Куйбышевской области по охране природы, по защите окружающей среды от загрязнений. С докладами выступали ответственные специалисты, в том числе, – председатели горисполкомов и райисполкомов, главные архитекторы, руководители проектных институтов и др. В сфере нашей деятельности находились вопросы об охране растительного покрова, животного мира, почв, рек, озер, подземных вод, атмосферного воздуха, об организации памятников природы, заказников и иных особо охраняемых природных

территорий.

Я принимал участие в пленумах областного совета ВООП, выступал с докладами на Всероссийских съездах ВООП, на совещаниях Центрального совета ВООП в Москве. Наша Куйбышевская областная организация ВООП и ее НТС всегда занимали лидирующие позиции по природоохранной деятельности. Очень большую работу мы проводили по организации в нашей области государственного природного национального парка (ГПНП) «Самарская Лука». Неутомимыми энтузиастами и активистами выступали Татьяна Владимировна Тезикова, Алексей Степанович Захаров, а также – Юрий Константинович Рощевский и Владимир Константинович Емельянов. С целью подготовки документов для Правительства РСФСР Куйбышевский облисполком создал комиссию во главе с ректором нашего университета, профессором В.В. Рябовым. Я же был его помощником. При составлении документации большую помощь оказал Игорь Олегович Родимов – сотрудник областной плановой комиссии (облплана). Подготовленные документы после широкого обсуждения на заседании облисполкома, на котором присутствовали все заинтересованные руководители, ученые, специалисты, были нами откорректированы и отправлены в Москву. И вот 28 апреля 1984 года Совет Министров РСФСР принимает Постановление №161 «О создании государственного природного национального парка «Самарская Лука».

Но это было еще только начало. Нам пришлось достаточно хлопотно работать по проекту районной планировки ГПНП «Самарская Лука», который составлял институт «Мосгипрогор» под руководством А.И. Мелик-Пашаева. Он неоднократно рассматривался на заседаниях НТС и президиума облсовета ВООП, а также в Куйбышевском облисполкоме. Я присутствовал на обсуждении данного проекта на заседании секции охраняемых природных территорий Центрального совета ВООП в Москве, решал вопросы в Совете Министров РСФСР с референтом Виталием Феодосиевичем Парфеновым – куратором по национальным паркам.

Надо заметить, что наш НТС активно выступал за создание в стране специального государственного органа-министерства (ведомства), который занимался бы вопросами охраны природы. ВООП могло решать данные вопросы главным образом только на общественных началах. Но в связи с возрастающим воздействием на природу интенсивно развивающихся в СССР металлургической, химической промышленности и сельского хозяйства этого было недостаточно. И вот Верховный Совет СССР создает в Москве союзное министерство экологии, а у нас в области – государственный комитет. Я помню заседание в облисполкоме, где мы избрали председателя этого комитета – Василия Алексеевича Павловского. Мне же было поручено руководить научно-техническим советом при данном комитете. Однако «пишався» я не долго. В комитете появились «великі гроші» как отчисления в его бюджет от заводов и других предприятий, загрязняющих своими выбросами среду. Поэтому и в нашей области, и в стране в целом внезапно «всплыло» великое множество «окологов», которые, оказывается, тоже «заботятся», правда, не о природе, а «об охране окружающей (их) среды».

Вокруг комитета экологии немедленно возникла «толпа жажущих денег» и предлагающих «свои услуги». С места председателя НТС без предупреждения и даже без уведомления меня «выпихнул» ловкач-политеховец, который «очаровал» прошедшего «в застойные времена» номенклатурную выучку председателя

комитета обещаниями создать в области, как в европейских странах, компьютерную систему экологического мониторинга. Он ловко «выдаивал» «большие денюшки» на протяжении многих лет, но «системы экологического мониторинга» как не было, так и нет.

В 1985-1989 гг. я много выступал с лекциями по проблемам охраны природы и защиты окружающей среды в различных организациях Самары, Тольятти, Сызрани, Чапаевска, Новокуйбышевска, Отрадного, Алексеевского, Больше-Черниговского, Приволжского и других районов по линии общества «Знание» и ВООП, используя материалы разработанной мной программы «Экология и природоохранные мероприятия к плану экономического и социального развития Куйбышевской области на 1986-1990 гг.». Правление областной организации Всероссийского общества «Знание», членом которого я состоял, дважды делегировало меня на Всероссийские съезды (Архангельск и Пущино), где я выступал с сообщениями по вопросам охраны природы.

Однако, когда «процесс пошёл» в соответствии с «новым мышлением» «меченого» «вождя-златоуста», и общество охраны природы, и общество «Знание» «захромали» и «упали», а комитет экологии начали «заполнять» экономисты, юристы и прочие «околологи», вытесняя из него грамотных специалистов. «Съели» председателя В.А. Павловского («посадили на рыбу»), М.Г. Бодрикова («ушли на пенсию»), умер А.И. Иванов, «отправили из министров в «пенсионеры-консультанты» В.К. Емельянова. Недавно газеты сообщили, что двоих ответственных работников Министерства природных ресурсов (так ныне именуется бывший комитет экологии) суд за взятки (торгуют природой!) приговорил к тюремному заключению...

Александр Лаврентьевич Лазарев, будучи умным и опытным (много лет проработал секретарем облисполкома) руководителем, перед тем, как уйти с поста зампреда президиума облсовета ВООП, собрал всех активистов в деле охраны природы, провел торжественное совещание, поблагодарил за работу, вручил грамоты Центрального совета ВООП и памятные подарки (нашел спонсоров), а затем устроил прощальный товарищеский ужин:

«Бойцы вспоминали минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они!»

Так закончилась и для меня общественная работа в областных организациях...

Из небольших общественных дел я вспоминаю свою работу по проверке учебно-научно-воспитательной деятельности Куйбышевского сельскохозяйственного института. Это было дважды. Комиссия была создана Куйбышевским обкомом КПСС. Первый раз сие происходило в 1984 году. Меня направили проверять агрономический факультет. В целях всесторонней и объективной оценки я разработал и размножил на пишущей машинке анкету-вопросник и поручил декану организовать ее заполнение каждым преподавателем факультета. Я встретился отдельно со всеми заведующими кафедрами, с деканом и в беседе с ними заполнил другие анкеты.

Мои коллеги по комиссии после сытных возлияний в столовой института, где для нас руководство организовало «пирный стол», благодушно поручив «писать справку» самим «проверяемым», отбыли «в область». Я же, собрав в

установленный срок заполненные анкеты, «наострил» пишущую машинку и составил документ по правилам научного отчета с всесторонним анализом разработанных мной таблиц, графиков, диаграмм, отражающих и учебную, и научную, и кадрово-воспитательную работу, и иные стороны деятельности агрономического факультета. Получился объемный, содержательный документ.

Надо заметить, что по сравнению с моими коллегами по комиссии тогда я «выглядел мелковато». К тому же, я был в ту пору «всего лишь» кандидатом наук. Поэтому, когда нашу комиссию собрали для отчета в кабинете ректора сельхозинститута Косолапова Евгения Леонтьевича, на меня никто особого внимания не обращал. Куцые «отписки» коллег были восприняты с благодушным облегчением и дружеским смехом. Вспомнили обо мне. Я встал и четко, слышно для всех прочел свою справку, ссылаясь на факты и цифры. Смешки и перешептывания стихли. Ректор и обкомовский представитель внимали по-разному: первый – с удивлением, второй – с явным одобрением. Коллеги – молчали.

Развернувшаяся дискуссия завертелась вокруг моего отчета. Все мои выводы и заключения были приняты. Ректор, декан, представитель обкома попросили у меня по экземпляру моего труда. Так же было и во второй раз, но вопросы в анкетах я поменял. Повтора не было, а динамика – была...

Два или три раза в период, когда проректором по учебной работе у нас в университете работала проф. Н.А. Меркулова, я возглавлял комиссию по конкурсу открытых лекций на химико-биологическом факультете. Обязанностью членов комиссии было посещение открытых лекций участвующих в конкурсе преподавателей, а затем – оценка этих лекций с выделением призеров. Работа эта отнимала у нас очень много времени. Представьте себе, что в конкурсе участвуют 10 преподавателей, и каждый из них читает по 2 лекции. Получается, что каждый член конкурсной комиссии должен потратить на посещение этих лекций по 40 часов. А ведь у него и самого идут занятия со студентами! Подведение итогов конкурса носило достаточно субъективный и обывательский характер.

Хорошо подумав, я составил анкету с оценками по конкретным характеристикам лекции: актуальность темы, новизна излагаемого материала, иллюстративность и т.д. Теперь каждый член конкурсной комиссии мог посетить только одну лекцию преподавателя, но зато оценить ее всесторонне и количественно (в баллах). Если даже лекции какого-то преподавателя смогли посетить не все члены комиссии, то все равно его работу можно было объективно оценить по остальным анкетам. Нагрузка на членов конкурсной комиссии снизилась, а конечный результат работы повысился. Все были довольны. Правда, проф. Н.А. Меркулова, присутствующая на одной из конкурсных лекций и заметив, что некоторых членов комиссии нет, в категорической форме осудила их поведение. А когда я сказал, что члены комиссии отсутствуют с моего согласия, потребовала от меня письменное объяснение: «Приказ ректора нужно выполнять!». Несколько дней спустя, я зашел в кабинет проректора, проф. Н.А. Меркуловой с уже заполненными анкетами по ряду состоявшихся лекций и рассчитанными в баллах их итоговыми оценками. Рассмотрев внимательно мои документы, Нина Андреевна сменила «гнев на милость». Преимущества объективной (статистически корректной) оценки перед обывательско-субъективной были налицо...

16. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

В становлении вузовского работника важное значение имеют научные конференции, которые выполняют роль своеобразных неформальных школ. Слушая доклады, беседуя с учеными, познаешь очень много нового для себя. Работая в Куйбышевском-Самарском университете, я много поездил по стране. Так, в мае 1976 года, будучи докторантом, я принял участие в IV Всесоюзном совещании по физиолого-биохимическим основам взаимодействия растений в фитоценозах, которое проходило в Киеве на базе ЦРБС АН УССР. Заседания шли в уютном вестибюле административного корпуса ботанического сада, на втором этаже. Здесь присутствовали и выступали с научными докладами А.М. Гродзинский, О.А. Берестецкий, М.В. Колесниченко, И.Н. Рахтеенко, В.Д. Рощина, К.М. Хайлов, П.В. Юрин, Г.П. Богдан, В.М. Гайдамак, П.А. Мороз, Н.И. Прутенская, А.С. Спахова, Б.И. Якушев, Н.Н. Дзюбенко, В.П. Иванов, С.Г. Коваленко, В.В. Чумаков, В.И. Шанда, В.Г. Карпов, Ю.В. Титов, Ю.Н. Чернобай, Э.А. Головкин, Л.Д. Юрчак, И.И. Попивший и др. Всего было заслушано 111 сообщений. Всеобщий интерес участников к проблеме растительных выделений объединял нас. Поэтому каждое выступление воспринималось и внимательно, и с интересом. Я представил 4 доклада, которые вызвали много вопросов и были приняты с явным одобрением. Незабываемы экскурсии по ботаническому саду в пору цветения роз, каштанов, сирени и многих других экзотов, беседы с участниками совещания.

Запомнился и традиционный в ту пору банкет, на котором я, произнося речь, сказал: «Совещание прошло настолько хорошо, что даже нет места для критики». Поднявшийся после меня Иван Наумович Рахтеенко, воспринявший, очевидно, мои слова в буквальном смысле, заявил: «Почему это у нас нет места для критики? Если кто желает, пусть критикует».

Регулярно проходили в ту пору и Всесоюзные совещания по проблеме фитонцидов (1975, 1979, 1985 гг.), чаще всего на базе Института микробиологии и вирусологии АН УССР, в Киеве. Я в них тоже принимал участие.

Осенью 1977 года наша кафедра начала работу по хоздоговору с Волжским автозаводом (ВАЗ), и с целью ознакомления с принципами внутреннего озеленения мы (я, В.Г. Терентьев, М.Н. Чехова, С.А. Розно) отправились самолетом во Львов, где в ботаническом саду осуществлялись исследования по созданию «зимних садов». Там мы познакомились с директором ботанического сада Орестом Мечиславовичем Урбанским, с его заместителем – Зиновием Николаевичем Живицким. Они поручили нас своему сотруднику – Шевченко Георгию Сергеевичу, который с 7 по 14 декабря возил нас по Львову и показывал зимние сады. Съездили мы и в Трускавец, где Г.С. Шевченко ознакомил нас с зимним садом в пансионате, а также – завел в «колыбу», где мы угостились винцом и жареным мясом. Колыба представляла собой большую, неотопливаемую деревянную избу с местом для костра посередине. Пол – земляной. Недалеко синели Карпаты...

Мы осмотрели во Львове старинное польское кладбище со склепами, Стрийский парк, ратушу, мемориальную средневековую аптеку (с колбами, фарфоровыми ступами и т.д.), ходили в университет на кафедру ботаники (заведующий – проф. Козий Григорий Васильевич).

В начале декабря 1979 г. в Москве, на базе биологического факультета МГУ состоялось Всесоюзное совещание заведующих биологическими кафедрами университетов. Кроме меня, на этом совещании от Куйбышевского-Самарского университета были Л.Ф. Мавринская, Н.А. Меркулова, М.М. Серых и Д.П. Мозговой. Погода в Москве стояла морозная. После первого дня заседаний я заболел и в последующие дни пролежал в постели в гостинице. Л.Ф. Мавринская снабдила меня назначенными ею лекарствами и велела не выходить на улицу, что я и делал несколько дней. Поэтому мое участие в данном совещании свелось к двум дням: первому и последнему. Однако я все же свиделся с моими бывшими коллегами по Днепропетровскому университету – с Л.Г. Апостоловым, В.Л. Булаховым, З.Н. Донцовой и А.Д. Ревой. С Л.Г. Апостоловым я столкнулся в очереди к администратору в гостинице «Университет». Увидев меня, он очень удивился и спросил: «А ты что тут делаешь?» В зале заседаний ко мне подошел В.Л. Булахов, крепко пожал руку и дружески поговорил. А когда я встретил А.Д. Реву, он тепло поздоровался и неожиданно спросил: «Ну, что, Николай Михайлович, поняли ли Вы, кого и как надо выбирать в друзья?»

Милон Матвеевич Серых, который хорошо знал Москву, приобрел билеты на концерт какого-то знаменитого хора. Вся наша куйбышевская делегация, кроме меня, хворого, после этого концерта, возвращаясь в гостиницу, встретила в поезде метро с главной солисткой хора. Оказавшись на диванчике рядом с артисткой, как рассказали мне, Людмила Федоровна Мавринская затеяла с ней разговор, в конце которого, выходя на остановке из вагона, сказала ей: «Кстати, мы все – профессора!» О, неповторимая Людмила Федоровна!

В мае 1982 года я организовал поездку студентов 4 курса нашей специализации на Украину (Киев, Белая Церковь, Умань) для ознакомления с принципами зеленого строительства. В Киеве мы поселились в общежитии ЦРБС АН УССР, ознакомились с насаждениями ботанического сада, приднепровских парков, городских бульваров, скверов, побывали в музее архитектуры и быта Украины, а затем выехали в Умань. В Умани мы несколько дней осматривали старинный дендропарк «Софиевку» (директор – Иван Семенович Косенко), в чем нам хорошо помог Гарбуз Виктор Федорович – сотрудник дендропарка. Затем мы переехали автобусом в Белую Церковь, где познакомились со старинным дендропарком «Александрия» (директор – Петр Иванович Макаренко). Жили мы все в административном корпусе, на втором этаже, прямо на территории (в центре) дендропарка. Курировал нас Сергей Иванович Галкин. «Софиевка» создана на месте степной балки с ручьем-речушкой на дне, а «Александрия» – в пойме р. Рось. И балки, и речные поймы широко представлены в Самарской области, поэтому опыт творения этих чудных парков может быть здесь востребован.

В октябре 1982 года я принял участие в V Республиканской конференции по проблемам аллелопатии, которая проходила в г. Белая Церковь на базе Белоцерковского сельскохозяйственного института. На ней было представлено 128 научных докладов. Среди выступающих – А.М. Гродзинский, Э.А. Головкин, В.Г. Карпов, Н.И. Прутенская, И.Н. Рахтеенко, Г.П. Богдан, С.Г. Прокушкин, Л.Н. Каверзина, С.П. Чуркин, Р.А. Степень, Ю.В. Титов, А.А. Часовенная, Г.Г. Баранецкий, П.А. Мороз, А.И. Золотухин, Б.С. Мартинович, В.Я. Марьюшкина, В.В. Чумаков, Б.И. Якушев, В.В. Туганаев, Г.Е. Жамба,

В.П. Иванов, С.Г. Лешенко, Н.Н. Дзюбенко, С.А. Горобец, О.А. Берестецкий, Л.Д. Юрчак, Г.Ф. Наумов и др. Мой доклад «Значение аллелопатического фактора в формировании фитоценотической структуры лесонасаждений в степной зоне» был успешным.

Из Белой Церкви я съездил на несколько дней в Умань к моему другу Петру Ивановичу Мороз, а затем из Киева отправился во Львов на III Всесоюзную школу по биогеоценологии, которая проходила на базе Львовского филиала Института ботаники АН УССР. С интересными докладами выступили М.А. Голубец, Л.С. Козловская, И.В. Стебаев, Н.М. Чернова, Л.М. Носова, Ю.Н. Чернобай, И.В. Царик, В.Н. Борисова, А.В. Уваров, Р.И. Злотин и др. Я тоже успешно доложил свои материалы («Деструкция сапролинов из лесной подстилки в почве и аллелопатия в лесных биогеоценозах степной зоны»).

В мае 1987 года ректор Харьковского сельхозинститута, профессор Герман Федорович Наумов созвал VI Республиканскую научную конференцию по аллелопатии. В ней участвовало 70 специалистов и было заслушано 24 научных доклада, с которыми выступили: А.М. Гродзинский, Г.Ф. Наумов, Э.А. Головкин, В.Я. Марьюшкина, К.Г. Тетеряченко, В.К. Пузик, Л.Д. Юрчак, И.Н. Грикун, С.А. Горобец, Л.И. Крупа, К.В. Бахнова, М.Н. Кулешов, Т.М. Билянковская и др. Мой доклад, отражавший основное содержание год назад защищенной диссертации, был воспринят с большим вниманием. Я дебютировал здесь как новый доктор аллелопатии, вставший рядом с корифеями. Это было непривычно для меня. Г.Ф. Наумов создал лабораторию аллелопатии семян, где успешно испытывали препараты, получаемые из водных экстрактов из проростков пшеницы. Предпосевная обработка этими препаратами семян разных культурных растений (пшеница, кукуруза, свекла и др.) стимулировала их рост и урожайность.

Здесь, в Харькове, я в частности хорошо познакомился с очень умным и веселым человеком – Константином Сергеевичем Стефанским, который работал в Киеве в ЦРБС АН УССР и проводил по аллелопатии остроумные и убедительные опыты.

Владимир Константинович Пузик (сейчас это доктор биологических наук, профессор, первый проректор Харьковского агроуниверситета) помог мне разыскать фронтового друга моего старшего брата Геннадия – Градова Якова Павловича. Я побывал в его доме, и он рассказал, как погиб мой брат на Волге на военном тральщике, который подорвался на немецкой мине в районе с. Екатериновки. Это произошло на глазах Якова Павловича, который находился на соседнем тральщике...

11-18 сентября 1987 года я побывал во Владивостоке на III Всероссийском совещании заведующих ботанических кафедр университетов России. Такого рода совещания проводились регулярно по инициативе заведующего кафедрой ботаники Ленинградского университета, профессора Владимира Михайловича Шмидта. Летел я во Владивосток на самолете вместе с профессором Владимиром Ивановичем Матвеевым из Куйбышевского пединститута. Удивительно было наблюдать, как ранний вечер в аэропорту Курумоч переходит сначала в ночь Новосибирска, а затем в утро Красноярска и в полдень Хабаровска. И все это за 5-6 часов лёта на ТУ-154.

В Хабаровске мы сделали пересадку, и до вечера успели побывать в центре

города, в краеведческом музее (с чучелами тигров) и на берегу Амура-батюшки. Во Владивосток из Хабаровска прилетели в полночь, на такси добрались до университета, а оттуда нас доставили в комнату общежития, где мы разбудили нашего общего друга и коллегу – профессора Александра Осиповича Тарасова из Саратовского университета.

Проф. В.М. Шмидт был председателем секции ботаники Головного совета по биологии при Минвузе РСФСР и вложил в совещания заведующих ботаническими кафедрами очень мудрую идею: проводить их всякий раз в новом регионе России и не только для обмена опытом учебно-методической и научной работы, но и, непременно, для знакомства с природой того или иного края. Владимир Михайлович был типичным ленинградцем: очень простой, умный, приветливый, внимательный к людям человек! Таких сейчас «днем с огнем» не сыщешь. Он лично, от руки писал всем нам приглашения на данные совещания: детально, подробно, удивительно аккуратным и очень красивым, разборчивым почерком. По его инициативе совещания прошли в Сыктывкаре, Краснодаре, Владивостоке. Но, увы, проф. В.М. Шмидт уехал из России. Его приемник, проф. К.Ф. Хмелев, организовал такого рода совещания в Воронеже (два), в Краснодаре, Ижевске, Йошкар-Оле. После того, как К.Ф. Хмелева не стало, его последователь, если он вообще существует, прекратил сие доброе дело.

Итак, Владивосток. Днем мы собирались в аудитории Дальневосточного университета, заслушивали доклады коллег, обменивались мнениями, беседовали. Хорошо запомнились мне выступления Харкевича Сигизмунда Семеновича, Тарасова Александра Осиповича, Штанько Алексея Васильевича, Минибаева Руфиля Гафаровича, Верещагиной Валентины Александровны, Шмидта Владимира Михайловича, Хмелева Константина Филипповича, Александра Сергеевича Ревушкина.

С.С. Харкевич – киевлянин (я слушал его доклад однажды в Киеве) работал в биолого-почвенном институте Дальневосточного научного центра АН СССР, изучал флору Дальнего Востока. В своем выступлении на нашем совещании он привел такой эпизод. После Октябрьской революции в Туле один писатель, выступая перед коллегами, сказал: «Тульская писательская организация очень выросла. У нас уже 33 члена, а раньше был один Лев Толстой!»

Погода во Владивостоке стояла теплая. К.Ф. Хмелев (однажды он занял титул чемпиона СССР по борьбе) каждое утро купался в Великом океане (рядом с общежитием, где мы проживали), его закадычный друг – В.И. Матвеев собирал для коллекции морских звезд, ну, а по вечерам приятели иногда, пригласив для компании по коллежанке из нашего завкафского коллектива, посещали знаменитые рестораны. При этом Константина Филипповича ресторанные завсегдатаи неизменно принимали за капитана, а Владимира Ивановича – за старпома одного из громад-кораблей, пришвартовавшихся к причалу порта.

Мы же с Александром Осиповичем Тарасовым потихоньку прогуливались по городу, любуясь океаном и океанскими теплоходами, а затем отправлялись бай-бай в свою комнату в общежитии. Если старпом возвращался не поздно, мы слегка подшучивали над ним. Он не обижался, как и положено «просоленному океанами морскому волку».

Один раз я решил искупаться в океане. Мое желание разделил Руфиль

Гафарович Минибаев. Мы пошли с ним на безлюдный пляж возле общежития, разделись и залезли в воду. И на берегу, и в воде были камни, они давили ступни ног и портили хорошее настроение. На дне попадались также морские ежи с огромными колючками. Все это невольно будило мысль: «Да, проть нашей Волги этот океан – лужа!»

Мы побывали на экскурсии в ботаническом саду, в биолого-почвенном институте (здесь я впервые увидел окаменевшие деревья и микроскопические срезы с них). Однажды нас на день вывезли электричкой к горе Криничной (она имеет и другое, китайское название). Подкрепившись бутербродами у ее подножия, мы стали по тропе подниматься вверх. Шли долго. Тропа петляла среди огромных деревьев. Впереди шла наша хозяйка – заведующая кафедрой ботаники Дальневосточного университета, доцент Ворошилова, за ней – я, за мной – остальные. замыкал процессию проф. К.Ф. Хмелев. Однако очень скоро всех нас обогнала наша Тамара Ивановна Плаксина (она тоже прибыла во Владивосток). Все благополучно добрались до самой вершины горы. Леса здесь уже не было: только небо да скалы, да заросли микробиоты, да ветер, да горы, синюющие вокруг.

Спускаться оказалось труднее, чем подниматься вверх. Я крепко отстал ото всех. Меня не бросил в одиночестве только Александр Сергеевич Ревушкин – заведующий кафедрой ботаники Томского университета – удивительно деликатный человек. Сейчас Александр Сергеевич – доктор биологических наук, профессор, первый проректор Томского университета. К отходу электрички мы успели и успешно вернулись во Владивосток.

На несколько дней нас вывезли в Уссурийский заповедник. Остановились мы в поселке учебной базы какого-то института. Поселили нас в больших комнатах. В нашей оказались я, А.О. Тарасов, К.Ф. Хмелев, В.И. Матвеев. Столовая, на которую рассчитывали организаторы, оказалась нам недоступна (там шло свадебное торжество). Мы купили в местном магазине хлеба, консервов и что Бог послал. Хозяева накопили картошки, и наши коллежанки сварили ее в ведре с помощью кипятильников до полуготовности: сверху – сварена, внутри – сырая. Но все равно есть можно.

В заповеднике я увидел то, что называют «сопки». Это – горы, высокие горы, поросшие лесом. В лесу нам показали дальневосточные виды широколиственных деревьев, актинидию, лимонник и даже женьшень (на плантации). Наша Тамара Ивановна – в куртке, сапогах, с гербарной сеткой и копалкой в руках, одна из всех интенсивно собирала растения для гербария. Один раз она мгновенно влезла по узенькому проходу на «островок», чудом прилепившийся к обрывистому склону сопки. Увидя это, я обмер, а она, найдя какое-то растение под деревьями на «островке», смело вернулась «на большую землю».

Каждый вечер в ее комнате собиралась женская ассамблея и до полночи громко выспаривала латинские названия различных видов из собранного гербария...

В октябре-декабре 1987 года по плану повышения квалификации я был командирован в Киев, на стажировку в ЦРБС АН УССР. Жил я в комнате для приезжих в общежитии, на территории ботанического сада, где проживал ранее, находясь в докторантуре. Комендант, уже знакомая мне Вера Ивановна, снабдила меня необходимой кухонной посудой, я приобрел в магазинах продукты и надежно

наладил свой быт.

В эту пору в ЦРБС еженедельно заседал Ученый совет и заслушивались отчеты отделов о научно-исследовательской работе, из которых я узнавал много нового. Я посещал лекции проф. А.А. Лаптева и проф. В.И. Чопика в Киевском университете, проф. В.К. Мякушко – в Украинской сельхозакадемии (УкрСХА), работал в центральной библиотеке АН УССР, присутствовал на защитах диссертаций, которые проходили в ЦРБС, УкрСХА. На одной из защит я встретился и поговорил с проф. Алексеем Лаврентьевичем Лыпой, который долгое время заведовал кафедрой ботаники в Киевском университете. В один из теплых выходных дней я съездил в музей архитектуры и быта Украины. Под открытым небом, на огромной холмистой местности близ Феофании сооружены фрагменты сел из разных регионов Украины: Буковины, Закарпатья, Полесья, Галиции, Полтавщины и др. Хаты с утварью и мебелью, ветряки, клуны, пасеки, колодцы, церкви и т.п. Кроме древних построек (имелась даже курная изба), отдельным массивом были представлены фрагменты современных сел: хаты из кирпича, под шифером, с мебелью. Никогда и нигде я не видал столь убедительного доказательства бесспорного превосходства социализма над капитализмом! А поскольку я бывал во многих украинских селах, то правдивость экспозиций этого музея для меня была бесспорна.

На короткое время в мою комнату поселили крепкого, коренастого мужчину, приехавшего из Тернополя за травами для изготовления напитков «Тархун», «Байкал» и т.п. Он окончил винодельческий институт в Кишиневе, жил одно время с гагаузами в Молдавии, сейчас работал на заводе, производящем напитки, в Тернополе. Каждое утро он рано вставал, бегал на улице, обливался холодной водой. Он рассказывал, что ему приходилось жить и работать в Чапаевске Самарской области, откуда был вынужден бежать (сел на ближайший поезд и уехал), бросив все, так как разозлил местную шпану (спас от насильников девушку). Сейчас он был женат на девице, родичи которой «ховали на горищі кулемет», а про делянку колхозной земли говорили: «Це – наша левада!» Его же они называли – «пан», а он им отвечал: «Ні, я не пан, я – Іван». Отец его в 1939 году стал председателем колхоза и руководил им долгое время и после Отечественной войны. Поэтому Иван и в самом деле являлся «настоящим советским человеком». Каково ему сейчас, когда «оранжевый Мазепа» везде наставил во власть бандеровцев и их последышей?

С 23 по 27 мая 1988 года я принимал участие в съезде Всероссийского общества «Знание» в Архангельске. Съезд был посвящен проблемам защиты окружающей среды. Перед нами выступали министры, экономисты и иные специалисты из Москвы. Здесь я хорошо познакомился с Макаровым Владимиром Зиновьевичем (Саратовский университет), Нарезным Владимиром Павловичем (Мордовский университет), Санаевым Николаем Филипповичем (Мордовский университет). Кроме докладов на съезде нас свозили в Карелы вдоль берега Северной Двины. Деревни, которые мы проезжали на автобусе, состояли только из одного ряда крепких, высоких бревенчатых изб, обращенных окнами к реке. Карелы – музей под открытым небом: северные деревянные избы, амбары, церкви. Огромные, высокие, своеобразные. Купола церквей сделаны из осиновых дощечек, блестящих, как серебро на солнце. Послушали мы и устроенный для нас

колокольный звон...

Владимир Зиновьевич оказался большим шутником и веселым, неунывающим человеком. Он с юморком подшучивал над своим однокурсником – Владимиром Павловичем, который проявлял страстное любвеобилие к присутствующим на съезде дамам. В Архангельске уже установились белые ночи. Из окна нашего номера в гостинице открывался вид на площадь, на которой красовался дворец пионеров с высокой округлой башней с блестящим куполом наверху. «На что это похоже?» – спросил меня как-то раз шутник. Я растерялся, не зная, что ответить. «На возбужденный уд Владимира Павловича», – сообщил заговорщик. Мы засмеялись. При расставании в аэропорту Владимир Зиновьевич купил в киоске несколько открыток с изображением дворца пионеров, часть вручил мне для поздравлений Владимира Павловича с Новым годом.

С 26 сентября по 10 октября 1988 года я присутствовал на Украинской республиканской научной конференции «Рациональное использование, охрана и воспроизводство биологических ресурсов» в Запорожье. Она проходила на базе Запорожского университета, который ранее был пединститутом. Организатором выступала проф. Рачковская Мария Максимовна – заведующая кафедрой ботаники. Здесь мне привелось хорошо пообщаться с академиком АН УССР Сытником Константином Меркурьевичем и проф. Николаевским Владимиром Серафимовичем. Мой доклад «Лесные биогеоценозы как важнейшие природоохранные и средозащитные экосистемы степной зоны» был воспринят одобрительно. Нам устроили экскурсию в цеха металлургического комбината «Запорожсталь», на остров Хортицу в музей Запорожской Сечи...

В 1988-1989 учебном году наш химико-биологический факультет разделился на два самостоятельных: химический и биологический, а в сентябре 1989 г. в Кубанском университете (КубГУ) было созвано очередное совещание заведующих ботаническими кафедрами университетов России. Организатором его выступал заведующий кафедрой ботаники, он же – декан факультета КубГУ Нагалецкий Владимир Яковлевич. После докладов и выступлений в первый день нам устроили экскурсию в ботанический сад, а с утра второго дня повезли автобусами на биостанцию. Ехали мы долго, через г. Майкоп и на место прибыли к вечеру. Там нас расселили по комнатам в строении барачного типа, накормили в столовой и всем желающим (я был среди них) выдали кирзовые сапоги. Это было весьма кстати, так как прошли дожди и на дорогах было грязно. Биостанция производила солидное впечатление: много жилых помещений, столовая, автотранспорт, электричество. Мы ежедневно собирались на заседания, выступали с докладами, совершали экскурсии в природу. Нас сводили в пещеру, где я впервые увидел сталагмиты и сталактиты и подземную реку, в глубокое ущелье с огромным водопадом, на альпийские луга, откуда были видны вершины Кавказских гор с вечными снегами.

Из Минвуза РСФСР присутствовал Михаил Александрович Кудряшов, «первую скрипку» играл проф. Константин Филиппович Хмелев. Широко были представлены заведующие ботаническими кафедрами: А.С. Ревушкин (Томск), В.И. Волкорезов (Горький), С.В. Комов (Свердловск), А.В. Штанько (Петрозаводск) и др. С нами неразлучно ходили в природу два немца, муж и жена, – Бернхард и Хэльга Рёллих из Дрездена. Если «наша братия» бродила «руки в

брюки», то немецкая супружеская пара трудилась «как Карла»: собирали семена, луковицы, клубни, корневища растений для своего ботанического сада. В одной комнате со мной проживали Александр Камильевич Ибрагимов (директор ботсада из Горького) и Александр Иванович Шмаков (директор ботсада из Барнаула), которые устраивали шумные и бесконечные дискуссии...

Весной 1990 года мы с Н.В. Прохоровой приняли участие во Всесоюзной научной конференции «Растения и промышленная среда», которая проходила в Доме ученых в Днепропетровске. Кроме заслушивания докладов, для нас организовали экскурсию в парк им. Т.Г. Шевченко и на предприятия зеленого строительства. В ту пору в Днепропетровске функционировали 2 спецхоза: «Декоративные культуры» (800 га) и «Цветы Днепропетровска» (10 га под стеклом). Они выращивали для озеленения до 600000 древесных саженцев, до 600000 тюльпанов в год, которые высаживали в городе, в том числе и на набережной Днепра, протяженность которой составляла 27 км. Городское хозяйство «Горзеленстрой» имело 100 цветочных магазинов, 718 га насаждений общего пользования. Организация ухода за зелеными насаждениями, цветниками, злаковыми газонами «по принципу семейного подряда», 90 км водопроводной системы полива обеспечивали необыкновенную красоту города.

Наш доклад на конференции («О принципах создания фитомелиоративных систем металлообрабатывающих предприятий Куйбышевской области») хорошо вошел в ее тематику. Побывали мы с Н.В. Прохоровой на кафедре геоботаники, где я когда-то работал, повидались с А.П. Травлевым, В.В. Тарасовым и др., посетили и осмотрели ботанический сад. Трамваем мы проехали по пр. Пушкина и, сойдя у здания облисполкома, спустились на пр. К. Маркса через парк Чкалова. Сходил я и к Александру Люциановичу Бельгарду. Он сильно постарел, но был бодр. Мы хорошо побеседовали. А на прощание, как всегда, он подарил мне книгу из своей личной библиотеки. Не знал и не чувствовал я тогда, что эта встреча с Учителем будет для меня последней!

Зимой 1992 года в Ульяновске я принял участие в международной конференции «Состояние растительных ресурсов Восточной Европы». Жил я в гостинице «Венец» в номере вместе с проф. В.И. Матвеевым. Участников конференции было мало, в основном, – ульяновцы да самарцы. Наступали времена безденежья. Я доложил материалы, обосновывающие необходимость заповедания Красносамарского лесного массива.

Летом 1993 года состоялось очередное совещание заведующих ботаническими кафедрами университетов России. Проходило оно на базе Удмуртского университета в Ижевске. Из Минвуза на нем никого не было, отсутствовал и проф. К.Ф. Хмелев, который сменил проф. В.М. Шмидта на посту председателя секции ботаники Головного совета по биологии при Минвузе. Участников совещания, которое определял заведующий кафедрой ботаники Удмуртского университета, профессор Виктор Васильевич Туганаев, было мало. Присутствовали проф. Геннадий Константинович Андросов (Сыктывкар), проф. Евгений Леонидович Любарский (Казань). Была организована для нас поездка в г. Воткинск с посещением музея-усадьбы П.И. Чайковского. Экскурсии в природу не были предусмотрены. И это, конечно же, огорчало. Только по пути в Ижевск из Воткинска автобус остановился, и мы зашли с шоссе минут на 20 в еловый

таежный лес. Жили мы в небольшой уютной гостинице в центре города. Я находился в номере с проф. Г.К. Андросовым и проф. Е.Л. Любарским. Наш хозяин, проф. В.В. Туганаев, каждое утро обеспечивал нас «домашним завтраком». Докладчиками на совещании выступали в основном доценты Удмуртского университета. Был среди них и молодой доктор биологических наук Ильминских Николай Геннадьевич.

В конце 1993 года меня пригласили на кафедру ботаники в Нижегородский университет для прочтения курса лекций по аллелопатии. Жил я в комнате общежития на территории университетского городка. Ежедневно меня опекали Ибрагимов Александр Камильевич и Широков Александр Игоревич. Они ознакомили меня с городом. Я побывал, в частности, в Нижегородском кремле и в ботаническом саду. Лекции мои по аллелопатии успешно прошли на всех курсах биологического факультета. Я выступил также перед преподавателями факультета, изучил работу всех биологических кафедр. Я познакомился с проф. Гелашвили Давидом Бежановичем, доц. Волкорезовым Валентином Ивановичем, доц. Воротниковым Владимиром Петровичем, проф. Охапкиным Александром Геннадьевичем, с проф. Ануфриевым Геннадием Александровичем и др.

Осенью 1994 года я отправился в Петрозаводск на II Международную конференцию «Экология и образование». До Ленинграда я летел самолетом, а от Ленинграда до Петрозаводска ехал поездом. Первый день по прибытии я прожил в гостинице «Север» на пр. Ленина, походил по городу, по берегу огромного, как море, Онежского озера. Погода стояла солнечная, но было прохладно. Посреди озера есть остров Валаам, на котором располагается старинный православный монастырь. Однако навигация на озере уже прекратилась, и теплоходы никуда не ходили.

На другой день, явившись в университет, я получил направление для проживания в бывшей оздоровительной резиденции правительства Карелии, на окраине Петрозаводска, в тупике троллейбуса, где в дальнейшем в большом зале и проходила конференция. В первый же день заседаний появился проф. Алексей Васильевич Штанько, который ежедневно, после окончания заседаний стал возить меня к себе домой, где его супруга, Клавдия Тимофеевна, потчевала меня вкусным обедом. Мы много и подолгу беседовали.

На конференции доминировал декан биологического факультета, он же – заведующий кафедрой зоологии Петрозаводского университета, член-корр. РАН, профессор Ивантер Эрнст Викторович. Он председательствовал с утра до вечера каждый день, много и долго говорил. Так что мы больше слушали его, чем других докладчиков. Здесь я сделал доклад «Современные альтернативы в экологическом образовании студентов в вузах России и оптимизация процесса формирования экологической культуры специалистов».

Жил я в комнате с прибывшим из Ленинграда с большим рюкзаком на плечах Александром Сергеевичем Карповым, который, неплохо зная английский, переводил нам выступления присутствовавших на конференции финнов. Несмотря на абсолютно русские фамилию-имя-отчество, он имел классический еврейский облик и бесконечно жаловался на «русский антисемитизм». Я же уверял его, что добрее и благожелательнее к разным племенам и народам, в том числе и к евреям, чем русские люди, на белом свете никого нет. И если к русским людям относиться

с уважением и дружбой, то они, непременно, будут и финну, и тунгусу, и еврею, и французу и, Бог весть, всякому – самыми верными друзьями. Если же в наши теперешние времена и есть какие-то обиженные безработицей, нищетой, бедностью, голодом и холодом народы в России, то это, чаще всего, именно русские, вымирающие почти по миллиону в год. Что же касается российских евреев, то они и не хуже, и не лучше всех «ста языков», кои на Руси мирно веками сосуществовали рядом друг с другом. И не надо заострять всеобщее внимание только на евреях, придумывая для этого мудреные термины типа «антисемитизма», ибо это не печальнее «антируситизма», «антитатаризма», «антиякутизма» и т.д. Хорошего, добропорядочного человека будут уважать все «за дела его», плохого – не уважать. И тут ничего не попишешь. Жили мы с Александром Сергеевичем и мирно, и дружно, подолгу сидели по вечерам в комнате за столом, кипятили и пили чай, угощая друг друга съестными запасами, беседовали. Человек это, несомненно, хороший, умный и трудолюбивый.

В последний день пребывания в Петрозаводске я с утра походил по городу, полюбовался Онежским озером, а затем отправился, по приглашению, на квартиру к проф. Алексею Васильевичу Штанько. Мы хорошо поговорили. На вокзал меня проводил Алексей Васильевич и посадил в вагон поезда Петрозаводск-Ленинград...

В сентябре 1995 года я, Н.В. Прохорова и Л.М. Кавеленова участвовали с докладами в международной конференции «Фундаментальные и прикладные проблемы охраны окружающей среды» в Томске. До Новосибирска мы летели самолетом, а затем, до Томска, ехали рейсовым автобусом, долго, часов 5-6. Наконец-то я увидел знаменитую Западносибирскую лесостепную равнину. Она представляется плоской и безлесной, лишь местами разнообразится небольшими лесными массивчиками. Только у самого Томска автобус въехал в сосновые леса. Томск выглядел солидно. Жители города благодарят за это Егора Кузьмича Лигачева, который руководил одно время Томской областью. Конференция проходила на базе старейшего в Сибири, знаменитого Томского университета. Мы познакомились с кафедрой ботаники, с гербарием (имеет статус научно-исследовательского института), с ботаническим садом. Проф. Александр Сергеевич Ревушкин поручил нас своему сотруднику, который на легковом автомобиле повозил нас по области. Мы увидели посадки кедра (сосны сибирской), лишайниковые боры и сфагновое болото с багульником, клюквой, росянкой.

В конференции принимало участие множество народа, но доклады по тематике были крайне разноплановые: и о физике, и о лирике. Экология из биологической науки уже успела превратиться в спекулятивную экологию...

Последнее Всероссийское совещание заведующих ботаническими кафедрами университетов состоялось в 1996 году в Йошкар-Оле на базе Марийского университета (МарГУ). Было еще одно, в Барнауле, но оно ото всех предшествующих сильно отличалось по своему принципу и пыталось объединить «крокодилов с каракатицей», то есть всякие кафедры, где есть какая-либо ботаника, и в настоящих университетах, и в поывыраставших, как поганые грибы по осени, различных «университатах». А в Йошкар-Оле организатором выступала заведующая кафедрой ботаники МарГУ, проф. Людмила Алексеевна Жукова. Из приезжих участников совещания, кроме меня, присутствовали проф. Евгений

Леонидович Любарский (Казань), проф. Виктор Васильевич Туганаев (Ижевск), а также Александр Игоревич Широков – из Нижнего Новгорода. Профессор К.Ф. Хмелев отсутствовал. С докладами в основном выступали преподаватели и аспиранты с кафедры ботаники МарГУ. Кафедра эта занимала множество помещений на двух этажах. Они все изобиловали живыми комнатными растениями, а на стенах висели многочисленные и красивые (под стеклом) витринки с онтогенетически (по возрастным состояниям) смонтированными гербарными образцами разнообразных видов растений. Все на данной кафедре было подчинено одной теме – изучению морфологического развития различных видов растений Марий Эл в онтогенезе. Здесь, как нигде более в СССР, рельефно, только в одном главном направлении реализовывались теоретические идеи московской научной школы профессоров А.А. Уранова, И.Г. Серебрякова, Т.И. Серебряковой. Но это уже была новая по сути школа – научная школа проф. Л.А. Жуковой, сумевшей всех без исключения преподавателей, сотрудников, аспирантов, студентов своей кафедры направить в одно русло – в познание биологии видовых популяций растений. Такое я наблюдал в России впервые.

Плохо только то, что и в Йошкар-Оле экскурсий в природу не было. Назад, до Казани, я ехал в поезде вместе с Николаем Васильевичем Абрамовым – ботаником-флористом Марийского университета, который всю дорогу (часов 6-7) рассказывал мне о растениях, а также о марийцах, среди каковых есть несколько говорящих на разных языках племен: луговые, горные и др. Николай Васильевич вез в Казань свои гербарные образцы растений. Он планировал ксерокопировать их на кафедре ботаники Казанского университета, утверждая, что при этом получаются хорошие изображения. В Казани до отхода поезда на Самару у меня было много времени. Я проехал трамваем до кремля, осмотрел его, а затем походил по «казанскому Арбату» – пешеходной улице Энгельса. Было солнечно и по-осеннему тепло...

В сентябре 1997 года я, Л.М. Кавеленова и Н.В. Прохорова самолетом прибыли в Краснодар, а оттуда автобусом нас отвезли на берег Черного моря в пансионат «Автодорожник» для участия во Всероссийской конференции по анализу объектов окружающей среды «Экоаналитика-97». Организаторами конференции являлись химики из Кубанского университета и из институтов РАН из Москвы. Пансионат располагался на прибрежной полосе моря, сразу за которой круто вверх поднимались высокие всхолмления Кавказских гор. Проживали мы в 2-местных номерах высотного здания, в котором и кормились в ресторане, и заседали в большом актовом зале. В телефонном справочнике в номерах бросались в глаза коды и телефоны г. Самары и г. Новокуйбышевска. Оказывается, в советские времена сей пансионат принадлежал автотранспортному предприятию г. Новокуйбышевска Самарской области.

День нашего приезда был прохладным и ветреным. Море штормило и всю ночь ухало за окном. Утром же ветер стих, выглянуло солнышко и потеплело. Наша Людмила Михайловна, воспользовавшись этим, немедленно вошла в воды самого синего в мире и смело, как небольшой, но очень яркий поплавок закачалась на присмиривших волнах.

Заседания проходили ежедневно с утра до вечера с перерывом на обед. Участники конференции были хорошо знакомы друг с другом. Каждый доклад воспринимался очень внимательно и доброжелательно. Дискуссии продолжались и

после окончания заседаний. Во всем чувствовалась неподдельная заинтересованность и увлеченность хороших специалистов. А как дружно танцевали эти люди на банкете! Давно уже, после того, как прекратились симпозиумы и совещания по проблемам аллелопатии, я не встречался с такими замечательными и влюбленными в свое дело людьми. И нас, и наши доклады они приняли благожелательно.

Удалось и нам с Натальей Владимировной однажды окунуться в море и погреться на солнышке, но Людмила Михайловна, несомненно, сохраняла пальму первенства за собой. Назад, до Краснодара нас снова много часов везли по горному серпантину на автобусе...

В сентябре 1998 года я получил от проф. В.П. Бессоновой приглашение принять участие в Международной конференции «Питання біоіндикації і екології» в Запорожье, куда и прибыл поездом «Свердловск-Симферополь» рано утром, еще до рассвета. В небольшом зале железнодорожного вокзала былолюдно. Свободное сидение нашел только у входной двери, рядом с мужчиной с явно несчастной судьбой. Едва рассвело, в зал зашли два дюжих милиционера с резиновыми дубинками («демократизаторами») в руках и начали выгонять бездомных людей, ехидно приговаривая: «Давай, давай! На работу пора!» Изгнали и моего соседа. Я встал, взял сумку и хотел уйти. Но милиционеры, заулыбавшись, проговорили: «А вы сидите, сидите, пожалуйста». Так я впервые был «отделен» в качестве «белого человека» от «черных» людей.

Походив по вокзалу и по перрону, я поискал пункт обмена российских рублей на украинские гривны, но тщетно. Пришлось идти к трамваю и ехать до университета. Там я встретился с Валентиной Петровной Бессоновой. Меня устроили на жительство в комнату общежития, которое находилось недалеко от университета. Первым делом надо было поменять деньги. Это оказалось непросто: никто из опрашиваемых не знал, где сие вершат. Хорошо нагулявшись, я, наконец, дошел до универмага на пр. Ленина, где в пункте обмена поменял на гривны 500 рублей. Я решил поискать другой пункт обмена в надежде на более выгодный для меня курс и отправился по пр. Ленина в сторону гостиницы «Интурист», где я однажды уже бывал. От прежнего ухоженного советского Запорожья мало что осталось. Царило запустение. Дойдя до гостиницы, я с огорчением узнал, что здесь наши рубли оценивают еще меньше, чем в универмаге, поэтому возвратился в общежитие, купив по дороге кое-что поесть.

На следующее утро я отправился в университет. Конференция проходила в большом актовом зале с очень плохой акустикой. Меня усадили в президиум, хотя мне хотелось сидеть в зале. После приветственной речи ректора университета пришлось выступать с докладом («О некоторых принципах фитоиндикации среды в экосистемах») мне. Огромные окна зала в солнечный день делали невидимыми все мои иллюстрации через кодоскоп. Пришлось перестраиваться на ходу. Доложил свой материал я успешно, но, как говорил бессмертный Аркадий Райкин: «Настроение было уже не то». Участников конференции съехалось довольно много: из Запорожья, Днепропетровска, Львова, Донецка, Кривого Рога, Мелитополя, Бердянска. Жилось всем везде несладко: зарплата маленькая, научные исследования не финансируются. Но содержание докладов свидетельствовало: ученый люд все равно упорно работает.

В конце первого же дня конференции хозяева накрыли стол для всех своих гостей. Были там, конечно же, и речи (как без них?), но было и слаженное, дружное застольное хоровое пение (атрибут, почти всегда отсутствующий у нас, в России). Давно я не чувствовал себя так хорошо! Из давно известных мне людей, кроме Валентины Петровны Бессоновой (она теперь заведовала кафедрой ботаники в Запорожском университете), на конференцию прибыл из Днепропетровска профессор Леонид Павлович Мыщик – заведующий кафедрой геоботаники, на которой я когда-то проработал 10 лет. Он рассказал о работе кафедры и Днепропетровского университета, о знакомых мне людях. Валентина Петровна тоже многое порассказала.

Когда конференция завершилась, я автобусом отправился в Днепропетровск. Погода стояла солнечная и теплая. Когда автобус въехал в Днепропетровск, я совершенно не узнавал, где мы едем. Автовокзал тоже был незнакомым: большой, солидный, с платформой на втором этаже. С подсказкой прохожих, я, наконец, вышел на пр. Маркса. В городе уже работало метро (от площади Петровского у железнодорожного вокзала в сторону Красного Камня). На трамвае я добрался до гостиницы «Центральная» рядом с универмагом, где меня и поселили в 2-местном номере. Было по-летнему жарко. Обмывшись в душе и перекусив оставшимися у меня съестными запасами (чай готовил с помощью электрического кипятильника), я отправился на свидание с любимым городом, где уже давно не был. Здесь многое изменилось: появился солидный речной вокзал с многоэтажной гостиницей, множество высоких зданий, богато украшенных магазинов, но фасады домов, лавочки – с облупившейся краской, трещины на асфальте, отсутствие ухоженных злаковых газонов и цветников, «блошиные» базары на каждом шагу (везде все что-то продают). Здесь обмен валюты не составлял труда: обменные пункты были рассредоточены по всему проспекту К. Маркса. Встречались они и в других местах: в магазинах, подземных переходах и т.д. И обменный курс был для меня выгоднее, чем в Запорожье. За универмагом, в сторону Днепра шумно торговал всякой всячиной, в том числе и продуктами (сало, колбасы, сметана и пр.), рынок, и недорогой, что облегчало мне проблему питания. Когда свечерело, на город опустилась по-южному очень темная ночь. Когда-то утопающий в ярком электрическом освещении Днепропетровск погрузился в кромешную тьму. Даже на центральном проспекте тротуары освещались только световой рекламой магазинов. Это был уже не советский красавец Днепропетровск, а самостийно-украинский «Сичеслав».

Несколько дней пролетели мгновенно. Я навестил сестру Шуру (с Любой, Катей, Колей, Ириной), побывал в ботсаду и на кафедре. Виделся с А.П. Травлевым (он отнесся ко мне как к досадной помехе, отвлекающей его от «великих» дел), В.В. Павловым, В.А. Барсовым, В.В. Тарасовым, А.А. Дубиной.

Домой, в Самару возвращался поездом через Москву. Здесь тоже везде и все что-то продавали. В подземном переходе от универмага к Ярославскому вокзалу вдоль стен сверкали торговые киоски. Поскольку мне надо было обеспечить сына Вову на зиму ботинками и теплой курткой, я по подсказке отправился на метро на вещевой рынок. Он был огромен. Легко было заблудиться. Продавцами выступали здесь почти сплошь какие-то нерусские люди: то ли дети гор, то ли уроженцы пустынь. Стоило только остановиться возле их товара, как тебя немедленно

окружала группа загорелых мужчин, и они крикливо и навязчиво требовали сказать, какую цену я дам. Их явно интересовало только одно – деньги! Ошеломленный, я долго ходил по этому скопищу торговых палаток и иноземных купцов. Наконец я увидел двух женщин славянской внешности, которые подобрали мне из своего товара и нужные ботинки, и теплую куртку. Они оказались с Украины. Слава Богу! С большим облегчением я покинул сию «ньюавилонскую свалку». Выходя из метро в Казанский вокзал, где давно не бывал, я вдоволь поплутал по его реконструированным подвалам: длинный, с гладкими кафельными стенами разветвляющийся ход, абсолютное безлюдье и гнетущая неизвестность, как попасть в здание вокзала. Москва, которую я знал как столицу моей Родины, тоже сильно изменилась, стала незнакомой и чужой...

В начале сентября 2001 года я с Н.В. Прохоровой и сыном Вовой, который был аспирантом в Самарском муниципальном университете Наяновой, побывал в Новороссийске на Всероссийской конференции по проблемам геохимии биосферы. Организатором ее выступал профессор Владимир Алексеевич Алексеенко – директор Новороссийского научно-исследовательского института геохимии биосферы. Ехали мы с Вовой поездом 2 дня и 2 ночи через Саратов – Волгоград – Краснодар. В плацкартном вагоне было жарко, душно и шумно. В соседнем купе разместилась какая-то плебейская компания из Самары, которая непрерывно играла в карты, заливаясь грубым, истошным хохотом после каждого «удачного хода». В этом «хоре» особо «высокие ноты» брали женские (простите: бабьи) голоса. В нашем купе находились две женщины, одна из которых безостановочно разгадывала кроссворды, а другая «перемывала косточки» своему мужу и другим многочисленным родственникам. Даже в последнюю перед прибытием в Новороссийск ночь она все говорила, говорила и говорила, мешая заснуть.

На Новороссийском железнодорожном вокзале, куда мы прибыли ранним утром, я купил в киоске картосхему города, по которой узнал маршрут следования к институту геохимии биосферы. До начала рабочего дня было еще очень много времени, когда мы с Вовой приехали к месту на троллейбусе. Рядом, внизу по склону синела морская бухта, куда, на косу из галечника, мы и спустились, осмотрев памятник героям «Малой земли». Светило яркое солнце, но было свежо: тянуло прохладой с моря. Мы посидели на камнях, доели свои съестные запасы.

К началу рабочего дня в институте появились сотрудники. Они зарегистрировали нас и объявили, что скоро придут автобусы и всех участников конференции, а их подъезжало все больше, отвезут на базу отдыха, где мы будем и жить, и кормиться, и заседать. Н.В. Прохорова, прибывшая самолетом, тоже появилась. Мы довольно долго ехали в автобусе среди гор, глубоких долин с озерами (водохранилищами) и, наконец, прибыли на базу отдыха в долине Абрау. Здесь нас разместили по жилым помещениям (по 2 человека в комнате), накормили в столовой и предоставили возможность осмотреться. Море было недалеко, в 300-500 метрах, в днище широкой долины между горами. По дну ее стекал в море ручей-речушка.

Здесь мы прожили несколько дней, заседаая, слушая научные доклады в большом помещении столовой с перерывом на обед. Стояла жара до +32°C. Вода в море была теплой. Но в воде у берега находилось много камней, поэтому заходить в море и, особенно, выходить из воды было крайне неприятно. Берег был усеян

галечником. Ходить по нему босыми ногами тоже не доставляло удовольствия. Лежать на теплых камушках можно, но они нагреваются слабее и медленнее, а остывают быстрее, чем песок. Нет! Прочь нашей Волги это море – тоже лужа! Однажды, когда в знойный обеденный перерыв мы с Вовой пошли к морю, нам встретилась Наталья Владимировна Прохорова. «Вы на Волгу?» – спросила она. И мы все засмеялись. Так что Волга постоянно в душе у каждого, кто хоть раз соприкоснулся с ней. Она ведь одна, а «луж», как вы понимаете, много...

Здесь мы впервые представили полученные нами фактические материалы не о концентрациях, а о массах тяжелых металлов в блоке «почва – растение». Это было – ново. Доклад (Матвеев Н.М., Прохорова Н.В., Матвеев В.Н. «Об объемах тяжелых металлов, вовлекаемых в биогеохимический круговорот из почвы с растениеводческой продукцией в условиях Высокого Заволжья») был воспринят с большим интересом. Сообщение делал мой сын, а мы с Натальей Владимировной отвечали на вопросы. После этого участники конференции, в большинстве своем хорошо знакомые друг с другом, и нас стали принимать «за своих». Особенно близко я сошелся с профессорами из Новосибирска (Институт геохимии СО РАН) Николаем Александровичем Росляковым и Юрием Александровичем Калининим.

Осенью 2001 года я с докладом «Количественные оценки экоморфного состава лесонасаждений в степной зоне» принял участие в конференции «Проблемы устойчивого функционирования лесных экосистем», которая состоялась в Ульяновском университете. Организатором ее выступал профессор Борис Петрович Чураков. Я впервые представил здесь усовершенствованную мною систему экологических форм и шкал для оценки светового, водного и солевого режимов, взяв за основу систему экоморф проф. А.Л. Бельгарда.

Борис Петрович Чураков встретил меня приветливо и лично показал и свою кафедру лесоводства, и весь экологический факультет, деканом которого он являлся. Учебный корпус на набережной р. Свияги был великолепен. Но меня удивило отсутствие научного оборудования в лабораториях.

В ноябре-декабре этого же года в Казани на базе Института экологии природных экосистем Академии Наук Татарстана состоялся V Всероссийский популяционный семинар. Мы (я, аспиранты О.А. Карпова, О.А. Левковская, Н.П. Кечина, М.А. Дивнова, А.В. Бажанова, А.В. Лобанова) представили доклад «О влиянии абиотических и биогенных факторов на видовые ценопопуляции растений». На семинаре присутствовали проф. Л.А. Жукова и проф. Н.В. Глотов (Йошкар-Ола), проф. Е.Л. Любарский (Казань), проф. О.В. Смирнова (Москва) и др. Был и А.И. Широков (Нижний Новгород), с которым мы жили в одной комнате в общежитии Казанского университета. Заседания проходили в большом зале в присутствии многих участников. В этот раз я побывал не только в Казанском кремле, но и в Казанском университете, на кафедре ботаники.

В 2002 году я снова посетил Казань. На сей раз конференцию «Биоразнообразии и биоресурсы Среднего Поволжья и сопредельных территорий» проводил Казанский госпедуниверситет в связи с его 125-летием. Я ездил с аспирантом С.В. Сеницким с докладом «К вопросу об экоморфном и биоморфном составе колковых лесов в долине реки Самары (Волжской)». Здесь я хорошо познакомился с заведующим кафедрой ботаники, доцентом (ныне – профессор) Морозовым Николаем Васильевичем. Профессор Е.Л. Любарский показал нам с

Сергеем Сеницким кафедре ботаники и старинный гербарий (в статусе института) в Казанском университете.

Летом 2003 года мне привелось побывать в Оренбурге и в Пензе. В Оренбург я ехал поездом «Самара – Оренбург» в плацкартном вагоне. В купе на нижней полке до Кинеля спала женщина, а двое мужчин, занимавших боковые полки, все что-то ходили по вагону, стуча каблуками сапог и «с грюком» переставляя тяжеленные сумки. Смеркалось. Наступала ночь. Когда поезд проследовал Кинель и Новоотраденскую, я лег на свою полку и собрался заснуть. Но тут моя соседка, проснувшись, встала и затеяла разговор с мужчинами. Они «колготились» всю ночь, громко разговаривая, стучая и «грюкая». Поспать мне фактически не удалось. Поезд в Оренбург прибыл очень рано утром.

Международная конференция «Степи Евразии. Эталонные степные ландшафты» проходила на базе Института степи УрО РАН. По подсказке я добрался до этого института на рейсовом микроавтобусе, где увиделся с директором Александром Александровичем Чибилевым. Но работа конференции проходила в большом и красивом здании на центральной площади города, куда хозяева и перевезли меня на машине. В первый день на пленарном заседании, на котором присутствовало множество народа, были заслушаны доклады съехавшихся из многих городов специалистов-степеведов. Мой доклад «Песчаные степи Заволжья как элемент ландшафтного разнообразия» состоялся на секционном заседании. Конференция в целом производила очень благоприятное впечатление: и числом участников, и несомненной заинтересованностью их в обсуждаемых проблемах.

Но бессонная ночь давала себя знать. После сытного обеда, которым угостили нас гостеприимные хозяева, меня так сильно клонило на сон, что я с трудом досидел до вечера, до окончания конференции. Прибыв в 2-местный номер гостиницы, я улегся спать. Но около полуночи меня разбудил громкий стук в дверь. Это дежурная привела еще одного поселенца в мой номер. Новый сосед спросил о наличии в гостинице ресторана и ушел. Я снова мирно заснул. Но часа в 3-4 ночи я снова проснулся. В номере горел свет, громко «орал» телевизор, окна распахнуты настежь, плотно накурено. Было слышно, что сосед «плещется» в ванной. Я встал, выключил телевизор и электрический свет. О, Russia!!! За что же нас должны уважать другие народы? Ведь мы не уважаем даже друг друга. Город Оренбург произвел на меня благоприятное впечатление. Особенно понравился Парковый проспект своим очень грамотным озеленением. С одной его стороны красивые скверы сменяют друг друга.

Всероссийская конференция «Охрана растительного и животного мира Поволжья и сопредельных территорий» проходила на базе Пензенского госпедуниверситета и посвящалась 130-летию со дня рождения И.И. Спрыгина. Организатором ее являлся заведующий кафедрой ботаники, профессор Виктор Николаевич Хрянин. Я представил здесь доклад «Травянистые сообщества на песчаной террасе реки Самары как компоненты биоразнообразия в степном Заволжье». Участников конференции, особенно приезжих, было немного. Доминировали – хозяева. Я побывал в Пензенском госагроуниверситете, куда долго ехал рейсовым автобусом, и прошелся по улицам Пензы. Вечером я сел на поезд «Пенза – Самара» и к утру прибыл домой.

Еще раз в Оренбурге я побывал в мае 2006 года на III Международной конференции «Биоразнообразии и биоресурсы Урала и сопредельных территорий». Она проходила на базе Оренбургского госпедуниверситета. Организатором выступала заведующая кафедрой ботаники и физиологии растений, профессор Рябинина Зинаида Николаевна. Прибыли мы в Оренбург поездом вдвоем с профессором Виктором Ксенофонтовичем Медведевым (из Самарского государственного экономического университета). Нас с ним встретили на вокзале и поселили в гостиницу общежития Оренбургского госагроуниверситета вдвоем в 2-местный номер.

В первый день мы присутствовали на заседании диссертационного совета, на котором состоялись защиты двух кандидатских диссертаций: аспирантки нашей проф. Т.И. Плаксиной – И.В. Шароновой и аспирантки проф. З.Н. Рябиной. По второй диссертации я выступал оппонентом, а Виктор Ксенофонтович, принимая участие в дискуссиях, давал оценку обоим диссертациям. Так что мы добросовестно «отрабатывали свой хлеб» и поэтому были приглашены на банкет. Сидя за праздничным столом, мы разговорились с соседом, который взял на себя миссию передать о нашем приезде Галине Васильевне Кадиной – бывшей ученице Виктора Ксенофонтовича. Теперь она имела другую фамилию и была и доктором наук, и профессором, да еще и проректором по научной работе Оренбургского госагроуниверситета.

На следующий день с утра состоялось пленарное заседание конференции, на котором я сделал доклад «Биоэкологическая характеристика флористического состава естественных березняков как компонентов биоразнообразия в степном Заволжье». Слушали меня внимательно. Однако я выступал последним перед конкурсом работ школьников и конец доклада мне «скомкали». К обеденному перерыву прибыла наша Галина Васильевна и, тепло поздоровавшись, заявила, что забирает нас с Виктором Ксенофонтовичем с собой. Спустя короткое время, мы уже сидели в «загерманском лимузине» вместе с Галиной Васильевной, ее шофером и женщиной-профессором с кафедры зоологии. Наш «кабриолет» пулей улетал от Оренбурга в бескрайние степи, а за ним «поспешала» еще одна легковая машина с профессором З.Н. Рябиной и «заграничными» участниками конференции. Ехали мы долго, много часов, но, наконец, прибыли к реке Сакмар, на крутых всхолмлениях берегов которой возвышалась «крепость», где происходили события, описанные А.С. Пушкиным в «Капитанской дочке». Все это специально было сооружено для уже прошедших съемок кинофильма.

Сначала мы осматривали «крепость», фотографировались. Было солнечно и жарко. А затем Галина Васильевна повела нас к реке, где находилась загородная резиденция ее ВУЗа. В ней был большой актовый зал, спальные помещения, ресторан. Уже был накрыт праздничный стол... На обратном пути в Оренбург нас завезли в село, где располагался целый церковный комплекс с очень величественными храмовыми сооружениями. В город мы прибыли к вечеру и теперь оказались снова в гостях, но уже в квартире Галины Васильевны: Виктор Ксенофонтович, я, Зинаида Николаевна Рябинина и профессорша-зоолог. В номер гостиницы мы пришагали «дуже наеденными». На другой день конференция продолжалась до вечера...

В ноябре 2006 года меня пригласили в Киров для участия во Всероссийской

научной конференции «Актуальные проблемы регионального экологического мониторинга», которая проходила на базе Вятского государственного гуманитарного университета (бывший пединститут). Ехал я поездом с пересадкой в Нижнем Новгороде, где повидался с А.И. Широковым. В Киров поезд из Нижнего Новгорода прибыл в полночь, но меня встретили, отвезли на машине и устроили в гостинице на ул. Воровского.

Организатором конференции выступала профессор Т.Я. Ашихмина – заведующая лабораторией биомониторинга Института биологии Коми НЦ УрО РАН и Вятского государственного гуманитарного университета (ВГГУ). Заседания проходили на химическом факультете ВГГУ (декан – доц. М.А. Зайцев), в новом, современном корпусе на ул. Ленина. Участников, в том числе приезжих, было очень много, особенно – из Сыктывкара. Пленарное заседание состоялось в большом и просторном актовом зале, где за столом президиума находились руководители ВГГУ и областных ведомств, связанных с охраной природы. Меня удивила, прежде всего, очень четкая и грамотная речь всех выступающих. В перерывах был чай и кофе с бутербродами, обед – в столовой. Автобус сыктывкарцев, которые проживали в гостинице на ул. Воровского, доставлял всех на заседания и, наоборот, в гостиницу. Свой доклад «Особенности биоразнообразия степных лесов юго-востока европейской России и их биоэкологическая оценка» я сделал на секционном заседании. Слушали хорошо, было много вопросов. Заведующая кафедрой ботаники, профессор Наталья Павловна Савиных показала мне лаборатории и учебные помещения. Мы хорошо побеседовали.

Я побывал на кафедре ботаники и физиологии растений в Вятской госсельхозакадемии, где был очень тепло встречен профессором Евгенией Матвеевной Панкратовой, с которой мы проговорили несколько часов. Она показала мне все помещения кафедры, в том числе, – микробиологические боксы по разведению азотофиксирующих цианобактерий. Сходил я во Всероссийский НИИ охотничьего хозяйства и звероводства, где познакомился и поговорил с заведующей отделом экологии и ресурсведения дикорастущих растений, кандидатом биологических наук Егониной Татьяной Леонидовной.

Отъезд из Кирова я не забуду никогда. Поезд на Нижний Новгород отправлялся ранним утром. Чтобы не опоздать, я с вечера заказал такси и на вокзал прибыл заблаговременно. Сидя в зале ожидания, я напряженно вслушивался в объявления по радио, полагая, что междугородний поезд поставят на основные пути. Его же поставили на пригородной платформе. Как я бежал, когда до отхода поезда оставалось 3 минуты! Хорошо, что проводница впустила меня в хвостовой вагон, иначе поезд ушел бы без меня. Долго я не мог успокоить душащий кашель...

Не последний ли раз? на выезде я участвовал в октябре 2007 года в Международной конференции «Рослини та урбанізація», которая проходила на базе Днепропетровского национального аграрного университета (ДНАУ) в Днепропетровске. Организатором ее выступала заведующая кафедрой садово-паркового хозяйства, профессор В.П. Бессонова, которая вернулась из Запорожья, где она руководила кафедрой ботаники, в Днепропетровск. Чтобы моя милая супруга побывала на родине, я взял месячный отпуск, и мы вдвоем поездом «Свердловск – Симферополь» прибыли в Синельниково, а оттуда электричкой – до

Днепропетровска.

На конференцию съехалось много участников: из Киева, Донецка, Харькова, Запорожья, Кривого Рога и др. Заседания проходили в высотном здании ДНАУ у парка Шевченко, в большом актовом зале с огромными окнами. И хотя мы с Раей еще за день до начала конференции посетили Валентину Петровну, и я высказал беспокойство об аппаратуре и иллюстрациях, помощники ее опять (как и в Запорожье в 1998 году) «облапошились»: они успешно проверили компьютерный проектор под вечер, но не учли, что в первую половину дня в окна светит яркое солнце. Поэтому мой доклад «Состояние и перспективы развития зеленого строительства в г. Самаре» прошел при «неясных тенях» на экране. Я же так старался, отснявая уличные, скверовые и иные зеленые насаждения в различных местах Самары цветным цифровым фотоаппаратом, а Е.С. Корчиков изготовил тематическую презентацию! Увы, пришлось «рисовать картины» языком. Но слушали мое сообщение хорошо, тем более, что я привел в нем множество мало известных фактов из истории, географии и экологии, роднящих Самару и Днепропетровск. Иллюстрации были приготовлены и другими докладчиками, но и им пришлось «работать языком»...

Мы повидались с профессором Ю.В. Лихолатом, доц. В.В. Тарасовым, встретились в дружеской компании с Г.Н. Крисановым, В.В. Павловым и В.Ф. Дабкевичем (он специально приехал из Бердянска), отметили 85-летие моей старшей сестры Шуры (с Любой и Катей), съездили в родное Раино село, где повидались с нашими добрыми давними друзьями и знакомыми (кума Женя, кум Василь, Галя Ягольник, Вова Тополь, Андрей Самохин и др.), побывали в Александровке у Людды Чоботенко-Шатухи, пожили у Ларисы Чоботенко-Соломяной. Назад в Самару приехали в прицепном из Днепропетровска вагоне с поездом Харьков – Владивосток. Украинские «прикордонники» не забрали ни «сільське сало», ни «сільську качку», которые везла с собой «моя добытчица» Раиса. В Самару поезд прибыл в полночь...

На пороге 70-летия меня посетила серьезная хворь. Она сильно ограничивает мои телодвижения по просторам Родины. Прости, Господи, грехи мои!

17. ВЗГЛЯД НАЗАД И ВПЕРЕД

Итак, судьба моя и вся трудовая жизнь неразрывно связана с двумя Университетами – Днепропетровским (1957-1972 гг.) и Куйбышевским-Самарским (с 1972 г. по настоящее время). В становлении и развитии моих Университетов, на удивление, прослеживается много общего. Так, Днепропетровский (тогда – Екатеринославский) Университет основан как частный (без государственного финансирования) решением правительства гетьмана Скоропадского (после свершившейся Октябрьской революции) 20 августа 1918 года. Устав его был одобрен комиссией под руководством акад. В.И. Вернадского. Возник университет на базе существовавших с 1916 г. Екатеринославских высших женских курсов. В нем функционировали 4 факультета: историко-филологический, физико-математический, медицинский и юридический. 27 января 1919 г. в Екатеринославе установилась Советская власть, и существование университета было подтверждено Декретом Совнаркома Украины «О переходе всех частных учебных заведений на содержание государства». Летом 1919 г. власть в Екатеринославе перешла к

Деникину, затем – к Махно, а в декабре окончательно утвердилась Советская власть.

Весной 1920 г. на Украине были закрыты все университеты. В Екатеринославе на базе медицинского факультета университета был образован самостоятельный медицинский институт, а из историко-филологического и физико-математического факультетов – Высший институт народного образования. За короткий период (1918-1920 гг.) Екатеринославский университет, тем не менее, успел проявить себя как подлинный «храм Науки», так как в нем объединились крупнейшие ученые того времени: проф. В.П. Карпов (гистолог, бывший директор гистологического института при Московском университете), проф. А.А. Мануйлов (бывший ректор Московского университета), проф. П.М. Леонтовский (горное дело), проф. М.К. Любавский (историк), проф. Л.В. Писаржевский (химик), проф. Л.В. Рейнгард (зоолог), проф. Д.И. Яворницкий (историк) и др.

После закрытия Екатеринославского университета его профессура в основном сосредоточилась в институте народного образования (ЕИНО), который постепенно претерпевал разнообразное реформирование (к 1933 году из него получились Днепропетровский физико-химико-математический институт и Днепропетровский институт профессионального образования).

Работая в институте народного образования (ИНО), где научно-исследовательская подготовка студентов не предусматривалась программой (обучение выпускников осуществлялось в течение трех, позднее – четырех лет), профессура бывшего Екатеринославского университета развернула «внеурочные студенческие научные кружки», вовлекая особо одаренных студентов в активное творчество. Так возникли и набрали силу многие научные коллективы студентов. Кружками, в частности, руководили: социально-исторический – проф. М.Ф. Злотников, проф. М.В. Бречкевич; истории Украины – акад. Д.И. Яворницкий; химический – проф. Л.В. Писаржевский; ботанический – проф. А.В. Рейнгард; зоологический – проф. Л.В. Рейнгард; физический – проф. А.Э. Малиновский и др.

Поскольку нужен был «выход на аспирантуру», профессура ИНО организовала «семинары повышенного типа», в которых особо одаренные члены научных студенческих кружков стали проходить фундаментальную теоретическую подготовку (тоже во внеурочное время). С 10 января 1927 года активно функционировали «семинары»: по зоологии (проф. Л.В. Рейнгард), ботанике (проф. А.В. Рейнгард), истории (профессора М.В. Бречкевич, В.А. Пархоменко), математике (проф. Г.А. Грузинцев), физике (проф. А.Э. Малиновский), химии (проф. Л.В. Писаржевский) и др.

В 1927 году в ИНО появляется зоологический музей (его первый руководитель – В.В. Стаховский), в 1929 году проф. А.В. Рейнгард создает Ботанический сад. Профессора ИНО публикуют много учебников и научных монографий. Период ориентации на подготовку «узких специалистов» в стране заканчивается. 19 сентября 1932 года ЦИК СССР издает Постановление «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» (в нем выделяется необходимость университетского уровня подготовки специалистов), а 3 января 1933 года выходит решение Наркомпроса УССР: «... открыть государственные университеты в таких городах: Харькове, Киеве, Одессе и Днепропетровске». Так

возродился Днепропетровский Университет. В него вошли Днепропетровский физико-химико-математический институт и биологический факультет Днепропетровского института профессионального образования. Так именовались «фрагменты» бывшего института народного образования (ДИНО). И эти «фрагменты» возникли, во многом благодаря активной и целенаправленной на науку деятельности успешно «выжившей» профессуры из Екатеринославского Университета 1918-1920 гг. «Хочешь жить – умей вертеться!»

В восстановленном Университете было сформировано 6 факультетов: физический, химический, математический, геологический, биологический, историко-экономический. Уже функционировали бывшие в ИНО гидробиологическая станция (институт), ботсад, геологический институт. И это – тоже заслуга профессуры, сумевшей в сумятице событий «спасти и развить» то, что «разбрасывалось» в период 1920-1932 гг. из ликвидированного Университета в узкопрофильные институты Екатеринослава-Днепропетровска.

Ну а затем – Великая Отечественная война, немецкая оккупация, разрушенный бомбежкой город, в том числе – корпуса университета и опять – восстановление. Что же представляет сейчас Днепропетровский университет? Ему, как и Самарскому университету, – 90 лет. В университете обучается по 60 специальностям более 15 тыс. студентов, в профессорско-преподавательском составе 150 докторов и 650 кандидатов наук, имеется 17 учебных корпусов, 7 общежитий, научная библиотека, дворец спорта, дворец студентов (бывший дворец князя Потемкина), ботанический сад, 2 биостанции, 3 научно-исследовательских института, есть аспирантура и диссертационные советы.

Самарский Университет был создан 10 августа 1918 года приказом №216 Комитета членов Учредительного собрания при военной власти Чехословацкого корпуса на базе Самарского педагогического института, возникшего, в свою очередь, по решению Самарского губернского земства (12 августа 1917 г.) путем объединения Самарского высшего женского педагогического института (существовал с 1911 г.) и эвакуированного (в 1914 г.) из Вильно Виленского учительского института. 7 октября 1918 г. в Самаре восстановлена Советская власть, а 21 января 1919 г. Совнарком РСФСР своим Декретом утверждает создание Самарского Университета. В нем постепенно сформировалось 4 факультета: историко-филологический, медицинский, физико-математический, агрономический, возникли 3 исследовательских института, агрономическая обсерватория, 15 лабораторий, 16 клиник, научная библиотека. В университете работали крупные ученые: профессора А.П. Нечаев (первый ректор), В.В. Гориневский (гигиенист), М.Н. Никифоровский (физиолог), М.И. Аккер (анатом), акад. В.Н. Перетц (историк), акад. А.П. Баранников и профессора Е.И. Тарасов, А.В. Багрий (филологи) и др.

В 1920 году случился недород, в 1921 году – голод. Разруха в стране, отсутствие средств привели в 1927 году к ликвидации Самарского Университета. На базе его факультетов возникли нынешние медицинский, сельскохозяйственный, педагогический, политехнический институты.

Прошло почти 40 лет. 14 декабря 1966 года Совет Министров СССР принимает Постановление «Об организации Куйбышевского государственного университета», затем (30 июня 1968 г.) следует решение Куйбышевского

областного совета депутатов трудящихся «О создании *минимальных* условий для открытия КГУ». С апреля до 20 августа 1969 г. ректор восстанавливаемого университета доц. А.И. Медведев добился (Минвуз РСФСР выделил 500 тыс. рублей) возведения (за 5 месяцев!) первого учебного корпуса (сейчас это школа №41), а с 1 сентября 200 студентов (70 юношей и 130 девушек) приступили к занятиям в КуГУ по специальностям: физика, математика, история, русский язык и литература. На первых 6 кафедрах (заведующие – профессора В.А. Бочкарев, А.Д. Ершов, Е.И. Медведев, С.П. Пулькин и доценты Д.И. Алексеев и А.И. Медведев) трудилось 17 преподавателей!

А что сейчас, к 90-летию создания и 40-летию возрождения представляет собой современный Самарский Университет? В нем около 13 тыс. студентов на 10 факультетах по 23 специальностям обучают 630 преподавателей с 60 кафедр, среди которых 102 доктора и 300 кандидатов наук. Университет имеет 7 учебных корпусов, 2 общежития, 30 компьютерных классов, медиациентр, ботанический сад, биостанцию, есть аспирантура и диссертационные советы.

Так на чем же зиждется Классический Университет? Основа его – самовоспроизводящаяся, устойчивая система непрерывного взаимодействия ученика и Учителя, студента и Ученого, рождающая принципиально Новые Знания о Природе и Обществе. Учебный процесс и научное творчество – неразрывны. Без них нет ни Университета, ни Науки, ни Образования, ни Культуры, ни Прогресса в Народе и Государстве. Движущая сила Университета – доктора и кандидаты наук, но только те, кто не прекращает научного творчества в теснейшем контакте со студентами.